

1999

*...Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!
Ф.И.Тютчев*

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

**К 200-летию
со дня рождения
А.С.Пушкина**

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivio Historico

№ 3

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

1999
№ 3

Выходит 6 номеров в год

СЕДЬМОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Сводки приема
И.В.Сталиным
посетителей:
1925–1928 гг.

Меморандум
«Фронта литовских
активистов»
Гитлеру

Из переписки
бывших разведчиков

Лидеры РСДРП
о Чрезвычайном съезде
НСДПГ. 1920 г.

Окончательная гибель
Всероссийского
Учредительного собрания

С.Ф.Платонов –
графу С.Д.Шереметеву:
1898–1918 гг.

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А.ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В.АНАНЬИЧ, Д.Ж.БИЛЛИНГТОН (США), Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ,
О.В.ВОЛОБУЕВ, Ф.КАЛЕНБЕРГ (ГЕРМАНИЯ), В.П.КОЗЛОВ, А.В.КОРОТКОВ,
Э.КРОСС (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ), С.В.МИРОНЕНКО, Ч.ПАЛМ (США),
Р.Г.ПИХОЯ, Н.Н.ПОКРОВСКИЙ, А.Н.САХАРОВ, А.К.СОРОКИН,
А.Д.СТЕПАНСКИЙ, А.О.ЧУБАРЬЯН, В.В.ШЕЛОХАЕВ, С.О.ШМИДТ,
Г.ШУКМАН (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

Редакция:

Д.А.АМАНЖОЛОВА, В.Ю.АФИАНИ (ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА),
О.И.ГОРЕЛОВ, Г.И.НАУМЕНКО (ОТВ. СЕКРЕТАРЬ), М.И.ОДИНЦОВ,
А.Н.СВАЛОВ, Ю.В.СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4 корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».
Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4 корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: rosppen-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.ripn.net> gopher://gopher.ripn.net

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@ripn.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

На 1-й стороне обложки:

Н.В.Кузьмин. Иллюстрация к «Евгению Онегину»
А.С.Пушкина (М.—Л., Academia, 1933).

© «Исторический архив», 1999

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ РОССИИ

В каждом из нас живет частичка Пушкина. 200-летие со дня рождения великого поэта — это не просто очередная «круглая дата» или «мероприятие» общегосударственного масштаба. Для всех россиян нынешний юбилей — подлинно всенародный праздник. Символично, что он совпал с воскресеньем, «красным днем» календаря.

Александр Твардовский как-то заметил, что узнал и полюбил Пушкина в том возрасте, «когда гораздо слаще слушать чтение, чем читать самому... Но если Пушкин приходит к нам с детства, то мы по-настоящему приходим к нему лишь с годами». Справедливые слова, в их истинности убеждалось не одно поколение вдумчивых читателей.

Жизнь и творчество поэта, с поразительной художественной силой выразившего русский национальный характер как результат многовекового исторического развития народа, всегда привлекали внимание исследователей. Посильный вклад в их изучение внесли литературоведы, историки, архивисты. Создана огромная Пушкиниана. В научный оборот введены тысячи архивных документов. Тем не менее и сегодня продолжается поиск материалов, раскрывающих новые грани биографии Пушкина.

Документы, включенные в юбилейную рубрику № 3 журнала «Исторический архив», охватывают почти столетний период. Первый из них — письмо купца Ивана Баркова, отправленное в Москву из города Касимова и датированное 9 февраля 1837 г., — является одним из наиболее ранних известий о безвременной кончине Пушкина. Свое мнение об этой невозполнимой утрате автор выразил так: «Поплачет Русская поэзия о закате своего Солнца Красного Пушкина». Письмо служит наглядным свидетельством народного характера пушкинского гения, его известности в разных слоях русского общества.

Большой интерес представляют публикуемые в номере отрывки из дневника одного из первых пушкинистов, издателя «Русского архива» П.И.Бартенева за 1854—1855 гг. Они касаются сведений, непосредственно связанных с Пушкиным и его знаменитыми современниками — Н.В.Гоголем и Т.Н.Грановским. Дополнительный свет проливают дневниковые записи П.И.Бартенева на его спор с П.В.Аннековым по поводу воспоминаний сестры поэта О.С.Павлицевой.

Третья публикация рубрики включает документы, раскрывающие роль А.Б.Каменева в издании и пропаганде пушкинского наследия. Под руководством и при активном личном участии этого известного партийного и государственного деятеля, к началу 1930-х гг. изгнанного с советского Олимпа, была проведена значительная работа по подготовке к 100-летию со дня гибели поэта.

В заключение хочу подчеркнуть: творчество Пушкина наполнено общечеловеческим содержанием. Его уникальная способность ощущать мировую культуру как единое целое Ф.М.Достоевский назвал «всемирной отзывчивостью». 200-летний юбилей великого поэта России — праздник народов всего мира.

«ПОПЛАЧЕТ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ...»

Письмо купца И.Д.Баркова племяннику С.В.Баркову. 1837 г.

В старинном городе Касимове, на берегу Оки стоит дом начала XIX в. в стиле «ампир», некогда принадлежавший купеческой семье Барковых¹. Вели Барковы торговлю металлоизделиями, владели золотыми промыслами, имели конторы в Москве и Касимове — иными словами, принадлежали к богатой части своего сословия. Разумеется, главный предмет их эпистол — коммерческие и семейные дела. Но встречаются письма иного содержания, прежде всего, в переписке И.Д. и С.В.Барковых.

В Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ) хранится обширный фонд Барковых, в котором сосредоточены документы за первые десятилетия XIX в., включая множество частных писем членов этого семейства². Ранее материалы Барковых входили в состав знаменитой коллекции красноярского купца Г.В.Юдина, позже расформированной. В многопрофильном обзоре коллекции автор этих строк среди других источников указал на одно из писем, где упоминалось о смерти А.С.Пушкина; выдержки из него были опубликованы на страницах газеты «Советская Россия»³. Обе публикации вряд ли стали достоянием пушкинистов. К тому же в росписи «Временника» Пушкинской комиссии данные газет не учитываются. Тем самым есть смысл вернуться к названному документу специально, ибо он, по нашему мнению, заслуживает того по многим причинам; главное — мы получаем из первых рук одно из наиболее ранних известий о кончине великого поэта.

5 февраля 1837 г. Иван Дмитриевич Барков, будучи в Касимове, получил от своего племянника Семена Васильевича Баркова письмо из Москвы, на которое откликнулся письмом, датированным 9 февраля. Оно-то и является предметом нашего внимания. Но прежде нужно сказать, что купцы Барковы принадлежали к той генерации русских предпринимателей, для которой далеко не случайным стал интерес к литературе, культурной жизни, общественным проблемам. Благодаря изысканиям последних лет, русское купечество пушкинской поры заявляет о себе в качестве заметной общественной силы на ниве просвещения, книгоиздательства, театральной жизни, вообще в интеллектуальной сфере⁴. Показательно, что И.Д.Баркова занимает вопрос о бенефисе М.С.Щепкина (письмо от конца февраля 1837 г.), он с нетерпением ждет сообщений из Москвы. Иван Барков надеется: «Тут будет

¹ См.: Вагнер Г.К., Чугунов С.В. По Оке от Коломны до Муромы. М., 1980. С. 120.

² ЦИАМ. Ф. 2330. Документы Барковых — в коллекции Г.В.Юдина.

³ См.: Преображенский А.А. Коллекция Г.В.Юдина в Государственном архиве Красноярского края (Краткий обзор) // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 286; он же. Солнце нашей поэзии // Советская Россия. 3 июня 1983 г.

⁴ См.: Клейменова Р.Н. Книжная Москва первой половины XIX века. М., 1991; Нилова О.Е. Московский книгопродавец О.Л.Свешников (профессиональная деятельность в первой четверти XIX века // Менталитет и культура предпринимателей России XVII—XIX вв. Сб. статей. М., 1996. С. 58—82; История предпринимательства в России. От истоков до середины XIX в. М., 1999 и др.

что-то о Родине»⁵. Еще в 1833 г. дядя, находясь в Москве, поведал племяннику о великолепной игре приехавшего из Петербурга В.А.Каратыгина в пьесе «Дмитрий Донской»⁶. Не подлежит сомнению патриотическая направленность взглядов Барковых, что отвечало настроениям немалого числа их собратий по сословию.

Нельзя не отметить, что и А.С.Пушкин силою обстоятельств входил в соприкосновение с людьми «купецкого чина». Известно, например, что он получил от К.Т.Хлебникова, вчерашнего кунгурского купца, видного деятеля Российско-Американской компании, какой-то материал для публикации в «Современнике»⁷. Кстати, немало друзей поэта, включая декабристов, служило в этой компании и имело широкие связи в купеческой среде (К.Ф.Рылеев, Д.И.Завалишин и др.). Сохранились любопытные данные о контактах с Пушкиным «иркутского жителя» И.Т.Калашникова (хотя он был чиновником, его фамилия явно не дворянского происхождения). В черновике пушкинского письма от начала апреля 1833 г. идет речь о том, что Калашников уведомил Александра Сергеевича о своей высокой оценке его произведений. Поблагодарив корреспондента, Пушкин заметил: «Удовольствие читателей, коих уважаем, есть лучшая из всех награда»⁸. Калашников после смерти поэта в письме П.А.Словцову рассказал весьма сочувственно об этом трагическом событии. Он писал: «В течение двух прошедших недель здесь (в Петербурге. — А.П.) все говорило, спорило, шумело о смерти Пушкина. Потеря этого человека без преувеличения — необыкновенно поразила сильно, особенно юную генерацию. Говорят, при теле его перебывало 32 т[ысячи] человек. Смерть Карамзина того не произвела. Отчего? В настоящем случае уже видна народность. В России 10 лет — целый век, она шагает удивительно»⁹. Несомненно, автор письма имел в виду не только всенародное признание Пушкина, но также рост национального самосознания в России.

Наглядным свидетельством народного характера пушкинского гения, его широкой известности в разных слоях русского общества, в том числе непривилегированного «третьего сословия», служит и публикуемое ниже письмо купца Ивана Баркова из далекого Касимова.

А.С.Пушкин скончался 29 января 1837 г. (по старому стилю). А уже 9 февраля И.Д.Барков горюет, находясь за тысячу верст от Петербурга, о невосполнимой утрате. Трудно сказать, как узнал он об этом. Возможно, из письма своего племянника, находившегося в Москве (оно, напомним, датируется 5 февраля 1837 г.). Имел ли в руках Иван Барков номер газеты «Русский инвалид» с извещением о кончине Пушкина, источник также умалчивает. При всех условиях быстрота передачи информации в данном случае поразительна. Она граничит с правительственной фельдъегерской связью, но таковой у купцов, разумеется, быть не могло. Не исключено, что печальную весть домчали до Касимова лихие ямщики.

Равным образом достаточно загадочными выглядят слова Ивана Баркова. Они перекликаются с кратким извещением о смерти Пушкина в «Литературных прибавлениях» к газете «Русский инвалид» (издатель

⁵ ЦИАМ. Ф. 2330. Д. 474. Л. 17.

⁶ Там же.

⁷ См.: Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова. Новоархангельск. М., 1985. С. 21—22; Модзалевский Л.Б. Пушкин и Хлебников // А.С.Пушкин и Сибирь. М.—Иркутск, 1937. С. 158.

⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 430.

⁹ Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. VI. С. 104.

А.А.Краевский, автор текста В.Ф.Одоевский)¹⁰. Вполне возможно, что С.В.Барков переслал вместе с письмом номер этой газеты, в котором первая строка горестного сообщения, как известно, гласила: «Солнце нашей поэзии закатилось!». У Ивана Баркова читаем: «Поплачет Русская поэзия о закате своего Солнца Красного Пушкина». Прямое совпадение здесь касается слов «закат» и «солнце поэзии». Заимствование из газеты не исключается. Но одновременно мы видим и определенные отличия. И.Барков пишет, во-первых, о солнце «русской поэзии», во-вторых, у него — «Солнце Красное», что усиливает образ. Это — уже собственное разумение ему подсказало почти былинное выражение. Вспомним Владимира Красное Солнышко. Другой современник, народный поэт, выходец из низов А.В.Кольцов независимо ни от кого так отзовется о гибели А.С.Пушкина: «Прострелено солнце!»¹¹. Наконец, свое мнение о смерти поэта И.Барков начинает словами: «Поплачет Русская поэзия». Тут видна самая непосредственная реакция русского человека на горькую весть об уходе из жизни дорогого его сердцу Пушкина. Одним словом, перед нами глубоко личное, собственное отношение к гибели великого поэта. Вероятно, подобные мысли были созвучны племяннику И.Д.Баркова Семену Васильевичу, возможно, всей разветвленной купеческой семье Барковых. Показателен и такой факт. После объявления подписки на посмертное собрание сочинений А.С.Пушкина в 1837 г., доход от которого должен был поступить в пользу семьи поэта, среди подписчиков встречается касимовский купец Иван Андреевич Якунчиков¹².

Интересен и вопрос об «экспромте», который автор письма считает пушкинским, причем, приурочен он к той поре, когда поэт собирался жениться. Известно, что Пушкину нередко приписывали эпиграммы, афоризмы, высказывания, которые ничего общего не имели с действительностью¹³. И в данном случае лишь специальные разыскания пушкинистов могут развеять сомнения. Но как бы то ни было, здесь мы имеем дело с некой устной традицией. Ведь надо было запомнить эти три строки, откуда-то их почерпнуть. Что касается третьей мрачной заповеди о грозящем аде в случае женитьбы, то она может восприниматься, по крайней мере, в двояком смысле. Во-первых, Пушкин в канун женитьбы испытал сложные, противоречивые переживания в самых широких пределах — от отчаяния и смутных предчувствий до ожидания простой человеческой радости от грядущей семейной жизни с красавицей-женой. Об этом много написано, упоминалось, в частности, что Пушкин-жених напевал слова песни: «Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи». Сие настроение в гипертрофированном виде воспроизводится и в «экспромте». Во-вторых, вполне очевидно, что семейные дела поэта были предметом пересудов не только в гостининых петербургской знати и в дворянских особняках. Слухи, рассказы, сплетни на этот счет достигали и купеческой среды, ибо сентенция И.Баркова о сбывшемся на самом Пушкине его «экспромте», намек на причастность к его трагической судьбе супруги поэта достаточно красноречива.

Говоря о письме Ивана Баркова в целом, опуская личные моменты, не поддающиеся расшифровке, но свидетельствующие о начитанности автора

¹⁰ См.: Гессен А. Набережная Мойки, 12. М., 1960. С. 239—240.

¹¹ Там же. С. 242.

¹² См.: Глаголева О.Е. Тульская книжная старина. Тула, 1992. С. 63.

¹³ См.: Ефремов П.А. Мнимый Пушкин в стихах и прозе и изображениях. СПб., 1903.

(слова о «Балчужном Телемаке»), следует подчеркнуть, что оно стоит особняком в ряду эпистолярных, дневниковых и мемуарных источников, идущих по свежим следам событий, связанных с гибелью Пушкина. В самом деле, известные отклики принадлежат перу дворянских авторов, что устанавливается по перечню этих откликов, собранных в литературе¹⁴. Тем ценнее наш источник, восходящий к читающей части купеческого сословия.

В публикации сохранены орфографические и синтаксические особенности документа, включая употребление заглавных букв (очень характерное применительно к А.С.Пушкину).

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.А.ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

И.Д.Барков — С.В.Баркову

г. Касимов

9 февраля 1837 г.

Любезный Семен Васильевич.

За письмо от 5-го числа тебя благодарю, — ты так добр, что не отказал в моей просьбе писать мне больше и чаще.

Если можно, опиши подробнее странствие и приключение и даже самое заключение: Балчужного Телемака, и не умолчи взором правды его другой половины.

Поплачет Русская поэзия о закате своего Солнца Красного Пушкина. Экспромт, сказанный им пред своей женитьбою оправдался над ним самим:

«Коль хочешь быть в раю — молись.
Коль хочешь быть спасен — трудись.
Коль хочешь быть в Аду — женись».

Здоровье мое в одинаковой степени. Поклонись от меня родным, — знакомым и домашним. Пиши, мой друг о житье-бытье твоём в Белокаменной — извещай о новостях, не забывая любящего тебя

Ивана Баркова

P.S. При сем прилагаемое письмо к К.И.Гофману потрудись доставить.

ЦИАМ. Ф. 2330. Д. 474. Л. 15—15об. Подлинник. Автограф.

¹⁴ См.: Пушкин и его современники. Вып. VI. С. 98—110; Вацуро В.Э. Из неизданных откликов на смерть Пушкина // Временник Пушкинской комиссии за 1976 г. Л., 1979. С. 46—64; Лернер Н.О. Рец. // Минувшие годы. 1908. Кн. VIII. С. 314.

ПЕТР БАРТЕНЕВ О ПУШКИНЕ

Из дневника 1854—1855 гг.

Петр Иванович Бартенев (1829—1912) — историк, архивист, археограф, бессменный издатель журнала «Русский архив» на протяжении почти пятидесяти лет, был и одним из первых российских пушкинистов. Как удалось определить М.А.Цявловскому, самая ранняя запись пушкинских текстов, сделанная рукой Бартенева, относится к 6 мая 1848 г. Это наблюдение позволяет утверждать, что еще будучи студентом Московского университета, Петр Иванович собирал материалы о любимом поэте¹. В 1850—1852 гг. он познакомился с П.Я.Чаадаевым, С.А.Соболевским, П.А.Плетневым, сестрой поэта О.С.Павлицевой, многими другими друзьями и родственниками Пушкина. Его охватила настоящая страсть к собиранию устных воспоминаний современников о Пушкине, к копированию неопубликованных стихотворений поэта, увековечению его памяти всеми доступными ему способами. Сохранилось письмо С.А.Соболевского лицейским товарищам Пушкина Ф.Ф.Матюшкину и М.Л.Яковлеву: «Матюшкин и Яковлев! Сии строки доставит Вашим Превосходительствам мой истинный приятель Петр Иоаннов сын Бартенев, у коего цель жизни: собрать все, что только можно о незабвенном нашем Пушкине. Примите его в свои объятия и рассказывайте ему все что знаете. Обнимаю Вас, голубчики. Соболевский»².

В 1851 г., после окончания университета, 23-летний П.И.Бартенев по рекомендации профессоров К.А.Коссовича и М.П.Погодина стал учителем детей Л.Д.Шевич (урожденной графини Блудовой). У нее в доме он познакомился с графом Д.Н.Блудовым, общение с которым оказало на него большое влияние. Все члены этой дружной семьи хорошо знали, помнили А.С.Пушкина. Бесспорно, что Бартенев, соглашаясь на преподавательскую работу в их доме, имел в виду это немаловажное для него обстоятельство. Об этом свидетельствуют два рекомендательных письма от С.В.Шевырева и М.П.Погодина, обращенных к П.А.Плетневу, которые он имел с собою, уезжая в Петербург. Первый из них так отозвался о любознательном увлеченном юноше: «Бартенев влюблен в поэзию Пушкина и в память о нем. Он собирает материалы для его биографии. Я уверен, что вы не откажете ему в этом. Вы сами храните столько живых преданий о нашем незабвенном поэте». В свою очередь, М.П.Погодин отмечал: «Бартенев уже несколько лет собирает материалы для биографии Пушкина с любовью и всеми качествами, коих требует это дело. Скажите ему, чтоб он показал вам свой скарб, и вы удостоверитесь в истине моих слов»³.

Во время пребывания в Петербурге Бартенев получил от Плетнева, имевшего доступ к рукописям Пушкина, ряд текстов стихотворений. Весной 1852 г. он писал товарищу по университету П.А.Бессонову: «Грановский

¹ См.: Из пушкинианы П.И.Бартенева. Публ. и комм. М.Цявловского // Пушкин. Летописи Государственного литературного музея. М., 1936. Т. 1. С. 492.

² Цит. по: Бартенев П.И. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992. С. 17.

³ Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. СПб., 1896. Т. III. С. 156—157.

говорит, что у Плетнева, единственно, есть многие списки со стихотворений Пушкина, но что он не легко отдает их, и так как он человек очень тонкий, то нужно выменивать у него очень тонко; так например, у него вся сказка о "сердечном огне". По мнению М.А.Цявловского, Барте́нев получил у П.А.Плетнева тексты стихотворений «Воспоминания в Царском Селе», «Мирская власть» и ряд других.

После возвращения в Москву (1853 г.) у Барте́нева начинается полная забот и тревог жизнь историка, литератора, и, наконец, издателя, собирателя рукописного наследия великих россиян. Первыми его публикациями, связанными с Пушкиным, были — «Род и детство Пушкина» (журнал «Отечественные записки», 1853, № 11), «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии» (газета «Московские ведомости», 1854, №№ 71, 117, 119, 1855, № 142, 144, 145). В них автор предпринял попытку объединить основные материалы о жизни и творчестве поэта, накопленные им к середине 1850-х гг. Почти одновременно с этим вышли «Материалы для биографии А.С.Пушкина» П.В.Анненкова, но они не лишили научного значения работы Барте́нева.

В последующие годы Барте́нев опубликовал множество статей, заметок, воспоминаний, записей устных сообщений современников о Пушкине. В 1881 г. были изданы два его сборника, целиком посвященные поэту — «Бумаги А.С.Пушкина» и «К биографии А.С.Пушкина». Это были уникальные публикации неизвестных произведений Пушкина с обширными комментариями ученого.

Самоотверженный труд Петра Ивановича по достоинству оценили пушкинисты. Директор Пушкинского Дома Б.Л.Модзалевский отмечал, что Барте́нева, «собственно говоря, следует считать главою научного пушкиноведения, основателем «науки о Пушкине». Человек с большим научным и литературным образованием, с обширнейшими историческими и историко-литературными познаниями, с редкой склонностью к русской словесности и с благоговейной любовью к Пушкину, он был первым русским ученым, который, спустя лишь десяток лет после смерти поэта, начал собирать материалы о нем и его биографический и историко-литературный материал...»⁴.

Немало ценных сведений о Пушкине содержится в дневниках Барте́нева. Они позволяют полнее воспроизвести обстановку тех лет, научную среду, в которой вращался Петр Иванович, выяснить его литературные и общественные пристрастия, симпатии и антипатии, сложные жизненные перипетии, в которые он порой попадал.

Ниже публикуются отрывки из дневника Барте́нева за 1854—1855 гг., касающиеся сведений, непосредственно связанных с Пушкиным и его знаменитыми современниками — Н.В.Гоголем и Т.Н.Грановским. Дневник представляет собою толстую тетрадь (252 страницы), в добротном коричневом твердом переплете, в хорошем состоянии; автограф; датирован самим автором. На первой странице заголовок: «Мои записки с 18 ноября 1854 года по июль 1858 года (отъезд за границу)». Дневниковые записи, большей частью ежедневные, написаны мелким убористым каллиграфическим почерком, черными чернилами (бисерный почерк, характерной закругленной формы буквы). Имеющиеся маргиналии говорят о том, что Барте́нев неоднократно перечитывал свой дневник, уточняя и делая ценные, с его точки зрения, добавления в основной текст. В деле имеется также напечатанная на ремингтоне машинописная копия, но с пропусками (непрочтенными местами) и фактическими неточностями. Выполнена копия, предположитель-

⁴ Модзалевский Б.Л. Пушкин. Л. 1929. С. 278—279.

но, в начале XX века, когда рукопись, возможно, готовили к печати. После Октябрьской революции этот дневник так и остался неопубликованным.

Фрагментарно материалы дневника, связанные со спором Бартенева с П.В.Анненковым по поводу воспоминаний О.С.Павлицевой (известных среди пушкинистов 35 строк) были опубликованы в статье М.А.Цявловского «О Пушкине»⁵. Эпизоды дневниковых записей использованы в книге А.Д.Зайцева «Петр Иванович Бартенева» (М., 1989). Хронологически небольшой отрывок — «Дневник с 18 ноября по 6 декабря 1854 года» — был опубликован в журнале «Русский архив» (1992, № 2. С. 197—208).

Дневник хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 46), в котором сосредоточен основной комплекс автобиографических и творческих материалов Бартенева. Фонд включает 1623 единицы хранения, 9 описей. Материалы поступили в РГАЛИ (ранее ЦГАЛИ) в 1941 г., в момент основания этого крупнейшего отечественного архивохранилища документов деятелей науки, литературы и искусства. Ранее, в феврале 1935 г., эти материалы приобрел у Л.Э.Бухгейм Государственный литературный музей. В свою очередь, часть этих документов была приобретена Бухгейм в 1918 г. у сына Петра Ивановича, Сергея Бартенева.

Текст публикуемых отрывков из дневника воспроизводится по рукописному оригиналу с соблюдением орфографии автора. Воспроизведены все замечания и подчеркивания (выделены курсивом), встречающиеся в тексте и на полях дневника.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук И.А.СМИРНОВА.

Из дневника П.И.Бартенева «Мои записки с 18 ноября 1854 года по июль 1858 года (отъезд за границу)»

1854 г.

9 дек[абря]. Воскресенье

Не хотелось к обедни. Ездил к Беляеву¹ просить Люитпранда², выписки из которого у меня просит Гиляров³, недавно образованный рождением сына. У Беляева застал человек 6 студентов: учатся у него читать старинные бумаги. Ходил по Смоленскому рынку и купил несколько книг. После обедал у Елагиных⁴, что-то все скучны. Там был Кошелев⁵ с женою. Они оживили разговор. Кошелев очень здраво и умно обозревал весь ход войны и будущие ее фазы⁶. Хвалил последнюю нашу ноту (о 4-х пунктах), как единственно благоразумную в наших тяжелых обстоятельствах. «Тома»⁷ читал с особым наслаждением.

Утром, возвратясь домой, нашел у себя записку Соболевского⁸, который звал меня к себе. Анненков⁹ неумоимо сберегает якобы свою литературную собственность. О.С.Павлицева¹⁰ прислала Соболевскому письмо своего мужа из Варшавы, в котором он спрашивает ее, действительно ли она позволяла мне пользоваться «Запискою»,

⁵ См.: Пушкин. Летописи Государственного литературного музея. Т. 1. С. 445—447.

составленную им с ее слов о детстве Пушкина, и если нет, то грозит напечатать и уличить меня в покраже. Ольга Сергеевна советуется с Соболевским и поручает ему передать свое письмо ко мне в ответ на мою присылку двух моих брошюр (при чем я благодарил ее за «Записку»). В своем письме она изъявляет свое удивление, за что благодарю я ее, говоря, что она никогда не давала мне права пользоваться «Запискою» и что Анненков приведен в справедливое негодование против нее и ее мужа за то, что я напечатал будто принадлежащее ему. Видно, что Анненков совершенно смутил стареющую сестру Пушкина.

Во-1-х, она именно дала Соб[олевскому] «Зап[иску]» для передачи мне^a (в начале 1852 года); во-2-х, я напечатал из нее не больше 35 строк. Соболевский взялся оправдать меня.

Анненков поступил со мною по праву сильного и неблагодарно. В конце 1851 года, когда Погодин прислал его ко мне, он выпрашивал у меня мои бумаги, ласкался ко мне. Тогда он знал о Пушкине почти столько же, сколь я теперь знаю, например о Батюшкове¹¹. Он брал сначала в Москву, а потом в Петербург несколько раз бумаги мои к себе на дом, пользовался ими (и за то давал мне читать только запрещенную статью о Радищеве¹², да каталог библиотеки Пушкина). Исчерпав все, что я знаю, он сделался со мною скрытен. Теперь, по выходе первых двух брошюр моих (я начал писать единственно потому, что отчаялся в выходе его труда), он стал писать сюда письма, как неприятны ему мои статьи, как боится он за успех своего издания, для которого он будто бы заложил имение, грозил мне через Грановского¹³, говоря, что дети Пушкина запретят мне обнародовать неизданные стихи Пушкина (у меня приведено 3 отрывка — право, которое позволяли себе Сушков¹⁴, Погодин¹⁵, Тихонравов¹⁶, Краевский¹⁷ и пр.). Наконец, в здешнем Цензурном комитете получена от министра бумага, воспрепятствующая пропускать без высшего разрешения все статьи о Пушкине впредь до издания анненковского. Быть так!

11 дек[абря]

Утро провел в Университ[етской] библиотеке, выписывая для Гилярова некоторые места из Люипранда. Виделся с Тихонравовым, кот[орый] на днях едет в Калугу отдыхать от многих работ своих. Из актового зала слышны были скрипки. Это Верстовский¹⁸ с Шевыревым¹⁹ пробовали музыку для юбилея²⁰. Боюсь, что Шевырев как-нибудь осрамится на юбилее, который (как ни жаль, а надо признаться) есть какая-то тризна по Университету. Долго искал Люипранда, но спасио Ешевскому²¹: в минуту указал мне его в Перцовых Монументах.

Заезжал в контору «Москвитянина»²² и взял оттуда возвратившуюся от Погодина статью свою о Булгакове²³: он отказывается ее печатать. Оттуда к Семенову, просить его, чтобы отвез пакет с первою статьею моею о Пушкине Я.К.Гроту²⁴. Семенов, недавно вернувшийся с Каспийского моря от академика Бера²⁵, с кот[орым] занимался исследованием рыб, едет в Петербург.

^a Зачеркнуто слово: «зимой».

13 дек[абря]

Гувернер Васи, племянника и наследника Кузьмы Терентьевича²⁶, Рейман, передал мне письмо от 4 дек[абря] 1854 г. к Грановскому Анненкова: Грановский поручил Рейману дать мне это письмо для прочтения. Вот выписка из него, ко мне относящаяся:

«Можно наплевать в глаза тому, кто распустил в Москве благородное подозрение о том, будто я сочинил запрещение о печатании Пушкина. Это постановление сделано здесь, и конечно, без моего содействия, еще в 1852, для гарантии семейных прав пушкинских наследников, так что даже для статей о Дельвиге²⁷ Гаевского²⁸ цензор Бекетов требовал, в отношении прозы и стихов Пушкина, согласия моего, как получившего права по передаче. — Это первое. А второе и главное: я запретил печатание чего-либо про Пушкина. Кроме нравственных трудностей, но спрашиваю: был ли пример подобного ходатайства где-либо со стороны частного человека и литератора и возможно ли предполагать, чтоб какое-либо министерство было столь... столь, что приняло его. Неимоверно.

А дело вот в чем. В «Москвитяине» появилась сцена удалого чернеца из «Б[ориса] Годунова». Я вступил с прошением, ч[тобы] и мне дозволили включить ее. Мне отказали, или лучше я сам отказался, но я имел удовольствие слышать, что я подал донос на журнал. У меня вычеркнули мысли Пушкина о Державине²⁹, и я вступил с прошением, приведя безалаберные помарки цензора. Мысли мне дозволили, но Фрейгин говорил, что я на него подал донос. У меня вычеркнули Лицейскую внутреннюю жизнь Пушкина, я ссылался на статьи Гаевского и Бартенева, что и вызвало предписание. Это, может статься, неловко; но я полагаю, что я был обязан так поступить, да, если бы пришлось второй раз начинать, то точно так же бы поступил. А вот распустить слух, что я выхлопотал запрещение, и правдоподобность ему дать в минуту появления издания, все это, правда, ловко, но гадко, мерзко и огорчительно. Только это не надолго. Однако ж буду писать еще к Каткову³⁰. Здесь и Самарин³¹ привез эту канцелярскую сплетню, и ему скажу. А там она сама себя оголит и мерзости свои покажет».

Вечер у Елагиных. Взял у Солдатенкова³² те книжки «Отечес[твенных] Записок»³³, в к[оторых] печатались «Записки» Болотова³⁴. Хочется хорошенько узнать о Семилетней войне³⁵.

Ночевал у Елагиных и на другой день рано утром пришел пешком домой.

16 дек[абря]

Заехал по дороге на службу в Университет и имел с Грановским довольно крупный разговор об Анненкове. Гр[ановский] мне сказал: «Такие подозрения не могут равнодушно слышать друзья Анненкова, к числу которых я имею честь принадлежать».

18 дек[абря]

Поехал утром к Красным воротам за письмом... Любезного и доброго Ивана Васильевича³⁶ застал дома. Письмо оказалось от Гр[афини] Блудовой³⁷. Оно от 13 Декабря и я его берегу, как все ее письма. Иван

Вас[ильевич] видел графа, нашел его добрым и как всегда имел с ним приятный разговор. В Петербурге Киреевский виделся с Плетневым³⁸, кот[орый] сказывал ему между прочим, что первую главу моей рукописной биографии Жуковского³⁹, несколько месяцев прошлого года оставшейся у него, он читал Государыне, что ее В[еличест]во слушала с удовольствием, многих подробностей рождения и детства Ж[уковск]ого вовсе не знала и удивлялась от чего Ж[уковский] ничего ей не говорил о том. Все это для меня новость. Плетнев сделал такую нескромность без моего ведома. Он писал только, что может быть прочтет листики мои гостившей тогда в СПб. В[еликой] К[нягине] Ольге Николаевне⁴⁰, но при свидании нашем не упомянул, читал или нет.

Киреевский виделся также в Пет[ербурге] с давнишнею знакомою своею княгиною Долгорукою⁴¹, дочью известного Александра Федоровича Малиновского⁴². Она с детства б[ыла] коротка с Гончаровыми и Пушкиным. Она рассказывала Киреевскому, что накануне дуэли Пушкин с женою б[ыл] в театре, в ложе, рядом с ложею, в которой сидела она. П[ушкин] б[ыл] очень мрачен. Он улучил минуту и тихонько сказал ей: «Позовите завтра жену к себе, часов в 12 утра и удержите ее у себя как можно дольше». — Долгорукая беспрестанно ездила к умирающему Поэту. Он кричал от нестерпимой боли, так что слышно было на улице. Кн[язь] Вяземский⁴³ вышел из его комнаты и сказал Долгорукой, чтоб она поехала к Дантесам и передала им, что П[ушкин] прощает своего убийцу. Долгорукой сделали это поручение, как короткой приятельнице жены Дантеса, урожденной Гончаровой⁴⁴. Долгорукая отправилась, и так как ей горько б[ыло] видеть самого убийцу, то она велела вызвать к себе в карету его жену. Первое слово сей последней б[ыло]: «Как я рада, он не ранен!» — «Кто не ранен?» — спросила Долгорукова. — «Муж мой!» Д[олгорукая] стала говорить ей об опасности Пушкина и передала возложенное на нее поручение. Но Дантес уверяла, что все это пустяки, что рана легкая и что серьезного ничего нет. — С тех пор она не виделась с сестрою и уехала с мужем во Францию, где и скончалась несколько лет тому назад. Свадьба ее б[ыла] 6 января 1837; Ф.Ф.Вигель⁴⁵, тогдашний директор департамента иностранных исповеданий, показывал мне бумагу, коею испрашивалось какое-то дозволение на брак или подавалось о том сведение.

1855 г.

5 [января]

За простудой горла^a сидел дома и писал большое письмо к Блудовой. В 6 часу поехал отдать его Ермолову⁴⁶; меня не приняли: человек сказал, что у Алексея Петровича будет вечером кавказский Муравьев⁴⁷.

По дороге заехал к Елагиным. У них сидел И.С.Аксаков⁴⁸, который снова завел речь о разных письмах к Гоголю⁴⁹, ныне принадлежавших племяннику его Трушковскому. Я уже другой раз слушаю долгие

^a Зачеркнуто: «целое утро».

рассуждения об этих письмах, и должен молчать и не показывать, что все они б[ыли] в моих руках. Надо сказать, что письма эти с некоторыми книгами Гоголь оставил в чемодане у Жуковского. Вдова последнего привезла их в Россию и отдала А.П.Елагиной для доставления матери Гоголя. У Елагиных чемодан валялся несколько месяцев; на письма мало обращали внимания. Я выпросил их себе, разобрал и почти все прочел. Тут было до 300 писем, особенно много от Смирновой⁵⁰, Аксаковых, графов Виельгорских⁵¹, графа А.К.Толстого⁵², от поэта Языкова⁵³, Жуковского (все у меня списаны), Шевырева, Плетнева, Погодина, художника Иванова⁵⁴, какого-то товарища, одно большое письмо Никитенки после цензурного дозволения печатать «Мертвые души» (все пропущено, кроме одного места в истории Копейкина), письмо Белинского⁵⁵ («прежде, в Молве, разбирая ваши повести, я дерзал понизить Вас; я не понимал тогда, что изрыгаю хулу на духа; теперь жизнь моя связана с Вашими сочинениями»). Письма Смирновой (некоторые по неск[олько] листов) очень любопытны, как исповедь страстной души. Смирнова иногда предлагает ему денежную помощь (у нее 100 тысяч доход); упрекает в том, что он награждает бедных студентов, между тем как собст[венное] семейство его нуждается. Действительно Гоголь отдал Шевыреву некоторую сумму для раздачи бедным студентам, показывающим любовь к науке. Я помню, как на первом курсе еще, перед Рождеством Степан Петрович призвал меня, Безсонова⁵⁶ и Прейса (занимающихся — золотые мечты! — составлением древнего словаря) и дал каждому по 25 р[ублей] с[еребром], на книги и другие надобности. Мы долго отказывались, Шевырев уверял нас, что это не его деньги, что они именно для такой раздачи назначены одним человеком, коего имени он не может сказать. Уже по смерти Гоголя Шевырев сказал мне имя тайного нашего благотворителя. Кроме писем, уже гораздо позже, и случайно, в том же чемодане я нашел несколько черновых тетрадей Гоголя, брьюльонов («?») для университетских лекций, несколько начатых отрывков (1834-й год) и целые 5 глав неокончен[ной] повести об Остранице («?»).

Нам с Елагиным Н.А. больших трудов стоило переписать неразборчивую и чрезвычайно мелкую рукопись Гоголя. Все эти драгоценности А.П.Елагина отдала Кулишу⁵⁷ для доставления матери Гоголя. Теперь часть их у Кулиша, часть у Пустовского. Не знаю, зачем хотят раздать письма по принадлежности.

Разговорились об уме, талантах и многосторонних сношениях Смирновой. Действительно, это женщина очень замечательная. Пушкин был с нею близок. Она сказывала Аксакову, к[оторый] часто виделся с нею в Калуге, где ее муж губернаторствовал, что «Графа Нулина» Государь через нее отдал назад Пушкину. Кажется, что она не старается скрывать ничтожество своего мужа: в письмах к Гоголю есть явные намеки на то. Она сказывала, что раз у нее обедали Пушкин и Вас[илий] Перовский⁵⁸. За столом сидел и муж ее. Пушкин нагнул к Смирновой и тихонько сказал ей: «Так, за пятак, да гривенник»; вероятно намекая на различие между тремя собеседниками.

9 января

Только что проснувшись получил письмо из Изюма, от товарища Пушкина И.В.Малиновского⁵⁹. Он очень любезно отвечает мне, исправляет некоторые ошибки статьи моей и посылает песню, которую лицеисты певали в 1812 году и печатную биографию другого славного товарища своего Вольховского.

10 окт[ября]

4 окт[ября] утром в 10 ч[асов] умер Грановский. Долго я не мог опомниться от этого удара. Странное дело, не на одного меня, как узнал я после, эта смерть подействовала физически, именно расстроила пищеварение. Я хотел не думать о случившемся, между тем событие неотразимо теснилось в душу; мешало думать о чем-либо другом. По ночам бывало даже страшно. Меня влекло к его трупу, хотя я старался преодолеть это влечение, сам за собой подозревая неприличное в этом случае любопытство. В первый раз видел я его в с[амый] день смерти, в 8 часу вечера: покойник лежал на столе, еще не успев остынуть, с строгим, но вместе и как будто улыбающимся выражением все еще прекрасного лица. Он не похож был на обыкновен[ного] покойника. Вокруг стола стояли церковные шандалы, но они не горели. Не слышно было и псалтыря. На столе горело несколько стеариновых свечей. Нагнувшись над трупом, сидела на самом столе жена его, и беспрестанно то брала его руку, то прикасалась ко лбу и бороде. Ей все казалось, что он еще жив и в летаргич[еском] сне. Направо какой-то студент списывал с него портрет. Кругом стояло несколько студентов и знакомых умершего. Необыкновен[ная] тишина б[ыла] в комнате. Не было ни рыданий, ни сумятицы и беспорядка, к[ак]и[е] всегда господствуют в подобн[ых] случаях.

Когда я вышел из залы, в передней человек покойного Тихон сказывал мне, что он чувствовал себя утром очень хорошо, был весел, читал какую-то книгу и передавал ее содержание жене; попросил перевязать себе ногу, и вдруг побледнел и опустил на подушку (на кровати). Жена тотчас послала за доктором, но он закричал ей: «Не посылай, не нужно, это со мной бывает и сейчас пройдет». Это были последние его слова. Случившийся близко доктор (Пикулин) только несколько мгновений застал его в живых. Он успел только пожать ему руку, и Пикулин не знает, выражало ли это сознание страшной минуты или судорожное движение умирающего.

На другой день часу в 3-м лицо уже все покрылось смертною бледностью. Стоял уже готовый гроб в стороне. Белые розы рассыпаны вокруг него, а в головах все стояла жена с каким-то немим выражением скорби, без слезинки и без всяких изъявлений. В стороне дьячек мерно и внятно читал умильные слова Псалтыря. Кто-то сбоку еще срисовывал портрет. — Вечером в этот день он начал пахнуть и его бальзамировали (но не резали).

В четверг, 6 числа, часу в 12 утра я уже не видел лица. Оно разлагалось и было закутано полотном: беспрестанно клали компрессы с холодной водою. Жена все стояла то в ногах, то у головы умершего. Множество посетителей приезжало поклониться праху. В газетах

появилось известие, написанное Катковым. Разнесся слух, что Митрополит⁶⁰ запретил класть на голову лавровый венок и Заиконоспасскому архимандриту Леониду говорить надгробное слово. — В 5 часов его перенесли в университетскую церковь. Я тут не был. Говорят, двое студентов шли впереди с корзинами и бросали по пути цветы. В ночь тело относили в Музеум и снова бальзамировали, ч[тоб] как-нибудь удержать быстрое гниение.

В пятницу университетская церковь была битком набита. Служил Леонид и несколько священников. Поразительно было видеть, как во всех подробностях совершался церковный прекрасный обряд над человеком, к[оторый] еще месяц назад присутствовал тут на похоронах Уварова⁶¹, с своим высоким, исполненным величия выражением и кот[орый] в жизни не скрывал, если не совершенного презрения, то по крайней мере полного равнодушия к уставам церкви. Проповедь говорил Терновский⁶², официальную, с обыкновенными фразами. Я стоял возле гроба, по правую сторону, рядом со студентами. Слева, облокотившись на гроб, стояла жена покойного, все та же, немая, почти неподвижная. Изредка только она прикасалась к полукрытому челу мужа, приподымала покрывало и глядела на его руки. Когда запели умильную песню, призывающую дать последнее целование, скандалы унесли, жена быстро поцеловала лоб и руки покойного и удалилась. Покров с лица сняли, и тут я чуть не задрожал, увидев это как-будто в половину уменьшившееся лицо, бледное, с земляным оттенком. Оно громче и лучше всяких проповедей говорило о ничтожестве. Подступившая толпа оттеснила меня и не дала возможности проститься. Назимов⁶³ с профессорами вынесли гроб из церкви. Я не мог быть на Пятницком кладбище, боясь своего поноса и потом еще, что надобно было поспеть к вечерне и отслужить панихиду по маменьке (это день ее смерти). Говорят, что там было стечение народное. Кудрявцев⁶⁴ речью на могиле всех прослезил. На закуске, приготов[ленной] на 400 ч[елов]ек говорили речи Погодин, Анке, Катков, Соловьев⁶⁵ (залился слезами). Леонид д[олг]о не говорил надгробного слова, и венок лежал только в ногах, а кругом головы просто лежали цветы.

Кавелин⁶⁶ нарочно приехал из СПб. — Назимов, сказывают, заметил профессорам, что будто не следовало произносить речей на кладбище. Соловьев возразил ему: «Ваше превосходительство! У нас в деревнях бабы воют на могилах».

Место на кладбище б[ыло] выбрано по желанию самого покойного, который давно говорил о том жене, прогуливаясь с нею там. На Пятницком кладбище похоронена одна из жен Фролова⁶⁷.

Студенты собрали деньги на памятник и бюст, к[оторый] будет поставлен в университетской библиотеке. Пошла просьба об утверждении подписки на стипендию: хотя выдавать ее одному из кончив[ших] курс кандидатов, желающих готовиться к магистерскому экзамену. Один Солдатенков уже обещал 5000 р[ублей] с[еребром].

За библиотеку покойного Раевская (вдова Ни[колая] Ник[олаевича]⁶⁸) предлагает 12 т[ысяч] р[ублей] с[еребром], предоставляя, впрочем, Университету купить ее и дешевле.

У этой Раевской Грановский учил детей. Годы три назад, он мне сказывал, что она ему писала про меня (из Лондона), прося меня быть гувернером ее детей. Грановский призывал меня за этим; но сам отсоветовал соглашаться, представляя на вид тяжелый нрав госпожи Раевской, о чем я слышал и от других. Библиотека эта составила из книг, привезенных Грановским из-за границы (тысячи на 2 р[ублей] с[еребром]); потом он покупал ежегодно (с 1839 г.) рублей на 500 с[еребром]. Следовательно, 12000 цена красная. Грановский б[ыл] за границу послан от Московского Университета. Граф Строганов⁶⁹ предложил ему это, обратив внимание на статью об евреях, появившуюся в «Библиот[еке] для Чтения», кажется 1835 года.

Он прожил несколько месяцев в Берлине и Вене; занимался неутомимо; учился много по латыни у Цумпта. — Тогда он посылал много статей в «Библ[иотеку] для Чтения», каких, теперь неизвестно.

Его История, писанная по поруч[ению] Правительства, не доведена даже до Рима. Он никак не мог сделать из нее учебник. Это скорее руководство для учителей с указанием источников и с характеристикой эпох. Он сам не был ею доволен. Бумагами его теперь заведует Кетчер⁷⁰, потом они перейдут к Кудрявцеву. Говорят, его письма необыкновенно хороши.

Все это мне сказал Леонтьев⁷¹, у к[орого] я сидел нынче часа два.

Кудрявцев почти всю нынешнюю лекцию (140 мин.) посвятил памяти Грановского. Он говорил, что всегда старался подражать ему и никогда не доходил до желаемого, что этот человек имел обширнейшие знания, что нет уголка в Истории, которого бы он не исследовал, что им были прочтены многочисленные исследования о Востоке, что вся черновая работа его оставалась в его кабинете, а на лекциях и публице он произносил только свои изящные выводы и проч.

Леонтьев говорит, что Русские летописи он читал по мере их выхода. Перемены направления, по моему несомненной, Леонтьев не признает в нем, утверждая, что в нем не было ничего угловатого, а легкомысленные речи объясняет капризом и шуткою. Леонтьев сам 2 года слушал его лекции.

Жаль, что не записывал во время двух-трех рассказов, переданных мне покойником о Пушкине. Я помню их, но уже не так живо. Будучи студентом СПб. Университета, Гранов[ский] посещал Плетнева. У него он познакомился с Пушк[иным] в Царском Селе. После первой встречи они возвратились вместе домой, и, кажется, шли полем. Позже Пушк[ин] между прочим говорил, что он не понимает, отчего так пренебрегают Булгариным⁷², что, конечно, на большой улице немного совстно идти с ним рядом и разговаривать, но в переулке он готов с ним беседовать. — Раз как-то у Плетнева, при Грановском, Пушкин смеялся над излишнею заботливостью Жуковского о славе друзей своих и людей, им почитаемых. Он со смехом рассказывал, как Жуковский поправлял даже к[акие]-то стихи Ломоносова⁷³, именно из этой заботливости.

⁹ Анненков П.В. (1813—1887) — литератор, критик, автор мемуаров «Замечательное десятилетие». Подготовил первое научное издание сочинений А.С.Пушкина, ввел в научный оборот многие новые тексты поэта и материалы о его жизни. В дневнике П.И.Бартенева имеются интересные данные, вскрывающие историю подготовки первого научного издания произведений А.С.Пушкина, определяющие место и роль П.И.Бартенева в этом деле (запись в дневнике от 5 декабря 1854 г.). Долгие годы архив великого поэта, состоявший из нескольких объемистых сундуков, бережно хранили Наталья Николаевна Пушкина и П.П.Ланской. В 1849 г., решив опубликовать пушкинские материалы, Ланские обратились за помощью к однополчанину Петра Петровича, брату Павла Анненкова — Ивану (флигель-адъютанту Николая I), имевшему славу литератора, издавшего 4-томную «Историю Лейб-гвардии Конного полка». В мае 1851 г. Пушкина-Ланская передала ему право на издание собрания сочинений А.С.Пушкина, которое Иван Анненков поручил брату. Павел Васильевич сразу определил ценность внезапно попавших к нему сокровищ, но смутился «громадности задач». После горячих убеждений близких друзей и знакомых поэта (кн. Вяземский, П.Плетнев, Н.Некрасов, В.Боткин и др.) в важности подобной публикации, он все же решился на печатание сочинений поэта.

В это время через М.П.Погодина он знакомится с Бартевым, щедро поделившимся с ним собранными материалами и документами Пушкина. В конце 1851 г. Бартев передал П.В.Анненкову, обратившемуся к нему за помощью и поддержкой, собранные факты и материалы. Для нас важно, что в главном прав П.И.Бартев, освещая этот момент в своем дневнике. Как вспоминал он, Анненков в конце 1851 г., «исчерпав все, что я знал... сделался скрытен, а потом поступил со мною по праву сильного и неблагоприятно». (Бартеву было запрещено публиковать какие-либо материалы о поэте, пока готовилось П.В.Анненковым собрание сочинений А.С.Пушкина). В 1854 г. в «Московских ведомостях» Бартев опубликовал статью «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии» (где использовал еще нигде неопубликованную запись воспоминаний О.С.Павлицевой, которую она ему предоставила). П.В.Анненков выразил М.Каткову — издателю журнала, свое неудовольствие по этому поводу, утверждая, что публикация нарушает его право переиздателя сочинений. Протест Анненкова встревожил Бартева (о чем идет речь в дневнике), но не прервал публикацию его статей, тепло встреченных просвещенной публикой. П.А.Вяземский указывал в «Записной книжке» от 5 ноября 1854 г., что «прочел с большим удовольствием статью о Пушкине» (см.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1988. Т. 13. С. 268).

П.В.Анненков выпустил 1-й и 2-й тома сочинений А.С.Пушкина в январе 1855 г. М.П.Погодин в связи с выходом книг записал в дневнике (31 января/5 февраля 1855 г.): «...читал Пушкина, вспоминал, плакал... Приятно было видеть справедливость, отданную Анненкову Бартевым». Таким образом, прав был Бартев, а спор его с Анненковым постоянно находился в поле зрения Погодина.

¹⁰ Павлицева О.С. (1797—1868) — сестра А.С.Пушкина. Оставила воспоминания о поэте, которыми заинтересовался П.И.Бартев. Через 83 года после их написания они были опубликованы М.А.Цявловским в первом выпуске «Летописей Государственного литературного музея» (М., 1936). В других изданиях эти мемуары идут с сокращениями, касающимися сведений о родственниках А.С.Пушкина.

¹¹ Батюшков К.Н. (1787—1855) — поэт, один из предшественников и друзей А.С.Пушкина.

¹² Рагуцев А.Н. (1749—1802) — писатель, революционный мыслитель.

КАМЕНЕВСКАЯ ПУШКИНИАНА

1933 г.

Большой вклад в отечественное пушкиноведение внес известный советский партийный и государственный деятель, с 1932 г. директор издательства «Academia» Л.Б.Каменев. Однако вплоть до настоящего времени его роль в издании и пропаганде пушкинского наследия не получила должного отражения в литературе.

Широко известное в СССР и за рубежом издательство «Academia» было основано в предновогоднюю ночь 1921 г. учеными Петроградского университета. У его истоков стояли Н.В.Болдырев, С.А.Жебелев, Ф.Ф.Зелинский, А.П.Карсавин, Н.И.Кареев, В.Н.Перетц, К.А.Поссе, Э.Л.Радлов, А.А.Франковский. С момента создания и до 1929 г., когда «Academia» стала акционерным обществом, его возглавлял А.А.Кроленко¹. В конце 20-х гг. предпринимается попытка взять издательство под партийный контроль, для чего во главе его были поставлены коммунисты П.И.Чагин, а затем И.И.Ионов. Этому противостоял А.М.Горький, возглавлявший с 1927 г. редакционный совет «Academia».

В начале апреля 1932 г. Ионов по настоянию Горького был смещен и во главе издательства по рекомендации писателя поставлен Каменев, занимавшийся после изгнания с партийного Олимпа литературной деятельностью². Он быстро вник в специфику книгоиздания и, как писал Горький в письме к А.В.Луначарскому 8 сентября 1932 г., не формально, а энергично руководил работой издательства³. По инициативе Горького и Каменева были созданы серии «Античная литература», «Литература Востока», «Английская литература», «Русская литература», а также серия «Звенья», в рамках которой печатались сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в., в том числе и произведения Пушкина. «Academia», возглавляемая Каменевым, отрицала тоталитаризм как масштабom эстетических задач, так и тем, что отстаивала подлинно духовные ценности.

11 октября 1932 г. Каменев был сослан на три года в Минусинск, в те же края, где он отбывал ссылку вместе с И.В.Сталиным в 1916—1917 гг., формально — в связи с тем, что «не донес о существовании платформы Рютина». Фактически Сталин напоминал Каменеву о необходимости блюсти тоталитарную «культуру». Лишь после вмешательства Горького и двух покаянных писем Каменева от 20 февраля 1933 г. он был возвращен решением ЦК ВКП(б) из ссылки и вновь направлен на работу в издательство «Academia» в качестве заведующего⁴.

Из ссылки Каменев вернулся в апреле 1933 г. с совершенно подорванным здоровьем, но с большим литературным багажом и новыми творческими

¹ См.: Острой О.С. Издательство «Academia» // Книга. Исследования и материалы. Сб. 18. М., 1969; Мартынов И.Ф., Кукушкина Е.Д. Александр Александрович Кроленко // Там же. Сб. 28. М., 1974.

² Подробнее об этом см.: Крылов В.В. Издательство «Academia» — бесценный вклад в духовную культуру // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 4; М.Горький. Материалы и исследования. М., 1998. Вып. 5.

³ Архив А.М.Горького. ПГ-рл. 23-44-15.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 115. Л. 1—8.

планами⁵. В частности, он создает серию «К 100-летию со дня гибели Пушкина», которую сам и возглавил. Как свидетельствует публикуемое ниже письмо Ю.Г.Оксмана от 13 ноября 1933 г. (док. № 3), Каменев наметил план выпуска Полного собрания сочинений А.С.Пушкина и разработал проспект девятитомного издания сочинений поэта. Для его реализации он привлек известных в то время пушкинистов — М.К.Азадовского, С.М.Бонди, Ю.Г.Оксмана, М.А.Цявловского, Т.Г.Зенгер-Цявловскую, Б.В.Томашевского, Д.П.Якубовича. Все они приняли на себя нелегкую ношу творчества и созидания, лишь Б.В.Томашевский так ответил на посланное ему приглашение: «Приняв за правило не сотрудничать в тех изданиях Пушкина, в общей редакции которых я не участвую, я, конечно, не могу принять на себя редактирование IV тома в проектируемом издательстве "Academia" Полном собрании сочинений Пушкина»⁶.

В короткий срок под общей редакцией Л.Б.Каменева, Ю.Г.Оксмана и М.А.Цявловского было подготовлено фактически два самостоятельных Полных издания сочинений Пушкина — девяти- и шеститомное. Изящные тома малого формата в великолепном художественном и полиграфическом исполнении вышли в свет в 1935—1938 гг. Реализации этого плана способствовало назначение Каменева директором Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (4 мая 1934 г.; 14 июня того же года он стал и директором Института мировой литературы). Как директор Пушкинского Дома и член Всесоюзной пушкинской комиссии по проведению мероприятий в связи со 100-летием со дня смерти поэта, Каменев побывал в Михайловском, наметил программу превращения его в музейный центр.

В 1933 г. заведующий издательством «Academia» возобновил прерванное в связи со смертью Б.Л.Модзалевского (1928) издание писем А.С.Пушкина, пригласив для работы над очередным, третьим томом сына известного пушкиниста — Л.Б.Модзалевского. «Каменев, — читаем мы в дневнике К.И.Чуковского (запись от 19 февраля 1934 г.), — возится с письмами Пушкина под ред. Модзалевского. Говорит, что примечания Модзалевского — это нагромождение такого необъятного количества фактов, что приходится перерабатывать каждую страницу»⁷.

16 июня 1934 г. в приказе по случаю вступления в должность директора ИРЛИ Каменев отметил, что институт «не осуществляет систематической и непрерывной публикации своих архивных фондов», и поставил задачу провести изменения в работе Пушкинского Дома, которые должны «дать свои плоды в виде повышения научной производительности и общекультурной роли» ИРЛИ⁸. Вскоре, в рамках серии «К 100-летию со дня гибели Пушкина», выходит в свет сборник «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты» (1935, сост. М.А.Цявловский, Л.Б.Модзалевский, Т.Г.Зенгер).

К сожалению, Каменев не увидел плодов своей напряженной деятельности в области пушкиноведения (как и во многих других областях). 16 декабря 1934 г. он был арестован, 16 января 1935 г. осужден по сфабрикованному делу так называемого «Московского центра» и этапирован в Челябинск. В июле состоялся новый суд, уже по так называемому «Кремлевскому делу». Но и в это, трагическое для него время, Каменев продолжает

⁵ Из ссылки Л.Б.Каменев привез рукопись книги о Н.Г.Чернышевском, изданную в 1933 г. в серии «Жизнь замечательных людей», предисловия к книгам А.Белого «В начале века» и «Мастерство Гоголя», обширный материал к переизданию герценовского «Колокола» (См.: Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 328—356).

⁶ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 157. Л. 16.

⁷ Чуковский К.И. Дневник. 1930—1969. М., 1994. С. 101.

⁸ РЦХИДНИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 87. Л. 4.

работать над рукописью о Пушкине. 24 сентября 1935 г. он пишет из Верхнеуральского политизолятора жене Татьяне Ивановне в Бийск, куда она была сослана с малолетним сыном: «Сейчас я дошел уже до его дуэли и смерти. Это, собственно, тема для трагедии... В сотый раз перечитывая обстоятельства этой смерти, не могу не отдаваться чувствам. Старик Спиноза учил: "не плакать, не радоваться, а понимать". Но глава моего исследования о гибели Пушкина будет по существу полемикой с ним. Я хочу показать, что можно понять обреченность Пушкина и все же не признавать его ни в чем виновным»⁹. Однако завершить свой труд о Пушкине Каменев не смог: 24 августа 1936 г. он был расстрелян.

Томы Полного собрания сочинений А.С.Пушкина вышли в свет без указания фамилии Каменева; третий том писем поэта открывало безличное предисловие «От Института русской литературы». Такая же участь постигла предисловия к другим изданиям, в частности, к «Бесам» Ф.М.Достоевского и к сборнику «Древнерусские летописи»¹⁰.

Установленный в 1994 г. в Москве в сквере у храма Спаса на Песках бронзовый Пушкин благодарно смотрит на дом № 3 по Карманицкому переулку, где жил Лев Борисович и где рождалась и воплощалась в жизнь каменевская пушкиниана.

Публикуемые документы выявлены в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в фонде издательства «Academia» (Ф. 629). Они печатаются полностью, с сохранением авторского стиля и орфографии.

Публикацию подготовили Л.Ф.КАДИК и кандидат исторических наук В.В.КРЫЛОВ.

№ 1

Протокол совещания по вопросу издания Полного собрания сочинений А.С.Пушкина издательством «Academia»

26 октября 1933 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Л.Б.Каменев, М.А.Цявловский¹, Ю.Г.Оксман².
Председатель Л.Б.Каменев.

I. Обсуждение проспекта издания Полного собрания сочинений А.С.Пушкина Издательством «Academia».

- 1) Полное собрание сочинений А.С.Пушкина издается в 7—11 томах, без писем и без нетворческих текстов, то есть приблизительно в том составе, в котором оно вышло в ГИХЛе³, с исключением, однако, всех фрагментов, черновых набросков, планов и пр.

⁹ Известия. 1990. 21 марта.

¹⁰ См.: Крылов В.В. Финальный аккорд литературного творчества Л.Б.Каменева // Мир источниковедения. Сб. в честь Сигурда Отговича Шмидта. М.—Пенза, 1994. С. 181—185.

- 2) Композицию Пушкинского текста по томам поручить М.А.ЦЯВЛОВСКОМУ представить в пятидневный срок, с таким расчетом, чтобы все тома были равномерны.
- 3) При композиции по томам принять во внимание, что лирика идет в двух разделах: в первый входят совсем законченные (как опубликованные, так и неопубликованные) произведения А.С.Пушкина и приближающиеся к таковым, во второй раздел входит все остальное.
- 4) В самостоятельные места выделяются следующие произведения А.С.Пушкина: «Путешествие в Арзрум», «История Пугачевского бунта» и автобиографическая проза (лицейский, кишиневский дневники, воображаемый разговор с Александром I и дневники 33—35 гг.).

Деление же на «критическую», «историческую» и «публицистическую» прозу не производится. Вся нехудожественная проза дается в хронологическом порядке с разделением лишь на два ряда: «законченное» и «незаконченное».

- 5) Сверх пушкинского текста дается:
 1. Вводная статья в первом томе: «Александр Сергеевич ПУШКИН».
 2. После текстов даются минимально:
 - а) Краткая справка: «напечатано самим Пушкиным» или «напечатано Анненковым» и год первого опубликования (указания, где напечатано — не надо).
 - б) В комментарий входят варианты всех прижизненных изданий Пушкина.
 - в) Из черновых текстов печатаются выписанные самим Пушкиным строфы законченных вещей, имеющие самостоятельное художественное значение.
 - г) Реальный комментарий не объясняет отдельных лиц и фактов, а дает самые краткие сведения.
 - д) К томам стихотворений дается их алфавитный список.

II. Распределение редакторов Полного собрания сочинений А.С.Пушкина:

Лирика	—	Редактор	М.А.ЦЯВЛОВСКИЙ
Сказки	—	"	М.К.АЗАДОВСКИЙ ⁴
«Евгений Онегин»	—	"	ТОМАШЕВСКИЙ ⁵
Поэмы	—	"	БОНДИ ⁶
Драмы	—	"	ЯКУБОВИЧ ⁷
Художественная проза	—	"	Ю.Г.ОКСМАН
«История Пугачевского бунта»	—	"	Ю.Г.ОКСМАН
Критико-публицистическая и историческая проза	—	"	Ю.Г.ОКСМАН, БОНДИ, с привлечением БОГОСЛОВСКОГО ⁸
«Путешествие в Арзрум»	—	"	ТЫНЯНОВ ⁹
Автобиографическая проза	—	"	Т.Г.ЦЯВЛОВСКАЯ ¹⁰

III. О сроках предоставления материала и выпуска:

- а) 1-го мая 1934 г. сдается рукопись всех томов.
- б) К 1-му января 1935 г. выпускаются полностью все тома Полного Собрания Сочинений Пушкина.

Председатель
Л.Каменев

РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 157. Л. 1. Подлинник. Машинопись. Подпись Л.Б.Каменева красными чернилами.

№ 2

**Записка М.А.Цявловского о композиции девятитомного
Полного собрания сочинений А.С.Пушкина**

[Не ранее 26 октября 1933 г.]^а

Композиция издания

Все тексты А.С.Пушкина размещаются по жанрам и распределяются по десяти томам:

I Стихотворения	1813 — 1817 гг.	20 п. л.
II "	1817 — 1829 гг.	20 п. л.
III "	1829 — 1836 гг.	
Сказки, записи песен и сказок		23 п. л.
IV Поэмы		24 п. л.
V «Евгений Онегин»		15 п. л.
VI Драмы		14 п. л.
VII Художественная проза		22 п. л.
VIII История Пугачевского бунта		22 п. л. ^б
IX Критическая проза		24 п. л.
X Историческая проза и автобиографическое (включая «Путешествие в Арзрум»)		16 п. л.

Всего: 200 п.л.

Примечание: печатный лист стихов включает в себе 450 строк, прозаический — 40000 знаков.

Композиция стихотворений

В гихловском издании все стихотворения разделены на пять отделов: 1. Оконченное. 2. Неоконченное и неотделанное. 3. Черновые наброски. 4. Коллективное и 5. Dubia.

^а Датируется по протоколу совещания (док. № 1).

^б На полях машинописной копии справа рукой М.А.Цявловского сделана помета: «22 п. л.» обведено и проведена стрелка к VI пункту (Драмы). Напротив этого пункта справа же написано «+8,3 = 22,3», рядом с пунктом IX на полях слева написано «VIII», а рядом с пунктом X — «IX».

Внутри каждого отдела расположение строго хронологическое — по годам, а внутри года по месяцам и т. д.

В проектируемом издании исключается третий отдел («черновые наброски»), опусы которого частью вводятся во 2-й отдел, частью совсем не вводятся в издание.

Распределение опусов между 1-м и 2-м отделами по сравнению с гихловским изданием пересматривается в направлении переноса ряда опусов из 2-го отдела в 1-й.

Проект распределения опусов по 1-му и 2-му отделам представляю в ближайшее время.

4-й и 5-й отделы гихловского издания сохраняются в проектируемом издании, но из 5-го отдела ряд опусов будет перенесен в 1-й.

История Пугачева

В гихловское издание (так же и в красновиловское¹¹), не введен II том «Истории», что является, конечно, совершенно ненормальным. Том этот, заключающий в себе «приложения», составлен Пушкиным из документов по истории Пугачевщины. Хотя в этом томе почти нет текста самого Пушкина, но, во-первых: в высшей степени интересен самый подбор Пушкиным документов, во-вторых, в томе есть замечательные «манифесты» Пугачева, которыми, почти не скрывая, восхищается Пушкин. Вообще нельзя же примириться с тем, что до сих пор за все шестнадцать лет революции ни разу еще не переиздавался этот том. Он до сих пор не напечатан по новой орфографии. В этом («втором») томе примерно 12,8 п. л. Если его не печатать, то останется всего в «Истории Пугачева» 8,3 п. л., т. е. выйдет том по сравнению с другими очень маленький.

Все это говорит за то, что необходимо печатать «Историю Пугачева» в том виде, как напечатал ее сам Пушкин.

Комментарий

В комментарий решено ввести: 1) указание, где данный опус впервые напечатан (этого гихловское издание не дает); 2) печатные прижизненные варианты; 3) рукописные законченные редакции опусов и законченные их части черновых текстов (строфы и т. п.); 4) краткий реалей.

Таким образом в проектируемом издании не будет того, что дает гихловское некомментированное издание, а именно: а) датировка опуса (без оснований!) и б) указания по какому тексту печатается опус.

Хотя я и принимал участие в совещании, вынесшем приведенное решение о составе комментария, теперь я считаю решение это поспешным. Указание на время написания (от одного дня до года /«широкая» датировка/) сейчас мне представляется положительно необходимо дать. Не ввести данных, плод достижения ряда поколений пушкинистов, значит искусственно, без нужды снижать уровень значимости издания. Место эти датировки займут минимум (несколько слов), а между тем сразу дадут читателю и хронологическую канву поэта и «каркас» корпуса стихотворений.

Что касается до указаний, по какому изданию печатается текст, то выдвинутый мною же на совещании аргумент против внесения этих указателей, что мол, их «никто из неспециалистов не читает», сейчас я считаю совершенно неосновательным. Против этого скороспелого аргумента необходимо выдвинуть другой: «Во всяком издании классика, какое бы оно ни было по типу, необходимо указать источники печатаемых текстов». Это, между прочим, уже давно делается Ленгизом. Однотомник Пушкина под редакцией Томашевского издан без комментариев, тем не менее указаны для всех опусов их источники. Отсутствие этих данных опять-таки снизило бы, так сказать, культурный уровень издания.

Широкий читатель, как правило, не читает т.н. «выходных данных», помещаемых на обороте заглавного листа или на последней странице книги, но это, конечно, не может быть основанием не помещать этих данных. Тем более необходимо дать читателю указатель, откуда взят тот или другой текст.

В отношении места последние указания займут несколько печатных знаков.

В общем все предлагаемые формальные указатели будут иметь примерно такой вид:

К другу стихотворцу. 1814, январь-март 1814; ВЕ. 1814, № 13 и 14 и авт. ЦА^а.

Предчувствие. 1829; Август 1828; СП 29, П.

Шрифты издания

Среди разного рода вопросов внешнего оформления издания мне представляется особенно трудным важный вопрос о шрифтах издания. Принятый формат точно бы диктует взять за основной шрифт — петит. Но если набрать петитом тексты Пушкина, то сноски к нему, комментарий (в который входят между прочим и тексты Пушкина) и указатели нужно набирать нонпарелью. Но последнее меня пугает. Я не говорю уже о том, что лично я буду лишен возможности править и читать десятки печатных листов, так как работа над труднейшими рукописями Пушкина и Толстого настолько уже испортила мое зрение, что мне запрещено много читать нонпарельного текста. Это, конечно, не основание отказываться от нонпарели. Но мне кажется, что в подобном моем положении окажутся многие читатели. Над этим вопросом должны подумать специалисты по оформлению издания.

М.Цявловский

РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 157. Л. 3—8. Автограф. Л. 9—10. Машинописная копия.

^а На полях слева от руки написано: «не свести ли в единую таблицу при алфавитном указателе стихов и тогда сохранить все указатели, а для прочих опусов давать в комментарии?».

№ 3

Письмо Ю.Г.Оксмана Л.Б.Каменеву

13 ноября 1933 г.

Многоуважаемый Лев Борисович!

Внимательно ознакомившись с общим планом издания Пушкина, намеченным Вами, никаких существенных возражений декларировать не могу.

Разумеется, выпуск «Истории Пугачевского бунта» (кстати, восстановим пушкинское название этой работы «История Пугачева»¹²), с приложениями был бы, так сказать, научно импозантнее, чем в гихловском виде, но копыя ломать из-за этого не стоит. Ваше компромиссное предложение о переносе в указатель основных элементов комментария к лирике считаю очень удачным. Думаю, что с лирикой придется еще немало повозиться, но сделать что-нибудь серьезное в этом направлении до представления хотя бы первого тома — едва ли можно рассчитывать. Казалось бы мне, что отделы «Dubia» и «Коллективное» должны являться приложением к последнему тому лирики, не разбиваясь хронологически по томам и не внося лишних подразделений трижды. Это — дополнительная нагрузка к «Стихотворениям Пушкина» в целом, а не часть «Лирики 1817—1825» или «1825—1836 гг.»

Записи сказок и песен, отсутствовавшие в гихловском издании, но внесенные нами в будущее издание «Academia», должны печататься, конечно, не в основном корпусе, а петитом, как приложение к сказкам.

При разметке листажа примечаний следует учесть, что два последних тома потребуют значительно больше пояснений, чем предыдущие. Не говоря уже о количестве «опусов», придется расшифровывать все полемические намеки, раскрывать цитаты, давать перекрестные ссылки, а кое-что обязательно и интерпретировать литературно и политически (суждения о французской революции, о «Вечном мире», о Радищеве¹³, о французских романтиках и т. п.). Как бы сжато все это не излагать, но листов 6-7 на два тома может понадобиться.

Совещание по Энциклопедии созову около 20 ноября¹⁴.

Прилагаю перепланированный и сокращенный на девять листов план «Русской критики до Белинского»¹⁵. Снято и сокращено все то, что вами для изъятия было санкционировано 25 октября сего года при изложении мною плана возможных сокращений сборника.

Вот, кажется, и все

Ю.Оксман

№ 4

**Письмо Л.Б.Каменева Б.В.Томашевскому, Ю.Г.Оксману,
Т.Г.Зенгер, М.А.Цявловскому, С.М.Бонди, Ю.Н.Тынянову,
М.К.Азадовскому, Д.П.Якубовичу**

25 ноября 1933 г.

Уважаемый товарищ,

В связи с приближающимся столетием гибели А.С.Пушкина Издательство «Academia» приступает к изданию Полного собрания сочинений поэта, в девяти томах, под общей редакцией Л.Б.Каменева, Ю.Г.Оксмана, М.А.Цявловского.

Общие задачи издания и его характер указаны в прилагаемом при сем проспекте, которым я прошу Вас руководствоваться при работе.

Вас мы просим взять на себя редакцию...^а

Со всеми вопросами, могущими встретиться в Вашей работе, просим обращаться к одному из указанных выше общих редакторов издания.

Вы можете, конечно, если сочтете необходимым пригласить кого-либо для совместной работы, но Издательство будет иметь дело только с Вами и только Вас будет считать ответственным за соответствующий отдел издания.

При сем прилагаем договор, который просим подписать и вернуть в Издательство.

Зав. Издательством
Л.Каменев^б

**РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 157. Л. 14. Отпуск. Машинопись. На
бланке «Academia».**

№ 5

**Проспект
издания Полного собрания сочинений А.С.Пушкина
в девяти томах Издательством «Academia»^в**

25 ноября 1933 г.

Назначение издания

Цель издания — дать в руки нового советского читателя полный канонический текст *литературного наследия* Пушкина с минимальным количеством пояснений, абсолютно необходимых для понимания текста. Издание не стремится заменить комментированные издания текстов и не претендует на концентрацию на своих страницах итогов пушкиноведения, кроме как в области установления канонических текстов.

^а В отпуске пропуск.

^б Перед обращением синим карандашом Л.Б.Каменевым написано: «Томашевскому, Оксману, Зенгер, Цявловскому, Оксману, Бонди, Тынянову, Азадовскому, Якубовичу».

^в Заголовок документа. В верхнем правом углу помета Л.Б.Каменева: «Согласовано с Ю.Г.Оксманом и М.А.Цявловским».

Состав издания

Это определение исключает, таким образом, из его состава:

- 1) эпистолярное наследие Пушкина;
- 2) тексты Пушкина не имеющие литературного характера (типа текстов, собранных в сборнике «Рукою Пушкина»);
- 3) литературную лабораторию Пушкина, т. е. черновики, наброски, планы, незаконченные и не имеющие самостоятельной художественной и т. п. ценности фрагменты и т. п.

Этим самым, в частности, исключается из издания 2-й том «Истории Пугачева», как не включающий текстов Пушкина^а.

Композиция издания

Тексты располагаются по жанрам, а внутри жанров в строго хронологическом порядке; корешки переплетов при этом имеют чисто техническое значение и не должны заменять собою принципа жанрового распределения. Исходя из этого, можно смело идти на то, чтобы в одном переплете были даны произведения двух жанров, как и наоборот: один жанр может распределяться по двум или трем переплетам. Нехудожественная проза Пушкина не подразделяется на рубрики и дается в хронологическом порядке, независимо от того, могут ли соответствующие тексты относиться к области критики, истории или публицистики. Выделяется только проза автобиографическая, «История Пугачева» и «Путешествие в Арзрум».

Таким образом все тексты Пушкина распределяются по девяти томам:

I Стихотворения	1813—1817	20 п. л.
II "	1817—1829	20 п. л.
III "	1829—1836	
Сказки, записи песен и сказок		23 п. л.
IV Поэмы		24 п. л.
V «Евгений Онегин»		15 п. л.
VI Драмы		14 п. л.
VII Художественная проза		22 п. л.
VIII и IX Критическая, историческая, публицистическая проза, плюс — автобиографическое, плюс — «История Пугачева», плюс — «Путешествие в Арзрум»		43,3 п. л.

Всего: 186,3 п. л.

Подсчет, конечно, имеет лишь приблизительный характер.

^а «Сделанный Пушкиным подбор документов интересен с разных точек зрения, но он ничего не дает для понимания Пушкина без обстоятельного комментария, который выяснил бы наличные фонды Пугачевских документов до Пушкина, выяснил бы наличие или отсутствие какой-либо тенденции у Пушкина при их подборе и т.д. Без подобного и подробного изучения, сам сборник документов для понимания Пушкина не дает ничего, а его самостоятельное документальное значение погашено изданием «Пугачевского архива» Центрархивом»¹⁶ (Примеч. автора).

Комментарии

Сверх Пушкинского текста в издание входят:

I. Вводная статья в I-й том: «Александр Сергеевич Пушкин».

II. Комментарии.

III. Алфавитный указатель стихотворений в III томе. Задача и содержание статьи не нуждаются здесь в пояснениях. Что касается комментариев, то они должны обнимать:

- 1) Справку о времени и месте первой публикации данного текста;
- 2) Справку о времени его написания;
- 3) Указание, по какому источнику печатается текст в данном издании;
- 4) Печатные прижизненные варианты;
- 5) Законченные рукописные редакции опусов или их частей (строфы и пр.), не вошедшие в канонический текст;
- 6) Краткий реальный комментарий.

Реальный комментарий не объясняет отдельных лиц и фактов, а дает самые краткие сведения о поводах и истории создания произведений и лишь в том случае, если эти сведения имеют значение для полного понимания текста.

Весь этот аппарат дается в конце каждого тома, за исключением трех томов лирики. Для лирики первые три элемента, т.е. время и место первого опубликования, время написания и источник печатного текста даются при алфавитном указателе.

Все вводимые в комментарий формальные указатели должны иметь примерно такой вид:

К другу-стихотворцу. ВЕ. 1814, № 13; *январь — март* 1814; ВЕ. 1814, № 13 и 14 и авт. Ц.А.

Предчувствие. СП на 1829; *Август* 1828; СП. 29, П.

Распределение текстов внутри жанров

Для всех отделов, кроме лирики, тексты внутри жанров делятся только на 2 раздела:

- I. Законченное и приближающееся к законченному.
- II. Незаконченное.

Лирика дается по четырем разделам:

1. Законченное и приближающееся к законченному.
2. Неоконченное и неотделанное.
3. Коллективное.
4. «Дубиа».

«Коллективное» и «Дубиа» не разбиваются по отдельным эпохам, а даются в конце всей лирики, т. е. в 3-м томе, с соблюдением, конечно, возможных хронологических рамок.

Оформление

Издание дается в формате 82x113 в 1/64¹⁷. При чем тексты Пушкина печатаются корпусом, комментарии — петитом. Иллюстративный материал ограничивается портретами-гравюрами Пушкина при каждом томе, сделанными современными художниками¹⁸.

Все тома объединяются общим контртитлом.

Все тома выпускаются в свет одновременно.

Редакция

Общая редакция принадлежит Л.Б.Каменеву, Ю.Г.Оксману и М.А.Цявловскому.

Отдельные части редактируются:

I—III § Лирика	—	Редактор	М.А.ЦЯВЛОВСКИЙ
§ Сказки	—	“	М.К.АЗАДОВСКИЙ
IV «Евгений Онегин»	—	“	ТОМАШЕВСКИЙ
V Поэмы	—	“	БОНДИ
VI Драмы	—	“	ЯКУБОВИЧ
VII Художественная проза	—	“	Ю.Г.ОКСМАН
История Пугачева	—	“	“
VIII и XI Критико-публицистическая проза	—	“	Ю.Г.ОКСМАН, БОНДИ, с привлечением БОГОСЛОВСКОГО
«Путешествие в Арзрум»	—	“	ТЫНЯНОВ
Автобиографическая проза	—	“	Т.Г.ЦЯВЛОВСКАЯ

О сроках представления материала

а) Весь рукописный материал в готовом для печати виде сдается редакторами отдельных частей не позже 1 мая 1934 г.

б) Все издание выходит в свет к 1 января 1935 г.

Л.Каменев

РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 157. Л. 46—47. Копия. Машинопись.

Примечания

¹ *Цявловский М.А.* (1893—1943) — архивист, археограф, пушкинист. Тексто-логически подготовил тома 1—3 9-томного и 1, 2 (совместно с М.А.Азадовским и С.М.Бонди), 4 (совместно с Ю.Н.Тыняновым) 6-томного Полных собраний сочинений А.С.Пушкина.

² *Оксман Ю.Г.* (1895—1970) — архивист, пушкинист. В 1930-е гг. — ученый секретарь ИРЛИ АН СССР; в 1932—1933 гг. — помощник директора ИРЛИ при академике А.В.Луначарском, в 1934 г. — при Л.Б.Каменеве; в 1935—1936 гг. — при А.М.Горьком заместитель директора. В 1933—1936 гг. — член Президиума Ленсовета, Всесоюзной пушкинской комиссии. Летом 1933 г. по поручению А.В.Луначарского обсуждал в Москве «план наступления на Пушкинском фронте». В этой связи он писал 23 августа М.А.Цявловскому: «А все предпосылки для успеха этого наступления налицо. Имел беседу по Пушкинским делам в самой высочайшей инстанции, где очень сочувствуют не только полному собранию сочинений Пушкина, но и энциклопедии, а главное, большой конференции, которая объединила бы пушкиноведов с писателями. Конференцию будет проводить Акад[емия] наук и А.М.Горький, а легкую промышленность в области пушкиноведения — Л.Б.Каменев. С последним я тоже беседовал о конкретизации некоторых замыслов — о маленьком Пушкине и об энциклопедии» (Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 535).

Ю.Г.Оксман текстологически готовил тома 7—9 и был автором комментариев 1—3, 7 и 9 томов (совместно с М.А.Цявловским) 9-томного Полного собрания сочинений А.С.Пушкина. В ноябре 1936 г. был арестован и 15 июня 1937 г.

«Я ПИШУ КАК БЫЛО, Я НИКОГО НЕ ЩАЖУ»

Неизвестная глава из воспоминаний маршала Г.К.Жукова

В 1969 г. в издательстве «АПН» вышли в свет мемуары четырехжды героя Советского Союза маршала Г.К.Жукова «Воспоминания и размышления», пользующиеся неизменной популярностью у читателей на протяжении тридцати лет. Книга охватывает период жизни полководца с раннего детства до окончания Великой Отечественной войны. «Неправильное толкование различных операций Великой Отечественной войны и заставили меня в 1958 г. взяться за перо»¹, — вспоминал о причинах написания мемуаров Г.К.Жуков. Это определило жанр будущих «Воспоминаний и размышлений» — военные мемуары. Но, несмотря на «военный» характер, воспоминания вызвали опасения у партийно-государственной элиты, по указанию которой осенью 1963 г., во время отъезда Г.К.Жукова с семьей в санаторий министерства обороны, КГБ СССР ознакомился с написанным текстом².

Непосредственная работа над книгой началась в 1965 г. с предложения издательства «АПН». К этому времени у Г.К.Жукова, по его собственным словам, было написано около тысячи страниц текста³, которые, по всей видимости, и составили основу книги. В 1966 г. готовый текст был направлен на рецензию в министерство обороны А.А.Гречко, И.И.Якубовскому, М.В.Захарову и А.А.Епишеву, которые весной 1968 г. высказались за доработку мемуаров. Спустя несколько месяцев, Секретариат ЦК КПСС поручил специально созданной комиссии в составе доктора исторических наук Г.А.Деборина, начальника Института военной истории министерства обороны СССР генерал-лейтенанта П.А.Жилина и члена редколлегии журнала «Коммунист» В.П.Степанова «совместно с автором внести в рукопись необходимые исправления и дополнения»⁴, с учетом которых «Воспоминания и размышления» в 1969 г. увидели свет. Многочисленные «исправления и дополнения», зачастую искажающие первоначальный текст мемуаров, позволили Г.К.Жукову впоследствии заявить, что книга наполовину не его⁵. Лишь в начале 90-х гг., мемуарам Г.К.Жукова был в основном возвращен первоначальный, авторский, вариант: в 1990—1995 гг. вышли в свет 10-е, 11-е и 12-е издания «Воспоминаний и размышлений», дополненные и исправленные в соответствии с рукописями автора.

¹ Цит. по: Миркина А.Д. Маршал пишет книгу. Воспоминания о Г.К.Жукове // Огонек. 1988. № 17. С. 13.

² См.: Г.К.Жуков. Неизвестные страницы биографии // Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 234.

³ См. там же; Светлицын Н.А. Крутые ступени судьбы. Жизнь и ратные подвиги маршала Г.К.Жукова. Хабаровск, 1992. С. 245.

⁴ См.: Сражения на полях мемуаров / Публ. Т.Кузьмичевой // Сегодня. 1995. 4 апреля. С. 10.

⁵ См.: Карпов В.В. Маршал Жуков. Его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1994. С. 6.

Об особом внимании ЦК КПСС к книге Г.К.Жукова говорит и тот факт, что в 1974 г., после смерти маршала, документы его личного архива, в том числе относящиеся к «Воспоминаниям и размышлениям», были переданы для «научно-технической обработки» в Общий отдел ЦК КПСС (сектор Единого архива, который предполагалось создать для хранения документов, связанных с историей КПСС). Однако часть изъятых документов, относящихся к 1957—1967 гг., попала в секретариат заведующего Общим отделом ЦК КПСС К.У.Черненко, приближенного к Л.И.Брежневу. Среди этих материалов находилась и невключенная в мемуары Г.К.Жукова глава «После смерти Сталина». Подобный интерес партийной элиты к записям Жукова объясняется, по всей видимости, желанием выяснить степень лояльности опального маршала брежневскому руководству. Поскольку ничего крамольного в архиве бывшего министра обороны не оказалось, в сентябре 1978 г. рассматриваемые материалы были переданы в 6-й сектор Общего отдела ЦК КПСС.

Глава «После смерти Сталина» представляет собой 26 неотредактированных машинописных страниц, созданных еще до предложения «АПН» и не предназначенных для книги. Некоторые нелицеприятные характеристики первых лиц страны как опальных — В.М.Молотова, Г.М.Маленкова, Л.М.Кагановича, Н.А.Булганина; так и активно тогда действующих — Л.И.Брежнева, А.И.Микояна, А.И.Кириченко, К.Е.Ворошилова делали публикацию главы «После смерти Сталина» в тот период времени попросту невозможным.

Датировать воспоминания можно не ранее лета 1963 г., что подтверждается упоминанием Г.К.Жукова о поездке Н.С.Хрущева в Югославию, состоявшейся в конце августа — начале сентября 1963 г.; но не позднее августа 1964 г., когда, по свидетельству маршала, между ним и Первым секретарем ЦК КПСС состоялся телефонный разговор⁶. Об этом разговоре, а также об отставке Н.С.Хрущева в октябре 1964 г., Г.К.Жуков не преминул бы сообщить в своих воспоминаниях, если бы в тот период времени продолжал работу над ними. В мае 1963 г., рассказывая о своей работе над мемуарами генерал-майору в запасе И.М.Карманову, маршал говорил: «...я пишу как было, я никого не щажу. Я уже около тысячи страниц отмахал. У меня так рассчитано: тысячи 3—4 страниц напишу, а потом можно отредактировать...»⁷. По всей видимости, в число таких «черновых» страниц входила и глава «После смерти Сталина», работая над которой маршал, находившийся в тот период времени в опале, не мог

⁶ В марте 1965 г. в письме в Президиум ЦК КПСС с просьбой о политической реабилитации Г.К.Жуков вспоминал подробности этого разговора: «Летом 1964 года мне позвонил ХРУЩЕВ. В процессе разговора об октябрьском Пленуме 1957 года он сказал: «Знаешь, мне тогда трудно было разобраться, что у тебя было в голове, но ко мне приходили и говорили: «ЖУКОВ опасный человек, он игнорирует тебя, в любой момент он может сделать все, что захочет. Слишком велик его авторитет в армии, видимо, “корона Эйзерхауэра” не дает ему покоя».

Я ответил: «Как же можно было решать судьбу человека на основании таких домыслов?»

ХРУЩЕВ сказал: «Сейчас я крепко занят. Вернусь с отдыха — встретимся и по-дружески поговорим» (РГВА. Ф. 41107. Оп. 2. Д. 3. Л. 27).

В беседе с журналистом Н.А.Светлишиным Г.К.Жуков несколько иначе вспоминал о телефонном разговоре с Н.С.Хрущевым и датировал его концом августа 1964 г. (Светлишин Н.А. Указ. соч. С. 245—246).

⁷ Г.К.Жуков: Известные страницы биографии... С. 234.

борьбу в советском руководстве в 50-х гг. и нравы тогдашней партийно-государственной элиты, а также позволяет показать малоизученную грань биографии маршала.

Документ находится в фонде 41107 (личном фонде Маршала Советского Союза Г.К.Жукова) Российского государственного военного архива (РГВА).

Документ опубликован в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации. Недостающие слова и буквы заключены в квадратные скобки.

Публикатор благодарит директора РГВА Л.В.ДВОЙНЫХ и заместителя директора Л.Н.САХАРОВУ за оказанное содействие.

Публикацию подготовила Ю.А.АБРАМОВА.

ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

[1963—1964 гг.]

Шел март месяц 1953 года. Я только что вернулся в Свердловск¹ с тактических учений войск округа. Начальник секретариата доложил мне: только что звонил по «ВЧ» Министр Обороны² БУЛГАНИН³ и приказал ему позвонить.

Я сейчас же соединился с БУЛГАНИНЫМ. Он сказал мне: «Завтра утром Вам нужно быть в Москве». Я попытался выяснить цель вызова, БУЛГАНИН ответил: «Прилетишь, — узнаешь».

В связи с тем, что за последние годы меня редко вызывала Москва, чтобы порадовать чем-либо приятным, естественно, я долго думал над вызовом, но так и не пришел к чему-либо определенному.

От Свердловска до Москвы летели четыре часа. Погода была ясная, и я с интересом рассматривал зимний ландшафт с высоты полета. Приземлились, как всегда, на городском центральном аэродроме. Меня встретили офицеры из секретариата БУЛГАНИНА, которые передали, чтобы я прямо с аэродрома ехал к министру обороны.

Что за спешка, думалось мне.

БУЛГАНИНА я застал в его кабинете. Он был одет в шинель и разговаривал по кремлевскому телефону.

Я представился, как положено военному человеку. БУЛГАНИН сказал: «Сегодня состоится Пленум ЦК⁴. Вам нужно быть сегодня на Пленуме. Я тороплюсь в Кремль». Протянув руку, он быстро вышел из кабинета к машине^а.

Перекусив на скорую руку, я пошел к А.М.ВАСИЛЕВСКОМУ⁵ — начальнику Генерального штаба^б.

Поговорив о текущих делах, я спросил Александра Михайловича, не знает ли он вопросы, которые будут обсуждаться сегодня на Пленуме ЦК. А[лександр] М[ихайлович] ответил: «Ей богу не знаю. Мне самому только что звонил Министр Обороны и сказал, что сегодня состоится Пленум. Час открытия будет сообщен дополнительно».

Собравшись на Пленум, мы узнали в кулуарах, что СТАЛИН⁷ серьезно болен.

^а В документе: «вышел из кабинета на машину».

В назначенный час участники Пленума ЦК заняли места в Свердловском зале.

Минут через пятнадцать—двадцать появился Президиум ЦК. Открывая Пленум, Н.С.ХРУЩЕВ⁸ сказал:

«Настоящий Пленум созван в связи с тяжелой болезнью товарища СТАЛИНА. По состоянию здоровья он, видимо, не сможет скоро вернуться к руководству партией и государством».

«Обсудив создавшееся положение, Президиум ЦК вносит на Ваше рассмотрение ряд неотложных вопросов по улучшению структуры министерств, центральных государственных учреждений и персональных назначений».

Первым секретарем ЦК была предложена кандидатура ХРУЩЕВА⁹. Председателем Совета Министров названа кандидатура МАЛЕНКОВА¹⁰. Министерство внутренних дел объединится с Министерством государственной безопасности. В связи с этим Министром внутренних дел названа кандидатура БЕРИЯ¹¹. Министром Обороны оставался БУЛГАНИН. Первым заместителем Министра Обороны была рассмотрена и утверждена моя кандидатура¹².

Надо сказать, что назначение меня на должность первого заместителя Министра Обороны для меня было полной неожиданностью, т[ак] к[ак] БУЛГАНИН, как Министр Обороны, для меня не был авторитетом, и он это хорошо знал. Как потом мне рассказывали, БУЛГАНИН был против моего назначения. Он говорил, что ему трудно будет работать с ЖУКОВЫМ. ЖУКОВ не признает меня, как военного деятеля. Ему сказали, что интересы государства требуют назначения ЖУКОВА в качестве первого заместителя Министра Обороны, что касается взаимоотношений с ЖУКОВЫМ, то это должно быть отрегулировано самим БУЛГАНИНЫМ.

Так или иначе, но я уже не вернулся в Свердловск и немедленно вступил в исполнение новых обязанностей.

Перед вступлением на должность первого заместителя министра у меня состоялся большой разговор с БУЛГАНИНЫМ. Он начал с того, что «в прошлом между нами не все было гладко», но в этом лично он якобы не был виноват. На прошлом^а надо поставить крест и начать работу на здоровых дружеских началах, этого, мол, требуют интересы обороны страны, что якобы он первый предложил мою кандидатуру.

Я сказал БУЛГАНИНУ, что «Вы, Николай Александрович, сделали много неприятностей для м[е]ня, подставляя под удары СТАЛИНА, но я в интересах дела все это хочу предать забвению и, если Вы искренне хотите дружной работы, давайте забудем о прошлых неприятностях».

Когда ХРУЩЕВ докладывал Пленуму предложения Президиума ЦК о мерах упрощения управления государством и о кандидатах на руководящие государственные посты, создавалось вполне определенное впечатление, что СТАЛИНА уже как будто не существует в живых, что он никогда больше не встанет во главе партии и государства.

^а В документе: «Над прошлым».

В конце заседания Пленума был объявлен бюлетень о состоянии здоровья СТАЛИНА, из которого было видно, что СТАЛИН доживает последние дни своей жизни, он все еще не приходил в сознание.

Всматриваясь в лица членов Президиума ЦК, я делал следующие выводы о[б] их теперешнем отношении к СТАЛИНУ:

МОЛОТОВ¹³ — был серьезно задумчив и, видимо, тревожно переживал события;

ВОРОШИЛОВ¹⁴ — выглядел явно растерянным. По его внешнему виду было трудно понять, был ли он в тревоге, опечален или вообще не имел своего определенного мнения. Таким его можно было и раньше наблюдать в процессе работы при СТАЛИНЕ, а может быть, он еще и не верил в неизбежную смерть СТАЛИНА, а потому, на всякий случай, решил пока подождать и выждать;

МАЛЕНКОВ, ХРУЩЕВ, БЕРИЯ и БУЛГАНИН были в приподнятом настроении и, видимо, лучше других знали о скорой кончине СТАЛИНА. Их суждения и критика государственных порядков, существовавших при СТАЛИНЕ, говорили о том, что они на 100% уверены в скорой смерти СТАЛИНА, а потому уже не боялись высказать своего мнения, как это бывало при СТАЛИНЕ.

БЕРИЯ сидел рядом с БУЛГАНИНЫМ и заметно старался придать своему лицу доброжелательное выражение. При внимательном наблюдении, хотя его глаза и были прикрыты очками, все же в них можно было рассмотреть хищность и холодную жестокость. Всем своим видом и развязностью он, видимо, старался подчеркнуть и дать понять: «Хватит, мол, сталинских порядков, натерпелись при СТАЛИНЕ, теперь у нас все будет по-иному».

Я хорошо знал БЕРИЯ, видел его хитрое угодничество СТАЛИНУ и готовность в любую минуту убрать с дороги СТАЛИНА всех тех, кто неугоден СТАЛИНУ, а теперь он корчил из себя настоящего большевика-ленинца. Противно было смотреть на этот маскарад.

БУЛГАНИН, как всегда, был на высоте подхалимства и приспособленчества. То он подойдет к одному, то к другому. Одному слащаво улыбается, другому крепко руку пожат. ХРУЩЕВУ он то и дело бросал реплику: «Правильно, Никита Сергеевич, правильно. Это давно следовало провести в жизнь».

Остальные члены Президиума ЦК всем своим видом не выражали ничего. Сидели и молчали, как это было при СТАЛИНЕ. Среди большинства членов ЦК и кандидатов в члены ЦК было скорбное настроение.

Большинство искренне было опечалено его предсмертным состоянием. Иного тогда и быть не могло.

СТАЛИН был общепризнанным авторитетом и вождем. Партия ценила заслуги СТАЛИНА и верила ему. Тогда еще не знали о размерах того зла, которое причинил СТАЛИН в 1937—38 годах советскому народу.

Несмотря на то, что СТАЛИН поступал со мной недобросовестно после Великой Отечественной войны¹⁵, лично я искренне жалел и ценил его за ту гигантскую работу, которую он провел после ЛЕНИНА¹⁶ и в годы Отечественной войны.

Во время похорон СТАЛИНА, БУЛГАНИН мне рассказывал о той ночи, во время которой со СТАЛИНЫМ случилось несчастье. Вечером у СТАЛИНА на даче собрались ХРУЩЕВ, БЕРИЯ, МАЛЕНКОВ и БУЛГАНИН — три неразлучных друга, как об этом всегда хвастался БУЛГАНИН. После разговора о делах, все сели за стол ужинать. СТАЛИН был в хорошем настроении и много шутил. Ужин, как это часто бывало у СТАЛИНА, затянулся до 2-х часов ночи.

В 2 часа ночи первыми от СТАЛИНА уехали он — БУЛГАНИН и МАЛЕНКОВ. Около 3-х часов ночи, якобы, уехали БЕРИЯ и ХРУЩЕВ. После отъезда БЕРИЯ и ХРУЩЕВА, минут через 15—20 в столовую к СТАЛИНУ зашел генерал ВЛАСИК¹⁷, чтобы помочь СТАЛИНУ лечь в постель, и он увидел СТАЛИНА в обморочном состоянии лежащим на полу.

ВЛАСИК немедленно позвал БЕРИЯ и вызвал врачей. ВЛАСИК и охрана, якобы, осторожно перенесли СТАЛИНА на кровать. Прибывшие врачи, в присутствии БЕРИЯ, МАЛЕНКОВА и ХРУЩЕВА пытались оказать помощь СТАЛИНУ, но все было тщетно, СТАЛИН был без сознания, и у него был установлен паралич. Несколько позже прибыл БУЛГАНИН и другие члены Президиума. Было решено установить около СТАЛИНА постоянное дежурство членов Президиума и профессуры поликлиники Кремля.

Через непродолжительное время СТАЛИН, не приходя в сознание, умер¹⁸.

После похорон СТАЛИНА советский народ искренне скорбел о его смерти, возлагая все свои надежды на партию, которая все минувшие годы уверенно вела советский народ по пути к коммунизму.

Вскоре меня ввели в состав Президиума ЦК¹⁹, и я имел полную возможность ближе узнать метод и стиль работы верховного органа партии после СТАЛИНА.

При СТАЛИНЕ Президиум ЦК, как правило, рассматривал только особо важные вопросы. Прения были очень короткие. Вносились только предложения по существу вопроса. Менее важные вопросы обычно рассматривались и решались на Секретариате ЦК или в образованных Президиумом ЦК комиссиях.

После смерти СТАЛИНА на рассмотрение Президиума ЦК ставилось по 25—30 вопросов, добрая половина которых не имела особо принципиального значения и свободно могла быть решена министерствами.

Вследствие чрезвычайной перегрузки повестки дня, не представлялась возможность глубоко обсудить даже те вопросы, которые имели особо важное государственное значение.

Получался парадокс. Не вникнув глубоко в суть вопроса, он отклонялся или принимался членами Президиума, которые, по существу, штамповали рекомендации своего аппарата, своих помощников, своих консультантов, т[ак] к[ак] сами они, будучи перегруженными текущими делами, не имели никакой возможности вникнуть в существо 25—30 вопросов и подготовить по ним свое личное мнение.

Через некоторое время пришли к выводу о необходимости разгрузить Президиум ЦК от многих второстепенных вопросов, обязав министерства и Госплан самим их решать. Но министерства неохотно самостоятельно

решали вопросы и, опасаясь как бы чего не вышло, продолжали осаждать Президиум ЦК вопросами.

Тут сказалась сила привычки, привитой при СТАЛИНЕ: ничего не решать без санкции ЦК.

Первое время после смерти СТАЛИНА между ХРУЩЕВЫМ, БЕРИЯ и МАЛЕНКОВЫМ была особенно крепкая дружба. В Президиуме ЦК и во всей жизни государства эти три человека играли решающую роль.

БУЛГАНИН пресмыкался перед ними. Он мне не раз говорил: «Прежде чем поставить тот или иной вопрос Министерства Обороны на Президиуме ЦК, нужно предварительно заручиться мнением и согласием МАЛЕНКОВА, ХРУЩЕВА и БЕРИЯ, а остальные члены Президиума проголосуют безоговорочно».

Чтобы выслужиться перед БЕРИЯ, — БУЛГАНИН по его рекомендации расформировал футбольную команду ЦСКА, а лучших игроков команды, по указанию БЕРИЯ, он передал в команду «Динамо», т[о] е[сть] МВД. Советская Армия на длительное время осталась без футбольной команды²⁰.

МОЛОТОВ по-прежнему держался как-то особняком.

ВОРОШИЛОВ, можно сказать, не играл почти никакой роли. Я не помню ни одного случая, чтобы ВОРОШИЛОВ внес какое-либо деловое предложение. Рассылаемых материалов он не читал и к заседаниям почти не готовился.

Главную и ведущую роль в Президиуме играл Н.С.ХРУЩЕВ. Его всемерно поддерживали БЕРИЯ и МАЛЕНКОВ, в бытность его председателем Совета Министров, не говоря уже о БУЛГАНИНЕ.

Вскоре произошли очень важные события. Был арестован БЕРИЯ²¹.

И вот как это произошло.

Мне позвонил БУЛГАНИН и сказал: «Зайди скорее, пожалуйста, ко мне на одну минутку, а то я тороплюсь в Кремль».

Я быстро спустился с 4-го этажа на 2-й и зашел в кабинет БУЛГАНИНА. Он мне сказал: «Вызови МОСКАЛЕНКО²², НЕДЕЛИНА²³, БАРИЦКОГО²⁴ и еще пару человек, кого ты сочтешь необходимым²⁵, и немедленно приезжай с ними в приемную МАЛЕНКОВА».

Через 30 минут с группой генералов я был в приемной МАЛЕНКОВА. Меня тут же вызвали в кабинет МАЛЕНКОВА, где кроме МАЛЕНКОВА были МОЛОТОВ, ХРУЩЕВ, БУЛГАНИН.

Поздоровавшись, МАЛЕНКОВ сказал: «Мы тебя вызвали для того, чтобы поручить одно важное дело. За последнее время БЕРИЯ проводит подозрительную работу среди своих людей, направленную против группы членов Президиума ЦК. Мы считаем, что БЕРИЯ стал опасным человеком для партии [и] государства. Мы решили его арестовать и обезвредить всю систему НКВД. Арест БЕРИЯ мы решили поручить лично Вам». ХРУЩЕВ добавил: «Мы не сомневаемся, что Вы сумеете хорошо это выполнить, тем более, что БЕРИЯ Вам лично много сделал неприятностей. Как у Вас, нет сомнений на этот счет?»

Я ответил: «Какие же могут быть сомнения. Поручение будет выполнено».

ХРУЩЕВ: «Имейте в виду, что БЕРИЯ ловкий и довольно физически сильный человек, к тому же он, видимо, вооружен».

Я сказал: «Я, конечно, не спец по арестам и этим не довелось заниматься, но у меня не дрогнет рука. Скажите только, где и когда его надо арестовать».

МАЛЕНКОВ: «Мы вызвали БЕРИЯ на заседание Совета Министров. Вместо Совмина здесь будет заседание Президиума ЦК, где БЕРИЯ будет предъявлено обвинение в игнорировании ЦК и нелояльном отношении к членам Президиума, в расстановке руководящих кадров НКВД без согласования ЦК и ряд[e] других вопросов.

В процессе заседания Вам нужно быть в комнате отдыха и ждать двух звонков. После двух звонков Вам нужно войти в кабинет, где и арестовать БЕРИЯ. Все ли ясно?» Я ответил: «Вполне».

Пришел БЕРИЯ. Началось заседание. Идет заседание час, другой, а условленных звонков все нет и нет. Я уже начал беспокоиться, уж не арестовал ли БЕРИЯ тех, кто хотел арестовать его. Но в это время раздался условленный звонок.

Оставив двух вооруженных офицеров у наружной двери кабинета МАЛЕНКОВА, мы вошли в кабинет. Как было условлено, генералы взялись за пистолеты, а я быстро подошел к БЕРИЯ и громко ему сказал: «БЕРИЯ, встать, Вы арестованы», одновременно взяв его за обе руки, приподнял со стула, быстро ощупав все его карманы. Оружия не оказалось. Его портфель был тут же отброшен на середину стола.

БЕРИЯ страшно побледнел и что-то начал лепетать. Два генерала взяли его за руки и вывели в заднюю комнату кабинета МАЛЕНКОВА, где был произведен тщательный обыск и изъятие неположенных вещей.

В 11 часов ночи БЕРИЯ был скрытно перевезен из Кремля в военную тюрьму, а через сутки — переведен в помещение командного пункта МВО и поручен охране — той же группе, которая его арестовывала. В дальнейшем я не принимал участия ни в охране, ни в следствии на судебном процессе²⁶.

После суда БЕРИЯ был расстрелян теми же, кто его охранял до суда²⁷. При расстреле БЕРИЯ держал себя очень плохо, как самый последний трус. Истерично плакал, становился на колени и, наконец, весь обмарался. Словом — гадко жил и более гадко умер.

После расстрела БЕРИЯ некоторое время Президиум ЦК работал дружно, а затем постепенно начались серьезные размолвки, споры, доходившие до личных оскорблений. Особенно между ХРУЩЕВЫМ, КАГАНОВИЧЕМ²⁸ и МОЛОТОВЫМ. Надо сказать, что между КАГАНОВИЧЕМ и ХРУЩЕВЫМ шли старые счеты и давали себя знать старые неприязненные взаимоотношения, возникшие еще по совместной работе в Московском Комитете партии и на Украине, где КАГАНОВИЧ был партийным руководителем, а ХРУЩЕВ им руководимым²⁹. КАГАНОВИЧ считал себя более грамотным марксистом-ленинцем, а ХРУЩЕВ не признавал за ним этого качества и считал КАГАНОВИЧА неисправным догматиком-сталинцем⁸.

Готовился XX-й съезд партии³⁰. ХРУЩЕВ поставил вопрос о необходимости выступить на съезде по вопросу о культе личности СТАЛИНА. Против постановки вопроса о культе личности СТАЛИНА

⁸ В документе: «догматистом-сталинцем».

выступили МОЛОТОВ, ВОРОШИЛОВ, КАГАНОВИЧ, МАЛЕНКОВ. Остальные, и, прежде всего молодые члены Президиума, поддержали ХРУЩЕВА.

Особенно ожесточенно спорили и были яркими противниками постановки вопроса о культе СТАЛИНА — МОЛОТОВ, КАГАНОВИЧ, ВОРОШИЛОВ — те, кто вместе со СТАЛИНЫМ без разбора уничтожали партийных, советских, военных работников в мрачные 1937—1938 годы.

Они были против потому, что боялись того, что вместе со СТАЛИНЫМ будут разоблачены и их имена и чего доброго^а, съезд может потребовать привлечения их к суровой ответственности.

После XX-го съезда партии и освобождения МАЛЕНКОВА от должности Председателя Совета Министров³¹, взаимоотношения в Президиуме еще больше обострились.

МАЛЕНКОВ отошел от ХРУЩЕВА и стал ближе к КАГАНОВИЧУ и МОЛОТОВУ. Здесь сказала, конечно, личная обида МАЛЕНКОВА, а не какая-либо принципиальная точка зрения.

БУЛГАНИН был назначен вместо МАЛЕНКОВА Председателем Совета Министров, а я — Министром Обороны.

Я не помню ни одного заседания Президиума ЦК, на котором не было бы схватки и ругани между ХРУЩЕВЫМ и КАГАНОВИЧЕМ, между ХРУЩЕВЫМ и МОЛОТОВЫМ. Нам, молодым членам Президиума ЦК, казалось странным такое недружелюбное взаимоотношение между старыми членами Президиума, часть которых долгое время работала вместе со СТАЛИНЫМ и даже с ЛЕНИНЫМ.

Такое нелояльное их отношение друг к другу не могло не сказаться на деле. Шли беспринципные споры, а вопросы, вокруг которых шли эти споры, оставались нерешенными.

Мы пытались было посоветовать им прекратить ругань, но где там, разве наш голос был для них авторитетным.

Лично я считал линию ХРУЩЕВА более правильной, чем линию КАГАНОВИЧА и МОЛОТОВА, которые цепко держались за старые догмы и не хотели перестраиваться в духе веления времени.

Мне казалось, что ХРУЩЕВ все время думает и ищет более прогрессивные методы, способы и формы в деле строительства социализма, в области развития экономики и всей жизни страны.

ХРУЩЕВА я хорошо узнал на Украине в 1940 году, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период³². Я его считал хорошим человеком, постоянно доброжелательным и, безусловно, оптимистом.

СТАЛИН хорошо относился к ХРУЩЕВУ, но я видел, что он иногда был несправедлив к нему, отдавая во всем пальму первенства МОЛОТОВУ, БЕРИЯ, МАЛЕНКОВУ и КАГАНОВИЧУ.

Учитывая все это, я твердо поддерживал ХРУЩЕВА в спорах между [н]им, КАГАНОВИЧЕМ и МОЛОТОВЫМ.

В 1955 году ХРУЩЕВ был в отъезде. В Президиуме ЦК кем-то, не то ФУРЦЕВОЙ³³, не то КИРИЧЕНКО³⁴ был поднят вопрос о награждении ХРУЩЕВА второй медалью Героя Социалистического труда³⁵ за крупные достижения в сельском хозяйстве. Разгорелись серьезные споры. Тут я

^а В документе: «чего другого».

окончательно понял, какая глубокая и непреодолимая пропасть существует между МОЛОТОВЫМ, КАГАНОВИЧЕМ и ХРУЩЕВЫМ.

МОЛОТОВ и КАГАНОВИЧ считали, что достижений у нас в области сельского хозяйства пока особых нет, а личных заслуг ХРУЩЕВА в этом деле тем более нет.

К ним присоединился МАЛЕНКОВ. Все они считали, что ХРУЩЕВ проводит неправильную линию в области сельского хозяйства, игнорирует Президиум ЦК и без согласования выдвигает на зональных совещаниях по сельскому хозяйству пока что неосуществимый лозунг «догнать и перегнать Америку в 2—3 года»³⁶.

МОЛОТОВ сказал, что это авантюра, надо ХРУЩЕВА призвать к порядку. Однако большинство решило наградить ХРУЩЕВА 2-й золотой медалью Героя Социалистического труда³⁷.

Будучи в Горьком, ХРУЩЕВ выступил с заявлением о целесообразности сдачи в государство облигаций всех займов, общей суммой 260 миллиардов рублей (в старых деньгах)³⁸.

ХРУЩЕВУ вновь поставили в вину, что он выступил с таким важным заявлением, предварительно не посоветовавшись с Президиумом ЦК.

По возвращении ХРУЩЕВА в Москву состоялся вновь неприятный разговор.

Тогда же было принято решение не сдавать облигаций, а отсрочить на 25 лет выплату по ним.

Учитывая необходимость децентрализации управления промышленностью и представления Союзным Республикам больше прав, ХРУЩЕВ внес предложение на Президиуме ЦК о ликвидации многих промышленных министерств³⁹.

Это предложение КАГАНОВИЧ отверг, как преждевременное и плохо продуманное.

МОЛОТОВ поддержал КАГАНОВИЧА и сказал, что в Москве для общего руководства все же придется что-то иметь, возможно, вместо министерств — отраслевые комитеты.

В последующем большинство членов Президиума ЦК поддержало идею ХРУЩЕВА.

БУЛГАНИН вначале безропотно и во всех начинаниях поддерживал ХРУЩЕВА, но постепенно он стал все больше и больше склоняться на сторону МОЛОТОВА и КАГАНОВИЧА.

Плохо зная народное хозяйство страны, особенно сельское хозяйство, БУЛГАНИН ни одного раза по линии Совета Министров не поставил какого-либо вопроса на Президиуме ЦК.

БУЛГАНИН, понимая, что он плохо выполняет роль Председателя Совета Министров, что везде и во всем его опережает ХРУЩЕВ, он, видимо, внутренне вполне созрел для присоединения к антихрущевской группировке и как только пронюхал, что против ХРУЩЕВА сколотилась группировка большинства членов Президиума ЦК, он немедленно присоединился к ней.

Весной 1957 года сын ХРУЩЕВА Сергей⁴⁰ женился. По этому случаю на даче ХРУЩЕВА была устроена свадьба. На свадьбе, как полагается, крепко выпилили, а, выпив, произносили речи.

С речью выступил ХРУЩЕВ. Говорил он, как всегда, хорошо. Рассказал о своей родословной биографии. Тепло вспомнил свою маму, которая, по его словам, очень любила много говорить, а затем как-то вскользь уколос БУЛГАНИНА. В другое время БУЛГАНИН промолчал бы, а тут он неузнаваемо вскипел и попросил ХРУЩЕВА подбирать выражения.

Мы все поняли, что БУЛГАНИН тоже озлоблен против ХРУЩЕВА. Догадки подтвердились.

Как только кончился обед, МОЛОТОВ, МАЛЕНКОВ, КАГАНОВИЧ, БУЛГАНИН демонстративно покинули свадьбу и уехали к МАЛЕНКОВУ на дачу⁴¹.

ХРУЩЕВ понял, что отныне БУЛГАНИН переметнулся в стан его противников, и он был явно озабочен усилением группы его противников.

После того, как с дачи ХРУЩЕВА демонстративно ушли БУЛГАНИН, МАЛЕНКОВ, МОЛОТОВ и КАГАНОВИЧ, ко мне подошел КИРИЧЕНКО и завел такой разговор: «Георгий Константинович! Ты понимаешь, куда дело клонится, а? Эта компания не случайно демонстративно ушла со свадьбы. Я думаю, что нам нужно держать ухо [в]остро, а в случае чего, надо ко всему быть готовым. Мы на тебя надеемся. Ты в армии пользуешься громадным авторитетом, одно твое слово и армия делает все, что нужно».

Я видел, что КИРИЧЕНКО пьян, но сразу же настоярился. «О чем ты, Алексей Илларионович, болтаешь? Я тебя не понимаю. Куда ты клонишь свою речь? Почему ты заговорил о моем авторитете в армии и о том, что стоит только мне сказать свое слово, и она сделает все, что нужно».

КИРИЧЕНКО: «А ты, что не видишь, как злобно они сегодня разговаривали с ХРУЩЕВЫМ? БУЛГАНИН, МОЛОТОВ, КАГАНОВИЧ и МАЛЕНКОВ решительные и озлобленные люди. Я думаю, что дело может дойти до серьезного».

Мне показалось, что КИРИЧЕНКО завел такой разговор не случайно, не от своего ума.

И это предположение тут же подтвердилось следующими его словами: «В случае чего — мы не дадим в обиду Никиту Сергеевича».

О КИРИЧЕНКО А.И. у меня всегда было плохое мнение. Я считал его «одесситом» в худшем смысле этого слова. Вот один из штрихов, характеризующих его далеко не принципиальным коммунистом.

В 1946 году я прибыл в Одессу командовать войсками округа⁴², где КИРИЧЕНКО был первым секретарем Обкома ВКП(б).

Прошло пару недель, мне позвонил в штаб Одесского округа КИРИЧЕНКО: «Слушай, Георгий Константинович, у меня лично плохо обстоит дело с легковой машиной, а в округе имеется много хороших трофейных машин. Я прошу, дай, пожалуйста, мне одну-две машины».

Я ответил, что машины в округе есть, но передачу надо оформить документально через ОФИ Министерства Обороны.

«Ты давай машины, — сказал КИРИЧЕНКО, — а насчет документов не беспокойся, у нас в Одессе любые документы сделают, и не только на машину, а, если нужно, и на звезды Героя».

Откровенно говоря, меня поразила подобная психология КИРИЧЕНКО, который стоял во главе партийной организации области.

Ну, конечно, машину я ему не дал, хотя он неоднократно об этом мне напоминал.

С точки зрения общей культуры КИРИЧЕНКО был примитивным. Я поражался и недоумевал, чем он мог заслужить у ХРУЩЕВА столь дружеское к себе отношение.

После ухода ХРУЩЕВА с Украины в Москву, он и рекомендовал его первым секретарем ЦК Украины, а после смерти СТАЛИНА КИРИЧЕНКО был переведен в ЦК КПСС секретарем ЦК, а вскоре он стал членом Президиума ЦК, где и показал себя с самой худшей стороны.

В тот день, когда группа МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА решила поставить на Президиуме ЦК вопрос о снятии ХРУЩЕВА с поста 1-го Секретаря ЦК⁴³, утром мне позвонил МАЛЕНКОВ и просил заехать к нему по неотложному делу.

Считая, что МАЛЕНКОВ выполняет какую-то работу по заданию Президиума, я немедленно поехал к МАЛЕНКОВУ.

МАЛЕНКОВ встретил меня очень любезно и сказал, что давно собирался поговорить со мной по душам о ХРУЩЕВЕ.

Он коротко изложил свое мнение о, якобы, неправильной практике руководства со стороны первого секретаря ЦК ХРУЩЕВА, указав при этом, что ХРУЩЕВ перестал считаться с Президиумом ЦК, выступает на местах без предварительного рассмотрения вопросов на Президиуме. ХРУЩЕВ стал крайне груб в обращении со старейшими членами Президиума, в частности, с МОЛОТОВЫМ, КАГАНОВИЧЕМ, ВОРОШИЛОВЫМ, БУЛГАНИНЫМ и другими.

В заключение он спросил, как лично я расцениваю создавшееся положение в Президиуме ЦК.

Я спросил МАЛЕНКОВА: «МАЛЕНКОВ, Вы от своего имени со мной говорите или Вам кем-то поручено со мной переговорить?»

МАЛЕНКОВ сказал: «Я говорю с тобой, как со старым членом партии, которого я ценю и уважаю. Твое мнение для меня очень ценно».

Я понял, что за спиной МАЛЕНКОВА действуют более опытные и сильные личности. МАЛЕНКОВ явно фальшивит и не раскрывает настоящей цели разговора со мной.

Я сказал МАЛЕНКОВУ: «Поскольку у Вас возникли претензии к ХРУЩЕВУ, я советую Вам пойти к ХРУЩЕВУ и переговорить с ним товарищески. Я уверен, он Вас поймет».

МАЛЕНКОВ: «Ты ошибаешься. Не таков ХРУЩЕВ, чтобы признать свои действия неправильными и, тем более, исправить их».

Я ему ответил, что думаю, что вопрос постепенно утрясется. На этом мы и распрощались.

Через несколько часов меня срочно вызвали на заседание Президиума ЦК⁴⁴.

В коридоре Президиума я встретил А.И.МИКОЯНА⁴⁵ и Е.А.ФУРЦЕВУ. Они были в возбужденном состоянии. МИКОЯН сказал: «В Президиуме образовалась группа недовольных ХРУЩЕВЫМ, и она потребовала сегодня же рассмотреть вопрос о ХРУЩЕВЕ на Президиуме. В эту группу входят МОЛОТОВ, КАГАНОВИЧ, ВОРОШИЛОВ, БУЛГАНИН, МАЛЕНКОВ и ПЕРВУХИН»⁴⁶.

Я ему сказал о состоявшемся 2 часа тому назад разговоре с МАЛЕНКОВЫМ. МИКОЯН сказал, что они час тому назад с ним разговаривали.

ХРУЩЕВ в этот день с утра был занят приемом венгерских товарищей⁴⁷, и только что освободился. Но он уже знал, что большая группа членов Президиума потребовала немедленного созыва Президиума ЦК.

Когда началось заседание Президиума ЦК, ХРУЩЕВ спросил: «О чем будем говорить?»

Слово взял МАЛЕНКОВ: «Я выступаю по поручению группы товарищей, членов Президиума. Мы хотим обсудить вопрос о ХРУЩЕВЕ, но поскольку речь будет идти лично о ХРУЩЕВЕ, я предлагаю, чтобы на этом заседании Президиума председательствовал не ХРУЩЕВ, а БУЛГАНИН».

МОЛОТОВ, КАГАНОВИЧ, БУЛГАНИН, ВОРОШИЛОВ, ПЕРВУХИН громко заявили «правильно». Так как группа оказалась в большинстве, ХРУЩЕВ молча освободил место председателя и на его место сел БУЛГАНИН.

БУЛГАНИН: «Слово имеет МАЛЕНКОВ».

МАЛЕНКОВ подробно изложил все претензии к ХРУЩЕВУ и внес предложение освободить ХРУЩЕВА от обязанностей Первого секретаря ЦК.

После МАЛЕНКОВА слово взял КАГАНОВИЧ.

Речь его была явно злобная. Он сказал: «Ну, какой это Первый секретарь ЦК? В прошлом он троцкист, боролся против ЛЕНИНА. Политически он мало грамотен, запутал дело сельского хозяйства и не знает дело промышленности, вносит путаницу в его организацию».

Обвинив ХРУЩЕВА в тщеславии, КАГАНОВИЧ предложил принять предложение МАЛЕНКОВА об освобождении ХРУЩЕВА от обязанностей Первого секретаря и назначить его на другую работу.

МОЛОТОВ присоединился к тому, что было сказано МАЛЕНКОВЫМ и КАГАНОВИЧЕМ, и внес предложение, чтобы вообще у нас в ЦК не было первых секретарей, чтобы вместо первых секретарей были секретари по общим вопросам для того, чтобы не возрождать нового культа личности⁴⁸. К этим всем предложениям присоединился БУЛГАНИН, ВОРОШИЛОВ, ПЕРВУХИН и ШЕПИЛОВ⁴⁹.

Дело приняло серьезный оборот. Группа МОЛОТОВА—МАЛЕНКОВА была в большинстве, и она могла сегодня же освободить ХРУЩЕВА от обязанностей Первого секретаря.

Против принятия решения об освобождении ХРУЩЕВА выступила группа в составе МИКОЯНА, СУСЛОВА⁵⁰, ЖУКОВА, ФУРЦЕВОЙ, ШВЕРНИКА⁵¹, но мы были в меньшинстве. Товарищей АРИСТОВА⁵², КИРИЧЕНКО, САБУРОВА⁵³ в Москве не было. Чтобы оттянуть время для вызова отсутствовавших членов Президиума и других мероприятий, мы внесли предложение: ввиду важности вопроса сделать до завтра перерыв и срочно вызвать всех членов Президиума ЦК. Мы надеялись на то, что с прибытием отсутствующих соотношение сил будет в пользу нашей группы. Но САБУРОВ оказался на другой стороне и по прибытии в Москву выступил против ХРУЩЕВА.

Видя, что дело приняло серьезный оборот, ХРУЩЕВ внес предложение срочно созвать Пленум ЦК. Группа отклонила это предложение, указав на то, что вначале снимем ХРУЩЕВА, а потом можно будет собирать Пленум ЦК. Я видел выход из создавшегося положения только в решительных действиях.

Я заявил: «Я категорически настаиваю на срочном созыве Пленума ЦК. Вопрос стоит гораздо шире, чем предполагает группа. Я хочу на Пленуме поставить вопрос о МОЛОТОВЕ, КАГАНОВИЧЕ, ВОРОШИЛОВЕ, МАЛЕНКОВЕ. Я имею в руках материалы о[б] их кровавых злодеяниях вместе со СТАЛИНЫМ в 1937—38 годах и им не место в Президиуме ЦК и даже в ЦК КПСС. Если же сегодня антипартийной группой будет принято решение о смещении ХРУЩЕВА с должности Первого секретаря, я не подчинюсь этому решению и обращусь немедленно к партии через парторганизации вооруженных сил»⁵⁴.

Это, конечно, было необычное и вынужденное заявление.

Откровенно говоря, я хотел произвести решительную психологическую атаку на антипартийную группу и оттянуть время до прибытия членов ЦК, которые уже перебрасывались в Москву военными самолетами.

После этого моего заявления было принято решение перенести заседание Президиума на третий день, и этим самым группа МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА проиграла затеянное ими дело против ХРУЩЕВА.

Но должен оговориться, если мне говорили тогда спасибо за столь решительное выступление против антипартийной группы, то через четыре месяца я очень сожалел об этом своем решительном заявлении, так как мое заявление в защиту ХРУЩЕВА обернуло в октябре 1957 года лично против меня, о чем будет сказано особо.

Заседание Президиума шло трое суток с утра до вечера. Во время перерывов между заседаниями стороны готовились к схваткам следующего дня, и об этом стоит тоже коротко сказать.

Группа МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА чаще всего вела между собою разговоры подгруппами по два-три человека и один только раз собиралась у БУЛГАНИНА почти всей группой.

Начиная с конца второго дня заседания, был замечен некоторый упадок боевитости их членов, так как активность сторонников ХРУЩЕВА все больше и больше возрастала, да и контрбвинения стали для них более угрожающими.

В середине второго дня в Президиум пришла группа членов ЦК в количестве 10 человек и потребовала, чтобы их принял Президиум ЦК в связи с их обеспокоенностью за судьбу единства Президиума⁵⁵. Эта группа заранее была проинформирована о сложившейся ситуации в Президиуме ЦК. Группа МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА до конца заседания не хотела принимать в Президиуме группу членов ЦК, но, а затем, под давлением сторонников ХРУЩЕВА, было решено послать ВОРОШИЛОВА, БУЛГАНИНА, ХРУЩЕВА и ШВЕРНИКА на переговоры. Встреча состоялась в приемной Президиума ЦК.

Группа членов от имени ЦК потребовала созыва Пленума ЦК.

Группа членов Президиума ЦК — сторонников ХРУЩЕВА с первого же дня заседания энергично взялась за то, чтобы организационно и идейно держать всю инициативу в своих руках.

Для выработки единства действий мы собирались вечерами в ЦК для того, чтобы договориться о завтрашнем дне.

В первый день было решено: срочно собрать членов ЦК в Москву для того, чтобы провести Пленум ЦК. Мы считали, что Пленум осудит действия группы МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА и поддержит ХРУЩЕВА.

Для быстреешего сбора членов Пленума ЦК было решено переброску их с периферии в Москву осуществить самолетами военно-воздушных сил. Организация этого дела была возложена на министерство обороны. Кроме того^а, я взял на себя ответственность лично переговорить с ВОРОШИЛОВЫМ, чтобы отколоть его от группы МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА. Взялся я за эти переговоры^б по той причине, что мы с ним все же в какой-то степени были родственники и никогда по-родственному не встречались (его внук был тогда женат на моей дочери). Но из переговоров ничего не получилось. ВОРОШИЛОВ был на стороне МОЛОТОВА—МАЛЕНКОВА и против ХРУЩЕВА.

Первый и второй день Н.С.ХРУЩЕВ был как-то деморализован и держался растерянно. Видя, что я решительно встал на его защиту и то, что многие члены Президиума ЦК и члены ЦК сразу же потянулись ко мне, сделав этим меня как бы центральной фигурой событий, ХРУЩЕВ растроганно сказал мне: «Георгий, спасай положение, ты это можешь сделать. Я тебя никогда не забуду».

Я его успокоил и сказал: «Никита, будь тверд и спокоен. Нас поддержит Пленум ЦК, а если группа МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА рискнет прибегнуть к насилию — мы и к этому будем готовы».

ХРУЩЕВ: «Делай все, что считаешь нужным в интересах партии, ЦК и Президиума».

В ходе заседания Президиума ЦК, на второй день, резко выступая против ХРУЩЕВА, САБУРОВ (видимо, что-то пронюхав) сказал: «Вы что же, ХРУЩЕВ, делаете, уж не решились ли вы арестовать нас за то, что мы выступаем против Вашей персоны?» ХРУЩЕВ спросил: «Из чего это вы видите?»

САБУРОВ: «Из того, что под Москвой появились танки».

Я сказал: «Какие танки? Что Вы, товарищ САБУРОВ, болтаете. Танки не могут подойти к Москве без приказа Министра, а такого приказа с моей стороны не было»⁵⁶.

Эта моя «контратака» тогда очень понравилась всей группе ХРУЩЕВА, и ХРУЩЕВ неоднократно ее приводил на Пленумах и [в] других речах.

Но прошло некоторое время, и эта контратака была истолкована совсем по-иному, ей дали иную политическую окраску, возводя в ранг бонапартистского курса⁵⁷.

Для ХРУЩЕВА и других членов Президиума образование такой большой группы противников ХРУЩЕВА было неожиданностью.

^а В документе: «кроме всего».

^б В документе: «этот разговор».

КАГАНОВИЧА, МОЛОТОВА и ВОРОШИЛОВА мы, конечно, считали противниками ХРУЩЕВА, но чтобы САБУРОВ, ШЕПИЛОВ и ПЕРВУХИН восстали против ХРУЩЕВА, это было полной неожиданностью для всех нас.

БРЕЖНЕВ⁵⁸ на второй же день заседания Президиума ЦК оказался больным и явился только на Пленум ЦК, когда уже обстановка вполне выяснилась и определена.

МИКОЯН, СУСЛОВ, ШВЕРНИК, ФУРЦЕВА, АРИСТОВ, я и КИРИЧЕНКО твердо стояли на стороне ХРУЩЕВА.

В процессе третьего дня нами было решено на вечернее заседание Президиума не ходить, а идти прямо на Пленум ЦК, который уже был собран в Свердловском зале⁵⁹.

Я не знаю, на что надеялась группа МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА, но они считали, что Пленум ЦК их поддержит. Видимо, их сторонники были в числе членов ЦК, но они на Пленуме ничем себя не проявили.

У всех нас — сторонников ХРУЩЕВА — были опасения, что группа МОЛОТОВА—МАЛЕНКОВА может пойти на авантюру и всех нас арестовать, а к этому были и некоторые основания. Так, например, количество офицеров охраны у БУЛГАНИНА, МОЛОТОВА, МАЛЕНКОВА и КАГАНОВИЧА в первый же день резко увеличилось. Возникали вопросы: а для чего это делалось?

У БУЛГАНИНА и МАЛЕНКОВА было много друзей в КГБ, МВД и войсках МВД, в случае необходимости группа могла прибегнуть к их помощи.

Н.С.ХРУЩЕВ, получив крепкую поддержку и заверения некоторых членов ЦК, прибывших в Москву, о желании серьезно расправиться с группой МОЛОТОВА—МАЛЕНКОВА, вновь почувствовал прилив энергии и стал прежним ХРУЩЕВЫМ — оптимистом. И он не ошибся. Пленум единодушно его поддержал.

Состоявшийся июньский пленум ЦК резко обвинил группу МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА в антипартийных действиях.

Я не буду излагать постановление Пленума ЦК, оно общеизвестно. Но, надо сказать, что если на Президиуме ЦК шла речь только вокруг деятельности ХРУЩЕВА с тем, чтобы снять его с поста Первого секретаря ЦК, то на Пленуме вопросы были значительно расширены и группе МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА были предъявлены тяжелые обвинения по ряду принципиальных вопросов, в том числе было предъявлено документальное обвинение МОЛОТОВУ, КАГАНОВИЧУ, ВОРОШИЛОВУ в истреблении, вместе со СТАЛИНЫМ, многих и многих местных партийных, военных и советских деятелей⁶⁰.

Как же вела себя группа противников ХРУЩЕВА?

С первых же часов заседания Пленума ЦК в антипартийной группе начался разброд и шатания.

ПЕРВУХИН, САБУРОВ и ШЕПИЛОВ начали каяться в своих заблуждениях и просили учесть их раскаяние. БУЛГАНИН растерялся, петляя, как трусливый заяц, плел всякие невразумительные оправдания. Выглядел он крайне неавторитетно. МОЛОТОВ и МАЛЕНКОВ с начала и до конца держали себя твердо и отстаивали свои убеждения. КАГАНОВИЧ, как всегда, был очень многословен, но его многословие

плохо воспринималось членами ЦК КПСС. ВОРОШИЛОВ вначале пытался солидаризироваться с МОЛОТОВЫМ, а затем растерялся, стал оправдываться тем, что он не понял истинных целей и намерений группы МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА. В этом сказался весь ВОРОШИЛОВ, каким он был при СТАЛИНЕ.

После Пленума ЦК был избран новый состав Президиума ЦК КПСС⁶¹. Я был избран членом Президиума ЦК. Работа постепенно вошла в нормальную колею.

В сентябре месяце 1957 г. ХРУЩЕВ, МИКОЯН, БРЕЖНЕВ, КИРИЧЕНКО и я уехали отдыхать в Крым. Черноморская теплая погода благоприятствовала хорошему отдыху. Мы очень часто встречались у ХРУЩЕВА, приятно и полезно проводили время, часто обсуждали общеполитические вопросы и практические дела нашей Родины.

Я готовился к поездке с визитом в Югославию и Албанию, куда был приглашен БРОЗ ТИТО⁶² и ЭНВЕР[ОМ] ХОДЖА⁶³.

Время моего пребывания в Крыму подходило к концу, и тут произошли для меня неприятные обстоятельства.

Прогуливаясь как-то с ХРУЩЕВЫМ и БРЕЖНЕВЫМ по территории дачи ХРУЩЕВА, между нами состоялся такой разговор.

БРЕЖНЕВ: «Никита Сергеевич, мне звонил из Будапешта КАДАР⁶⁴ и просил оставить в Венгрии во главе советских войск генерала КАЗАКОВА⁶⁵, которого товарищ ЖУКОВ намерен перевести на Дальний Восток. К КАЗАКОВУ венгерские товарищи привыкли, и я считаю, что надо считаться с мнением КАДАРА. Для Дальнего Востока маршал ЖУКОВ найдет другого командующего».

Я сказал: «В интересах обороны страны генерала КАЗАКОВА надо направить на должность командующего Дальневосточным округом, а для Венгрии мы найдем другого хорошего командующего».

БРЕЖНЕВ (нервно): «Надо же считаться с мнением товарища КАДАРА».

Я ответил: «Надо считаться и с моим мнением. И Вы не горячитесь, я такой же член Президиума ЦК, как и Вы, товарищ БРЕЖНЕВ».

ХРУЩЕВ молчал, но я понял, что он недоволен моим резким ответом⁶⁶.

Через пару минут БРЕЖНЕВ, взяв под руку ХРУЩЕВА, отошел с ним в сторону и стал что-то ему горячо доказывать. Я догадался, что между ними идет речь обо мне.

После разговора с ХРУЩЕВЫМ, БРЕЖНЕВ ушел к себе на дачу, даже не простившись со мной.

Вслед за этой первой размолвкой состоялась вторая, более значительная.

Через пару дней всех нас пригласил к себе на дачу т[оварищ] КИРИЧЕНКО⁶⁷ по случаю дня рождения его жены.

Во время ужина состоялась выступления, тосты и опять выступления. Во всех выступлениях преобладало всемерное восхваление ХРУЩЕВА. Все восхваления он принимал как должное и, будучи в ударе, прерывал выступавших и произносил внеочередные речи.

Мне это не понравилось и я, по простоте своей, сказал: «Никита Сергеевич, следующее слово в порядке заявки имеет Аверкий Борисович АРИСТОВ».

ХРУЩЕВ обиженно: «Ну, что ж, я могу совсем ничего не говорить, если Вам нежелательно меня слушать».

После чего у ХРУЩЕВА испортилось настроение, и он молчал. Я пытался отшутиться, но из этого ничего не получилось. Этим тут же воспользовались подхалимы и шептуны, и мы с ХРУЩЕВЫМ расстались в этот вечер весьма холодно⁶⁸.

Откровенно говоря, я потом ругал себя за свой язык, зная, что ХРУЩЕВ, будучи злопамятным, такие выпады против его персоны никому не прощает.

До отъезда из Крыма в Югославию мне не удалось встретиться с ХРУЩЕВЫМ. Переговорив в Крыму с ним по телефону, я вылетел в Москву, откуда собирался через пару дней вылететь в Белград.

Накануне вылета я позвонил в Крым, чтобы доложить о том, что завтра вылетаю в Югославию, но мне сказали, что ХРУЩЕВ с группой членов Президиума вылетели в Киев, где Главком сухопутных войск МАЛИНОВСКИЙ⁶⁹ по моему заданию проводил сбор высшего командного состава сухопутных войск.

На этом сборе командующий Киевским округом ЧУЙКОВ В.И.⁷⁰ демонстрировал преодоление танками водной преграды.

Вместе с ХРУЩЕВЫМ, как мне было доложено, на сбор в Киев прибыли БРЕЖНЕВ, КИРИЧЕНКО, КИРИЛЕНКО, АРИСТОВ и МУХИТ-ДИНОВ⁷¹.

Я позвонил по «ВЧ» в Киев. К телефону подошел В.И.ЧУЙКОВ. Доложив о ходе сбора, он мне сказал: «Вам бы надо самому быть на нашем сборе. Дела-то здесь у нас очень важные».

Я сказал ЧУЙКОВУ: «По решению руководства я завтра утром должен вылететь в Югославию, а у Вас, Василий Иванович, я надеюсь, будет все хорошо».

ЧУЙКОВ продолжал: «Так-то оно так, товарищ маршал, но все же Вам лучше было бы быть здесь самому».

Интуитивно я почувствовал, что ЧУЙКОВ неспроста так мне сказал. Я попросил к телефону ХРУЩЕВА.

С Н.С.ХРУЩЕВЫМ у меня состоялся хороший разговор. Я сказал ХРУЩЕВУ: «Не следует ли мне дня на три отложить свою поездку в Югославию и прибыть в Киев на сбор, говорят, что там, на сборе, возникло много интересных вопросов?».

ХРУЩЕВ: «Откладывать Вашу поездку в Югославию не следует. Я думаю, что мы здесь сообща как-либо справимся, а когда вернетесь из Югославии, я расскажу все, что было здесь интересного».

Успокоенный таким дружеским разговором, в утро следующего дня я с группой генералов и офицеров вылетел в Севастополь, откуда на крейсере «Кутузов»⁷² отбыл через Босфорский пролив в Югославию⁷³.

К Босфорскому проливу мы подплыли на утро следующего дня. Здесь мне не приходилось бывать, и я с интересом рассматривал такой важный, с оперативной точки зрения, пролив, соединяющий Черное и Средиземное моря.

Ранним утром к крейсеру демонстративно подошел катер, на котором находились американские офицеры, которые со всех сторон сфотографировали наш крейсер «Кутузов». На берегах пролива, за исключением американских военнослужащих, не было видно ни одной турецкой души. Так было на всем протяжении Босфорского пролива. Греческие острова, которых в Средиземном море была^а масса, а также прибрежная полоса греческой территории выглядели голо, мрачно и бедно.

Обогнув греческие и албанские берега, мы вошли в воды Адриатического моря. Вдали виднелась Италия.

Югославские товарищи нас встретили на своих кораблях в море, на подходах к порту.

В порту нас встретили торжественно, почетным караулом, и было много югославского народа.

В Белграде мы имели встречу с маршалом ТИТО, РАНКОВИЧЕМ⁷⁴, КАРДЕЛЕМ⁷⁵, ПОПОВИЧЕМ⁷⁶, государственным секретарем по делам обороны⁷⁷ и многими другими.

Через пару дней товарищ ТИТО пригласил нас в горы на охоту на горных козлов. Для меня охота была очень удачной. Я убил четырех козлов. ТИТО убил только одного, и мне показалось, что он не особенно доволен своими результатами, а стрелял он не менее шести раз.

После охоты нам была предоставлена возможность поездки в Хорватию, Сербию, Долматию и другие места. Везде и всюду мы встречали бурные восторги и радость в адрес советских людей, которые так много сделали для освобождения югославского народа от немецко-фашистской^б оккупации.

Нам приходилось вести многочисленные беседы с военными, партийными и государственными работниками, с рабочими, с интеллигенцией. Я был тронут той любовью и симпатией, которую все они выражали в адрес Советского Союза.

Перед отлетом в Албанию я послал ХРУЩЕВУ шифр[о]телеграмму, в которой сказал, что югославский народ и его руководство с большой симпатией относятся к Советскому Союзу, что наши люди, которые здесь побывали, видимо, тенденциозно освещали недружелюбие югославских руководителей. Я предлагал пересмотреть наши взаимоотношения в сторону их улучшения.

Оказывается, в Президиуме ЦК мое предложение было истолковано так, как будто я пытаюсь диктовать свою линию Президиуму, и как будто не отвечающую марксистско-ленинской линии ЦК по югославскому вопросу⁷⁸.

Однако, несколько лет спустя, после поездки ХРУЩЕВА в Югославию⁷⁹, Югославия была признана действительно социалистической страной и, безусловно, дружественной нашему народу, а тогда, в 1957 г., меня за такую точку зрения выругали по возвращении в Москву из Югославии, хотя за эти минувшие годы ничего в Югославии и не изменилось.

^а В документе: «было».

^б В документе: «От немецкой фашистской».

Из Югославии мы вылетели на ТУ-104 в Албанию⁸⁰, где нас очень гостеприимно встретил албанский народ, его армия и руководство партии.

Находясь в Албании, я получил сведения о том, что Президиумом ЦК созван партактив военных работников⁸¹, и что до моего возвращения в Москву мне из Москвы не могут передать, по каким вопросам проходит партактив, на котором присутствует весь руководящий состав Армии и Флота и в полном составе Президиум ЦК партии.

Вполне естественно, меня не могло не насторожить и не взволновать то обстоятельство, что актив собран почему-то в мое отсутствие^а. Я запросил своего первого заместителя КОНЕВА⁸². Он ответил через мой секретариат в том же духе. Настроение было испорчено. Через пару дней мы вылетели из Албании в Москву.

Приземлились мы в аэропорту Внуково.

В окно самолета я увидел встречающих меня всех маршалов Советского Союза и главнокомандующих всеми видами вооруженных сил, среди которых был ЧЕРНУХА⁸³ — технический работник при Президиуме ЦК.

После того, как мы все перездоровались, ко мне подошел ЧЕРНУХА и сказал, что меня сейчас же приглашают на Президиум ЦК. Там, говорит ЧЕРНУХА, все в сборе.

Я сказал, что заеду домой, переоденусь и сейчас же приеду.

Явившись в Президиум, я увидел за общим столом всех членов и кандидатов [в члены] Президиума, а также всех тех маршалов, кто встречал меня на аэродроме. Мне предложили коротко доложить о поездке в Югославию и Албанию. Я доложил основное.

ХРУЩЕВ предложил утвердить отчет, за исключением моего мнения о Югославии, руководство которой, якобы, проводит явно некоммунистическую линию в строительстве Югославии и во взаимоотношении с Советским Союзом. Затем ХРУЩЕВ сказал: «За время Вашего отсутствия Президиум ЦК провел партполитактив Министерства Обороны. По этому вопросу доложит СУСЛОВ».

СУСЛОВ начал с того, что «на партактиве установлено, что Министр Обороны маршал ЖУКОВ в своей деятельности проводит неправильную политическую линию, игнорируя политических работников, игнорируя Главное Политическое Управление, а политработников считает бездельниками. Маршал ЖУКОВ груб во взаимоотношениях с подчиненными и поощряет тех, кто прославляет его, как выдающегося полководца».

Взял слово МИКОЯН: «Мне непонятна и до сих пор волнует одна фраза, сказанная ЖУКОВЫМ на Президиуме ЦК во время борьбы с антипартийной группой МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА. ЖУКОВ сказал: «Если будет принято решение, предложенное МАЛЕНКОВЫМ, то он — ЖУКОВ — не подчинится этому решению и обратится к армии. Как это понимать?»

Я тут же ответил, что: «Да, это было сказано, но я говорил, что обращусь через парторганизации армии к партии, а не к армии».

^а В документе: «в моем отсутствии».

«Значит, Вы сознательно об этом говорили? — сказал МИКОЯН. — А я думал, что Вы тогда оговорились».

«Вы что, забыли ту обстановку, которая тогда сложилась?» — ответил я МИКОЯНУ.

Затем выступил БРЕЖНЕВ. Он наговорил, что было и чего никогда не было. Что я зазнался, что я игнорирую ХРУЩЕВА и Президиум, что я пытаюсь навязывать свою линию ЦК, что я недооцениваю роль Военных советов и пр[очее].

Затем выступил ХРУЩЕВ. Он сказал: «Есть мнение освободить товарища ЖУКОВА от должности Министра Обороны и вместо него назначить маршала МАЛИНОВСКОГО.

Есть также предложение послезавтра провести Пленум ЦК⁸⁴, где рассмотреть деятельность товарища ЖУКОВА». Предложение было, конечно, принято единогласно.

Вся эта история против меня, подготовленная как-то по-воровски, для меня была полной неожиданностью. Обстановка осложнилась тем, что в это время я болел гриппом. Я не мог быстро собраться с мыслями, хотя и не в первый раз мне пришлось столкнуться с подобными подвохами. Однако я почувствовал, что ХРУЩЕВ, БРЕЖНЕВ, МИКОЯН, СУСЛОВ и КИРИЧЕНКО решили удалить меня из Президиума, как слишком непокорного и опасного политического конкурента, освободиться от того, у кого ХРУЩЕВ остался в долгу в период борьбы с антипартийной группой МАЛЕНКОВА—МОЛОТОВА.

Эта мысль была подтверждена речью МИКОЯНА на Пленуме. Он сказал: «Откровенно говоря, мы боимся ЖУКОВА».

Вот, оказалось, где зарыта собака. Вот почему надо было меня отослать в Югославию и организовать против меня людей на то, что было трудно сделать при мне.

Возвратясь на квартиру с Президиума ЦК, я решил позвонить ХРУЩЕВУ, чтобы выяснить лично у него истинные причины, вызвавшие столь срочное освобождение меня от должности и постановку обо мне вопроса на созванном Пленуме ЦК КПСС. Я спросил: «Никита Сергеевич! Я не понимаю, что произошло за мое отсутствие, если так срочно меня освободили от должности Министра и тут же ставится вопрос обо мне на специально созванном Пленуме ЦК?» ХРУЩЕВ молчал. Я продолжал: «Перед моим отъездом в Югославию и Албанию со стороны Президиума ЦК ко мне не было никаких претензий и вдруг целая куча претензий. В чем дело? Я не понимаю, почему так со мною решено поступить?»

ХРУЩЕВ ответил сухо: «Ну, вот будешь на Пленуме, там все и узнаешь».

Я сказал: «Я считаю, что наши прежние дружеские отношения дают мне право спросить лично у Вас о причинах столь недружелюбного ко мне отношения».

ХРУЩЕВ: «Не волнуйся, мы еще с тобой поработаем».

На этом, собственно говоря, и закончился наш разговор⁸⁵.

Я ничего не узнал от ХРУЩЕВА, но понял, что ХРУЩЕВ лично держит в своих руках вопросы о моей дальнейшей судьбе, перспективы которой были в тумане.

На Пленуме первыми выступили СУСЛОВ, БРЕЖНЕВ, КИРИЧЕНКО, ФУРЦЕВА и МИКОЯН. В их речах сквозила какая-то недоговоренность, но я понимал, что все дело клонится к тому, чтобы избавиться от меня, удалить меня из ЦК.

БРЕЖНЕВ и МИКОЯН сказали, что я игнорирую ХРУЩЕВА, как Первого секретаря ЦК.

В качестве примера они ссылались на два факта.

Первый факт. Летом 1957 г. ХРУЩЕВ по приглашению ЦК СЕПГ посетил ГДР⁸⁶. Накануне прибытия ХРУЩЕВА в Берлин мне позвонил К.К. РОКОССОВСКИЙ⁸⁷, который проверял боевую готовность советских войск в ГДР. РОКОССОВСКИЙ сказал: «Завтра в Берлин прилетает ХРУЩЕВ, а мы вывели войска в поле, учение закончится не раньше как через пару дней. Что нам делать с А.А.ГРЕЧКО?»⁸⁸

Я ответил: «ХРУЩЕВ прилетает в Берлин по приглашению ЦК СЕПГ. Вам надлежит проводить начатое учение. Когда оно будет закончено, тогда Вы и ГРЕЧКО представитесь товарищу ХРУЩЕВУ».

Когда ХРУЩЕВ прилетел в Берлин, среди встречающих не оказалось командования группой советских войск и маршала РОКОССОВСКОГО, не оказалось и почетного караула от наших войск⁸⁹.

Второй факт. В то же лето ХРУЩЕВ был в Эстонии⁹⁰ и собирался проехать на машине в город Ленинград.

Из Ленинграда мне позвонил командующий Ленинградским округом генерал ЗАХАРОВ⁹¹ и сказал, что ленинградцы собираются ехать встречать ХРУЩЕВА на границе Эстонии и Ленинградской области, ехать ли и ему с областными руководителями.

Я дал указание ЗАХАРОВУ встретить ХРУЩЕВА в Ленинграде. Генерал ЗАХАРОВ доложил ХРУЩЕВУ, что я, якобы, запретил ему встречать его вместе с областным руководством на границе области⁹².

Эти два факта, видимо, серьезно задели самолюбие и все возрастающее тщеславие ХРУЩЕВА. Мне он тогда ничего не сказал, но, видимо, излил свою обиду на меня перед БРЕЖНЕВЫМ и МИКОЯНОМ.

Я считал и считаю, что я тогда правильно поступал, так как уставами Советской Армии не предусмотрена особая встреча Секретаря ЦК КПСС, а перед законом у нас должны быть все равны.

Я считал, что возрождать культ личности никто не имеет права и, тем более, культивировать идолопоклонство.

Из партийных и советских работников на Пленуме почти никто не выступал, но зато выступили единым фронтом большинство маршалов, которые при мне занимали должности заместителей Министра Обороны и начальник Главного политического управления ЖЕЛТОВ⁹³.

Чувствовалось, что они были заранее подготовлены к тому, чтобы всячески принизить и очернить мою деятельность. Особенно в этом направлении старались МАЛИНОВСКИЙ, СОКОЛОВСКИЙ⁹⁴, ЕРЕМЕНКО⁹⁵, БИРЮЗОВ⁹⁶, КОНЕВ и ГОРШКОВ⁹⁷. После их выступления створ был налицо.

Выступавшие сводили дело к тому, что я, якобы, игнорирую партполитработу в армии, пытаюсь оторвать армию от ЦК и прочее...

Но это, собственно говоря, была дымовая завеса, а истинная цель состояла в том, чтобы немедля избавиться от меня, чтобы я не стоял на

дороге тех, кто всеми способами рвался к славе и не хотел делить ее с кем-либо другим.

Было ясно и то, что по мне решили ударить главным образом руками военных, которые были заранее подготовлены и в своих выступлениях старались наперебой дискредитировать мою деятельность, всячески принижая мои заслуги в годы Великой Отечественной войны, договариваясь при этом до явного абсурда и фальсификации.

Даже ХРУЩЕВ и тот вынужден был одернуть маршала А.И.ЕРЕМЕНКО, который в пылу своей крикливой подхалимской речи сказал: «А что ЖУКОВ, говорят, он осуществлял личное руководство Сталинградской битвой, а его там и не было».

ХРУЩЕВ: «Ну, Андрей Иванович, ты это зря. ЖУКОВА, как полководца, мы знаем хорошо. У кого не выходило на фронте, у ЖУКОВА всегда выходило и выходило хорошо»⁹⁸.

На Пленуме ЦК была выставлена картина художника ЯКОВЛЕВА⁹⁹, который задолго до Пленума умер.

О существовании этой картины я узнал только за два месяца до Пленума ЦК. Как-то ко мне пришел начальник Главного политического управления ЖЕЛТОВ и сказал, что у него есть картина ЯКОВЛЕВА, где художник очень хорошо написал меня на фоне поверженного Берлина.

Я попросил показать эту картину. Картина мне лично понравилась и, конечно, не по тому, что на ней изображен я на вздыбленном коне, а потому, что в ней я почувствовал любовь художника к Советской Армии, разгромившей самый черный оплот империализма — фашистскую Германию.

ЖЕЛТОВ спросил меня, что делать с этой картиной. Я ответил ему: «Сдай в музей Советской Армии, может быть, когда-нибудь пригодится».

Мне казалось, что на этом дело с картиной было покончено.

Когда же фабриковалось дело против меня, ЖЕЛТОВ доложил в ЦК об этой картине в извращенном виде, представив вопрос так, как будто я приказал ему вывесить картину в доме офицеров Советской Армии¹⁰⁰.

Чтобы ошельмовать и осмеять меня, картина была выставлена на Пленуме ЦК для обозрения, а затем ее возили на проходившие партактивы по Москве. Демонстрация картины сопровождалась соответствующими компрометирующими меня комментариями. «Смотрите, мол, как ЖУКОВ изобразил себя в подобии Георгия Победоносца».

Особенно в этом направлении старались те, кто не сумел прославиться в делах Великой Отечественной войны.

ХРУЩЕВ выступил на Пленуме последним. Он сказал: «Когда мы были с БУЛГАНИНЫМ на Дальнем Востоке¹⁰¹, после посещения войск нас пригласил к себе на обед командующий дальневосточными войсками маршал МАЛИНОВСКИЙ».

За обедом МАЛИНОВСКИЙ сказал: «Остерегайтесь ЖУКОВА, это растущий Наполеон. Если надо — он не остановится ни перед чем». Я тогда не обратил внимания на слова МАЛИНОВСКОГО, но мне потом об этих словах и их смысле много раз напоминал Н.А.БУЛГАНИН¹⁰².

Вот, оказывается, с каких пор МАЛИНОВСКИЙ занялся провокацией и подкопом против меня, а я и не подозревал этого за МАЛИНОВСКИМ.

Между прочим, мне показалось странным такое заявление МАЛИНОВСКОГО, сделанное ХРУЩЕВУ в 1955 году¹⁰³, так как буквально таким же заявлением обо мне БЕРИЯ пугал СТАЛИНА, начиная с 1945 года. Возникал вопрос — уж, не из одного ли источника исходили подобные провокационные заявления?

Ничего нет удивительного, если МАЛИНОВСКИЙ в 1955 году сделал такое провокационное заявление, то почему он не мог сделать то же самое в 1945 г.

В ходе Пленума ЦК я понял, что вопрос обо мне уже решен в Президиуме окончательно, а потому и не считал нужным как-то оправдываться, зная, что из этого ничего не выйдет.

Я доложил Пленуму о том, что Вооруженные Силы находятся в полной боевой готовности.

Проводя некоторое сокращение штатных политработников¹⁰⁴, я преследовал, прежде всего, цель повысить роль и активность партийных организаций, повысить роль единоначальников и сократить расходы на платные политорганы. Мне непонятно, почему вдруг так остро поставлен обо мне вопрос.

Если я допустил ошибки — их я могу поправить. Для чего же принимать крайние меры?

То, что здесь говорилось, в основном, в какой-то степени имело место, но здесь всем фактам дана иная, тенденциозная политическая окраска.

На Пленуме меня вывели из состава Президиума и членов ЦК партии.

Постановление Пленума обо мне объявили через неделю, приурочив к сообщению о запуске ракеты на орбиту вокруг земли¹⁰⁵.

В отличие от существующего порядка, в моем присутствии Пленумом ЦК было принято решение только по организационному вопросу, т[о] е[сть] о выводе меня из членов ЦК. Что же касается политического постановления, то оно при мне не обсуждалось, не принималось, и я был лишен возможности защищаться в обвинениях, которые были в нем изложены.

Я, безусловно, не могу согласиться с принятым постановлением, ибо оно в своей основе не соответствует действительности и изложено явно тенденциозно, с целью очернить меня перед народом и партией.

Хуже всего то, что, как и прежде, в период господства культа личности, мне бездоказательно приклеивали всевозможные антипартийные ярлыки, обвиняя бездоказательно в том, что я пытался оторвать вооруженные силы от партии, от народа.

Я считаю, что подобное постановление не выдерживает никакой критики. Возникает вопрос: как это можно в наших условиях оторвать многомиллионную армию от народа и партии при нахождении в ней более 90% коммунистов и комсомольцев, ежегодного миллионного призыва молодняка в ряды армии, увольнения из ее рядов отслуживших срок своей службы, а также повседневного общения армии с многогранной жизнью партии и народа?

Я уверен, что ни народ, ни партия не поверили в столь странное в наших условиях обвинение.

Одновременно с сообщением постановления Пленума ЦК в печати была помещена обо мне статья маршала КОНЕВА¹⁰⁶, plena[я] досужих выдумок и клеветнических выпадов.

КОНЕВ поразил меня своей беспринципностью.

Как известно, КОНЕВ был моим первым заместителем. Ему минимум три месяца в году приходилось замещать меня по должности Министра обороны, следовательно, очень часто приходилось проводить в жизнь все основные задачи, которые стояли перед Министерством обороны, повседневно контактируя^а с ЦК и Правительством. И я не знаю случая, когда он имел бы особую от меня точку зрения по всем принципиальным вопросам. Он часто хвалился тем, что у нас в течение долгих лет совместной работы выработалась общая точка зрения по всем основным вопросам строительства и подготовки Вооруженных Сил.

Как старого политработника, я ценил КОНЕВА и прислушивался к его советам по вопросам воспитания личного состава и практическим вопросам партийно-политической работы.

КОНЕВ часто уверял меня в своей неизменной дружбе.

И каково же было мое удивление, когда он на Пленуме заявил, что он — КОНЕВ — никогда не был мне другом, что он всегда считал, что я явно недооценивал его работу, что я его игнорировал и что он — КОНЕВ — по ряду вопросов не был согласен со мной, но, что он опасался ставить вопросы о разногласии перед Президиумом ЦК, считая, что ЖУКОВ проводит вопросы, согласовав с Президиумом¹⁰⁷.

Примерно через полгода после Пленума я случайно встретил КОНЕВА на Грановской улице. Я не хотел встречи и разговора с КОНЕВЫМ, но он, заметив меня, остановился около своей машины и ждал меня. Между нами состоялся такой разговор:

КОНЕВ: «Добрый день! Ты что же не заходишь? Совсем от нас оторвался, забыл старых друзей».

Ответив на приветствие, я оказал: «Иван Степанович! О каких ты друзьях говоришь? Если говоришь о себе, так ты же заявил на Пленуме ЦК, что никогда не был другом ЖУКОВА».

КОНЕВ: «Ты, конечно, всего того не знаешь, что предшествовало Пленуму ЦК, а тогда вопрос стоял очень серьезно. Заходи, поговорим».

Я ему ответил: «Ты, что же, Иван Степанович, перепугался и стал отрешиваться от дружбы со мной? А вообще-то я тебя не понимаю. Ты же маршал Советского Союза, член ЦК, знал хорошо, все то, что говорилось обо мне, является фальшью, сфабрикованной против меня с определенной целью. Как же ты не возражал против всей этой затеи? Что касается твоего приглашения заходить в Министерство обороны, думаю, что мне там делать нечего».

Ввиду того, что прохожие, узнавая нас, стали останавливаться, мы распрощались.

КОНЕВ сел в машину, я пошел пешком проветриться после такого неприятного разговора¹⁰⁸.

После исключения из Президиума всей группы МОЛОТОВА—МАЛЕНКОВА, из Президиума ЦК были выведены КИРИЧЕНКО, АРИСТОВ, ИГНАТОВ¹⁰⁹, ФУРЦЕВА, ПОСПЕЛОВ¹¹⁰.

Из старой гвардии в Президиуме остался один МИКОЯН. Ну, он старый дипломат. Никто так не умеет ориентироваться в обстановке и приспособливаться к ней, как А.И. МИКОЯН.

^а В документе: «контактируя их».

В постановлении Пленума ЦК было сказано о предоставлении мне другой работы, но это постановление не было выполнено и я, вполне работоспособный, был уволен в отставку¹¹.

После увольнения в отставку, длительное время на страницах печати, в выступлениях, лекциях и пр[очее] мою деятельность стараются изобразить в искаженном виде, приписывая ряд несуществовавших в жизни отрицательных моментов¹².

Но я могу сказать большое спасибо партии и народу за то, что ко мне по-прежнему, с должным уважением, относится большинство советских людей и коммунистов.

РГВА. Ф. 41107. Оп. 2. Д. 1. Л. 1—26. Машинописная копия.

Примечания

¹ С февраля 1948 по март 1953 г. Г.К.Жуков руководил войсками Уральского военного округа.

² 4 марта 1953 г. «министерство обороны» называлось «военным министерством». Его переименовали спустя несколько дней.

³ Булганин Н.А. (1895—1975) — в 1947—1949 и 1953—1955 гг. — министр Вооруженных Сил (Обороны) СССР, с 1947 г. — маршал Советского Союза, член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1948—1958 гг., председатель Совета Министров СССР в 1955—1958 гг.

⁴ Имеется ввиду Совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, состоявшееся 5 марта 1953 г. (См.: Последняя отставка Сталина // Источник. 1994. № 1. С. 106—111).

⁵ Василевский А.М. (1895—1977) — маршал Советского Союза, дважды герой Советского Союза, в 1946—1948 г. — начальник Генерального штаба, в 1949—1953 гг. — министр Вооруженных Сил (военный министр) СССР, в 1953—1956 гг. — первый заместитель министра Обороны СССР.

⁶ В июне 1952 — апреле 1960 г. начальником Генерального штаба был Соколовский В.Д., Василевский А.М. занимал эту должность в марте 1946 — ноябре 1948 г.

⁷ Сталин (Джугашвили) И.В. (1879—1953) — с 1922 г. генеральный секретарь ЦК ВКП(б), с 1941 г. — председатель Совета Народных Комиссаров (Совета Министров СССР) и Государственного Комитета Обороны, нарком обороны, Верховный Главнокомандующий, генералиссимус СССР.

⁸ Хрущев Н.С. (1894—1971) — первый секретарь ЦК КПСС в 1953—1964 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК в 1939—1964 гг., одновременно с 1956 г. Председателем Бюро ЦК по РСФСР и с 1958 г. — Председатель Совета Министров СССР.

⁹ На Совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР 5 марта 1953 г. Н.С.Хрущев был избран членом Президиума ЦК и должен был «сосредоточиться на работе в Центральном Комитете КПСС», Первым секретарем ЦК он был избран на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК.

¹⁰ Маленков Г.М. (1902—1988) — член Политбюро (Президиума) ЦК в 1946—1957 гг., заместитель председателя Совета Министров СССР в 1955—1957 гг., одновременно министр электростанций СССР, с 1957 г. директор Усть-Каменогорской ГЭС.

¹¹ Берия Л.П. (1899—1953) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1946—1953 гг., нарком (министр) внутренних дел СССР в 1938—1945 гг. и в марте—июне 1953 г., одновременно в 1941—1946 гг. заместитель председателя Совнаркома СССР, а в 1946—1953 гг. заместитель, затем первый заместитель председателя Совета Министров СССР, маршал Советского Союза.

¹² Кроме Г.К.Жукова первым заместителем военного министра (министра обороны) был назначен маршал Советского Союза А.М. Василевский.

¹³ *Молотов (Скрябин) В.М.* (1890—1986) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1926—1957 гг., первый заместитель Председателя СНК (Совета Министров) СССР в 1941—1957 гг., с 1957 г. посол СССР в МНР.

¹⁴ *Ворошилов К.Е.* (1881—1969) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1926—1960 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1953—1960 гг.

¹⁵ Речь идет о так называемом «деле Жукова», сфабрикованном МГБ СССР в 1946 г. В июне 1946 г. Г.К.Жуков был обвинен в принижении роли Верховного Главнокомандующего, сплочении вокруг себя «провалившихся и отстраненных от работы начальников», противопоставлении себя командованию Советской Армии, а затем освобожден от должности главнокомандующего Сухопутными войсками и заместителя министра Вооруженных Сил (9 июня) и назначен командующим Одесским военным округом. В январе—феврале 1947 г. Г.К.Жуков был выведен из числа кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и переведен командующим Уральского военного округа. Были арестованы так или иначе связанные с Жуковым генералы В.Н.Гордов, Г.И.Кулик, Ф.Т.Рыбальченко, В.В.Телегин и др. 21 сентября 1953 г., решением Совета Министров СССР, распоряжения по «делу Жукова» были отменены как сфальсифицированные бывшим министром государственной безопасности Абакумовым.

¹⁶ *Ленин В.И.* (1870—1924) — организатор партии большевиков. Руководил подготовкой и проведением Октябрьской революции 1917 г., после победы которой возглавил рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров (СНК).

¹⁷ К 1953 г. генерал-лейтенант Н.С.Власик, начальник Главного управления охраны МГБ СССР, был репрессирован и находился в ссылке. По словам охранника Сталина, А.Т.Рыбина, умирающий вождь был обнаружен сотрудником охраны полковником М.И.Старостиным 4 марта в 23 часа (см.: Волкогонов Д.А. Сталин. Политический портрет. В 2-х кн. Кн. 2. 4-е изд. М., 1996. С. 597—599).

¹⁸ И.В. Сталин умер 5 марта 1953 г.

¹⁹ В феврале 1956 — июне 1957 г. Г.К.Жуков был кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС, в июне—октябре 1957 г. членом Президиума ЦК КПСС.

²⁰ 14 мая 1953 г. заместитель министра внутренних дел И.А.Серов направил Л.П.Берии докладную записку, в которой сообщал, что после ликвидации футбольной команды Центрального Дома Советской Армии и Военно-Воздушных Сил освободившиеся футболисты были переданы в команду МВО, выступающую в 1953 г. за Советскую Армию, а также переведены на другие должности и демобилизованы, а не переданы командам «Динамо», «Спартак», «Торпедо». Руководство МВД обратилось в Московский комитет партии с просьбой вмешаться в перераспределение футболистов, но просьбы МГК не повлияли на Главное политическое управление Советской Армии. И.А.Серов считает такое положение дел ненормальным. На записке имеется резолюция Л.П.Берии: «Лично тов. Буганину Н.А. Прошу заинтересоваться. 15.V 53» (Центральный Архив Министерства Обороны. Ф. 32. Оп. 11473. Д. 263. Л. 125—127).

²¹ Л.П.Берия был арестован 26 июня 1953 г.

²² *Москаленко К.С.* (1902—1985) — маршал Советского Союза, дважды герой Советского Союза, в 1953—1960 гг. — командующий войсками Московского военного округа.

²³ *Негелин М.И.* (1902—1960) — герой Советского Союза, Главный маршал артиллерии, в 1950—1952 и 1953—1955 гг. — командующий артиллерией

Советской Армии, в 1952—1953 и 1959—1960 гг. одновременно главкомандующий Ракетными войсками стратегического назначения.

²⁴ Правильно: *Батицкий П.Ф.* (1910—1984) — маршал Советского Союза, герой Советского Союза. В 1950—1953 гг. — начальник Главного штаба — заместитель главкома ВВС, в 1953—1954 гг. — первый заместитель командующего войсками Московского военного округа.

²⁵ По различным сведениям, кроме Г.К.Жукова в аресте принимали участие К.С.Москалено, М.И.Неделин, П.Ф.Батицкий, А.И.Баксов, В.И.Юферев, И.Г.Зуб, А.М.Пронин, Н.А.Гетман и Шатилов (См.: Быстров С. Задание особого свойства // Красная звезда. 1988. 18 марта; Москаленко К.С. Как был арестован Берия // Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 285 и др.).

²⁶ 2—7 июля 1957 г. состоялся Пленум ЦК, осудивший «преступные антипартийные и антигосударственные действия Л.П.Берия» и постановивший предать его суду (Дело Берия. Пленум ЦК КПСС — 2—7 июля 1957 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1, 2).

Судьбу Л.П.Берии решало специальное судебное присутствие Верховного суда СССР под председательством маршала И.С.Конева. В период судебного процесса Берия находился на гарнизонной гауптвахте Москвы, которую охраняли войска Московского военного округа.

²⁷ Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР 23 декабря 1953 г. приговорило Л.П.Берию к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

²⁸ *Каганович Л.М.* (1893—1991) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1930—1957 гг., первый заместитель председателя Совета Министров СССР в 1956—1957 гг., одновременно в 1956—1957 гг. министр промышленности строительных материалов, с 1957 г. директор Уральского калийного комбината.

²⁹ В 1928 г. Л.М.Каганович был генеральным секретарем ЦК КП(б) Украины, Н.С.Хрущев — заместителем заведующего организационным отделом ЦК КП(б) Украины, затем — заведующим организационным отделом Киевского окружкома партии. В апреле 1930 — марте 1935 г. Л.М.Каганович был Первым секретарем Московского областного комитета ВКП(б), Н.С.Хрущев с января 1931 г. — секретарем Бауманского, затем — Краснопресненского райкома ВКП(б) Москвы.

³⁰ XX съезд КПСС проходил 14—25 февраля 1956 г. Главным его событием стал закрытый доклад Н.С.Хрущева «О культе личности и его последствиях» (См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 149—150).

³¹ Г.М.Маленков был снят с поста председателя Совета Министров СССР на январском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС. Он был обвинен в проведении неправильного курса на преимущественное, по сравнению со средствами производства, развитие отраслей промышленности, производящих товары народного потребления, и других ошибках.

³² Знакомство Н.С.Хрущева и Г.К.Жукова произошло летом 1940 г., когда Г.К.Жуков был назначен командующим войсками Киевского Особого военного округа на Украину, где уже два года Первым секретарем ЦК КП(б)У был Н.С.Хрущев. Н.С.Хрущев не только подтверждает факт их знакомства в своих мемуарах, но и определяет свои отношения с Г.К.Жуковым, как «добрые». Эти «добрые отношения» в воспоминаниях полководца никак не отразились. Маршал сообщает, что его назначили командующим КОВО, но фамилия Хрущева встречается лишь через сто страниц после этого известия (См.: Хрущев Н.С. Мемуары // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 88; 1991. № 7—8. С. 99; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. 12 изд., доп. по рукописи автора. Т. 1. М., 1995. С. 283—287, 385).

³³ *Фурцева Е.А.* (1910—1974) — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1956—1957 гг., секретарь ЦК в 1956—1960 гг., с 1957 г. член Президиума ЦК.

³⁴ *Кириченко А.И.* (1908—1975) — член Президиума ЦК КПСС в 1955—1960 гг., первый секретарь ЦК КП Украины, с декабря 1957 г. секретарь ЦК КПСС.

³⁵ Впервые героем Социалистического Труда Н.С.Хрущев стал в 1954 г.

³⁶ Лозунг «Догнать и перегнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения» был выдвинут Хрущевым 22 мая 1957 г. на совещании в Ленинграде. Эта задача была подтверждена в документах, принятых на июньском (1957 г.) пленуме ЦК.

³⁷ Согласно решению Президиума ЦК КПСС от 6 апреля 1957 г., Н.С.Хрущев был награжден орденом Ленина и второй медалью Героя Социалистического труда за «выдающиеся заслуги в разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель».

³⁸ В апреле 1957 г. Н.С.Хрущев совершил поездку в Воронеж и Горький на совещания работников сельского хозяйства. 5 апреля 1957 г., в ходе пребывания в Горьком Хрущев, выступая на общегородском митинге и совещании, неоднократно касался проблемы займов и выплаты по ним. В результате были приняты резолюции и постановления, «одобряющие и поддерживающие мероприятия ЦК КПСС, высказанные Первым секретарем ЦК КПСС тов. Хрущевым Н.С., о прекращении с 1958 г. подписки на заем, о прекращении выплаты выигрышей по займам, а также об отсрочке погашения займов» (См.: Правда 10 апреля 1957 г.). 19 апреля 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О государственных займах, размещенных по подписке среди трудящихся Советского Союза».

³⁹ Предложения Н.С.Хрущева о ликвидации отраслевых министерств и возложении управленческих функций на территориальные органы — совнархозы, созданные почти во всех областях страны, были сформулированы в его докладе на февральском (1957 г.) пленуме ЦК КПСС. В соответствии с этим докладом пленум принял постановление «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством».

⁴⁰ *Хрущев С.Н.* (р. 1935) — сын Н.С.Хрущева, в 1963—1964 гг. ведущий конструктор, заместитель начальника конструкторского бюро ОКБ-52 Госкомитета по авиационной технике СССР.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. 304—306.

⁴² Г.К.Жуков находился в должности командующего войсками Одесского военного округа с июня 1946 по февраль 1948 г.

⁴³ Заседание Президиума ЦК КПСС, посвященное повторному обсуждению вопросов, связанных с предполагавшейся поездкой членов Президиума ЦК на празднование 250-летия Ленинграда, где был поставлен вопрос о смещении Н.С.Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС, состоялось 18 июня 1957 г.

⁴⁴ Г.К.Жуков на первое заседание Президиума ЦК КПСС опоздал. Судя по всему, к началу заседания он находился на учениях в Солнечногорске. Определить, кто вызвал маршала на заседание, не представляется возможным. Судя по стенограмме июньского пленума 1957 г., это делали как члены «антипартийной группы» — Д.Т.Шепилов и Г.М.Маленков, так и сторонники Хрущева — Л.И.Брежнев по соглашению с Е.А.Фурцевой (См.: Последняя «антипартийная» группа. Стенографический отчет июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 3. С. 14, 36; № 5. С. 38, 69; 1994. № 1. С. 48).

⁴⁵ *Микоян А.И.* (1895—1978) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1935—1966 гг., первый заместитель председателя Совета Министров СССР в 1955—1957 гг. и в 1958—1964 гг., в 1957—1958 гг. заместитель председа-теля.

⁴⁶ *Первухин М.Г.* (1904—1978) — член Президиума ЦК КПСС в 1952—1957 гг., первый заместитель председателя Совета Министров СССР в 1955—1957 гг.,

одновременно в апреле—июле 1957 г. министр среднего машиностроения, с 1957 г. кандидат в члены Президиума ЦК, председатель Госкомитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям.

⁴⁷ 18 июня 1957 г. в Президиуме ЦК КПСС была принята делегация венгерских журналистов.

⁴⁸ Во время заседания Президиума ЦК КПСС после предложения «антипартийной» группы о снятии Н.С.Хрущева и упразднении должности Первого секретаря Жуковым был предложен компромисс: вместо поста Первого секретаря необходимо ввести должность Секретаря по общим вопросам, в качестве которого видел Хрущева (См.: Последняя «антипартийная» группа... // Исторический архив. 1993. № 3. С. 29). Это подтвердили Г.М.Маленков, М.З.Сабуров, В.М.Молотов, Н.А.Булганин (См. там же. С. 29, 48, 63, 79).

⁴⁹ Шепилов Д.Т. (1905—1995) — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1956—1957 гг., секретарь ЦК, с 1957 г. директор Института экономики АН Киргизской ССР.

⁵⁰ Суслов М.А. (1902—1982) — член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1955—1982 гг., секретарь ЦК в 1947—1982 гг.

⁵¹ Шверник Н.М. (1888—1970) — кандидат в члены Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1953—1957 гг., председатель Комитета партийного контроля при ЦК, председатель Партийной комиссии при ЦК в 1956—1966 гг., с 1957 г. член Президиума ЦК.

⁵² Аристов А.Б. (1903—1973) — секретарь ЦК КПСС в 1955—1960 гг., одновременно в 1957—1961 гг. заместитель председателя Бюро ЦК по РСФСР.

⁵³ Сабуров М.З. (1900—1977) — член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1952—1957 гг., первый заместитель председателя Совета Министров СССР в 1955—1957 гг., с 1957 г. заместитель председателя Госкомитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям.

⁵⁴ Имеется несколько вариантов воспоминаний о данной реплике Г.К.Жукова. На июньском пленуме 1957 г.: «Мы... уйдем из Президиума и не будем участвовать в обсуждении вопроса (об отстранении Хрущева. — Ю.А.)»; «...пойдем в ЦК и расскажем народу» (Последняя «антипартийная» группа... // Исторический архив. 1993. № 4. С. 31; № 5. С. 10). В июле 1957 г. на партсобрании в г. Борисове и партактиве в Москве, обсуждавших итоги июньского Пленума ЦК: «...если вы («Антипартийная» группа. — Ю.А.) не подчинитесь и будете упорствовать — я обращусь к народу, к армии и они меня поддержат...» (Центр хранения современной документации (далее: ЦХСД). Ф. 2. Оп. 1. Д. 261. Л. 40, 42). На октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1957 г.: «...я действительно сказал... я буду действовать через голову этой антипартийной группы и обращусь к армейским парторганизациям, сообщу, как и что на самом деле есть. Не помню, кажется, добавил — и через голову парторганизаций армии и парторганизаций на местах. Через голову этой антипартийной группы, если она вынесет такое решение» (Там же. Д. 266. Л. 71—72). В беседе с Н.А.Светлишиным: «С принятым без моего участия решением я не согласен и категорически возражаю против него и надеюсь, что меня в этом поддержат наши Вооруженные Силы» (Светлишин Н.А. Указ. соч. С. 240).

⁵⁵ Делегация членов ЦК КПСС явилась на заседание Президиума ЦК КПСС 21 июня 1957 г. Ее возглавляли секретарь ЦК Н.Г. Игнатов и первый заместитель министра обороны СССР И.С.Конов.

⁵⁶ Вопрос о танках возник на заседании Президиума ЦК КПСС 21 июня 1957 г. после прибытия делегации членов ЦК. «Когда пришли товарищи и заявили, что группа членов ЦК просит принять, — вспомнил на июньском Пленуме 1957 г. Н.С.Хрущев, — все заявили: «Позор!.. Так нас могут и танками окружить». Я сказал: «Спокойно, это не танки, а члены ЦК». Товарищ Жуков протестовал, как министр обороны, против клеветы, которая раздается, потому что танки можно двинуть только по его приказу» (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 225.

Л. 25; Д. 237. Л. 25, 52. В стеногр. отчете реплика Н.С.Хрущева литературно отредактирована. Фраза о протесте маршала по поводу окружения Кремля танками отсутствует (См.: Последняя «антипартийная» группа... // Исторический архив. 1993. № 3. С. 12). Чуть позже Хрущев два раза повторил слова Жукова (См.: ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 225. Л. 27; Д. 237. Л. 27, 54; Д. 238. Л. 51, но в стеногр. экз. они включены не были (См.: Последняя «антипартийная» группа... // Исторический архив. 1993. № 3. С. 12, 58).

На июньском пленуме 1957 г. выяснилось, что фразу об окружении Кремля танками произносили Сабуров и Ворошилов, а Шепилов заявил, что после этого будут арестовывать (См. там же. № 3. С. 58; № 4. С. 17—18; № 5. С. 6, 20, 72—73; ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 225. Л. 27; Д. 237. Л. 27, 54). Даже решительное заявление маршала Г.К.Жукова о том, что танки не могут двинуться без его приказа, не успокоило «антипартийцев». На июньском Пленуме ЦК рассказывали, что Молотов во время заседания Президиума ЦК пригрозил Жукову пальцем, а тот ответил: «...мне недоверие, я сорок лет мундир ношу» (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 241. Л. 12. На Л. 9 информация о Жукове зачеркнута. В стеногр. отчете эти слова отсутствуют (См.: Последняя «антипартийная» группа... // Исторический архив. 1993. № 5. С. 6).

⁵⁷ На октябрьском пленуме 1957 г. фраза Г.К.Жукова о том, что танки не двинутся без приказа министра обороны была расценена партийной элитой как нарушение субординации. «Оказывается, танки пойдут не тогда, когда ЦК скажет, а когда скажет министр обороны» — негодовал в своем выступлении А.И.Микоян. (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 268. Л. 64).

⁵⁸ Брежнев Л.И. (1906—1982) — кандидат в члены Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1952—1953, 1956—1957 гг., секретарь ЦК в 1952—1953, 1956—1960, 1963—1964 гг., одновременно в 1958 г. заместитель председателя Бюро ЦК по РСФСР, с 1957 г. член Президиума ЦК КПСС. В 1964—1966 гг. — Первый, с 1966 г. — Генеральный Секретарь ЦК КПСС, в 1960—1964, 1977—1982 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

⁵⁹ Имеется ввиду июньский Пленум ЦК КПСС, проходивший 22—29 июня 1957 г.

⁶⁰ Подробно об участии Г.М.Маленкова, В.М.Молотова и Л.М.Кагановича в репрессиях было сказано Г.К.Жуковым в его речи 22 июня на июньском пленуме 1957 г. (См.: Последняя «антипартийная» группа... // Исторический архив. 1993. № 3. С. 16—20).

⁶¹ В состав Президиума ЦК КПСС, избранного на июньском пленуме 1957 г., вошли: А.Б.Аристов, Н.И.Беляев, Л.И.Брежнев, Н.А.Булганин, К.Е.Ворошилов, Г.К.Жуков, Н.Г.Игнатов, А.И.Кириченко, Ф.Р.Козлов, О.В.Куусинен, А.И.Микоян, М.А.Суслов, Е.А.Фурцева, Н.С.Хрущев, Н.М.Шверник.

⁶² Тито Броз И. (1892—1980) — с 1953 г. президент Югославии, председатель Союза коммунистов Югославии (генеральный секретарь ЦК компартии).

⁶³ Ходжа Э. (1908—1985) — в 1948—1954 гг. генеральный секретарь, с 1954 г. первый секретарь ЦК Албанской партии труда (АПТ), в 1946—1954 гг. — председатель совета министров.

⁶⁴ Кагар Я. (1912—1989) — в 1956—1985 гг. первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП), одновременно в 1956—1958 гг. председатель Венгерского революционного рабоче—крестьянского правительства.

⁶⁵ Казаков М.И. (1901 — 1979) — генерал армии, герой Советского Союза, в 1956—1960 гг. командующий войсками советских Вооруженных Сил на территории Венгерской Народной Республики (Южной группой войск).

⁶⁶ Решение Г.К.Жукова о назначении генерала М.И.Казакова вызвало критику на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1957 г. В своем выступлении М.А.Суслов привел этот случай с Казаковым в качестве иллюстрации того, что

министр обороны не заботится о престиже ЦК КПСС (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 266. Л. 25).

⁶⁷ *Кириленко А.П.* (1906—1990) — член ЦК КПСС, первый секретарь Свердловского обкома.

⁶⁸ А.И.Аджубей несколько иначе описывает этот случай: «Летом 1957 года, после разгрома фракционеров, Хрущев отдыхал с семьей в Крыму. Однажды отправившись на соседнюю дачу, к секретарю ЦК Кириленко — тот отмечал день рождения. Застолье подходило к концу, все устали от многочисленных тостов. С каких бы «поворотов» ни начинались заздравные речи, все они заканчивались словословием в адрес самого Никиты Сергеевича, будто не Кириленко, а он был виновником торжества... И тут слово взял Г.К.Жуков. После набора обязательных «поклонов» в сторону именинника, его чад и домочадцев неожиданно провозгласил здравицу в честь председателя КГБ генерала Серова, сказав при этом: «Не забывай, Иван Александрович, что КГБ — глаза и уши армии!» Хрущев отреагировал мгновенно. Он встал и подчеркнуто громко проговорил: «Запомните, товарищ Серов, КГБ — это глаза и уши партии!» (Аджубей А.И. Те десять лет. М., 1989. С. 279).

⁶⁹ *Малиновский Р.Я.* (1898—1967) — маршал Советского Союза, дважды герой Советского Союза, в 1947—1956 гг. главнокомандующий войсками Дальневосточного военного округа, в 1956—1957 гг. главнокомандующий Сухопутными войсками, в 1957—1967 гг. министр обороны СССР.

⁷⁰ *Чуйков В.И.* (1900—1982) — маршал Советского Союза, дважды герой Советского Союза, в 1949—1953 гг. главнокомандующий группой Советских войск в Германии, в 1953—1960 гг. командующий войсками Киевского военного округа, с 1960 г. заместитель министра обороны и главнокомандующий Сухопутными войсками.

⁷¹ *Мухитдинов Н.А.* (р. 1917) — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1955—1957 гг., первый секретарь ЦК КП Узбекистана, с 1957 г. член Президиума и секретарь ЦК КПСС.

⁷² Правильно: крейсер «Куйбышев».

⁷³ Г.К.Жуков отбыл из Севастополя в официальный дружественный визит в ФНРЮ 4 октября 1957 г., 8 октября он прибыл в Югославию.

⁷⁴ *Ранкович А.* (1909—1983) — югославский политический деятель, в 1953—1963 гг. заместитель председателя Союзного исполнительного веча (правительства) Югославии, с 1952 г. член Исполнительного комитета ЦК Союза коммунистов Югославии.

⁷⁵ *Каргель Э.* (1910—1979) — югославский политический деятель, в 1945—1963 гг. заместитель председателя Союзного исполнительного веча (правительства) Югославии.

⁷⁶ О каком Поповиче идет речь неизвестно.

⁷⁷ В 1950—60-ых гг. государственным секретарем по делам народной обороны Федеративной Народной Республики Югославии был генерал армии И.Гошняк.

⁷⁸ Критику шифротелеграмм Г.К.Жукова по поводу взаимоотношений СССР и Югославии на октябрьском пленуме 1957 г. см.: ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 267. Л. 13—16, 86—87.

⁷⁹ Визит в Югославию Председателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущева, секретаря ЦК Ю.В.Андропова, Первого секретаря Московского горкома КПСС Н.Г.Егорычева и Первого секретаря Ленинградского промышленного обкома КПСС В.С.Толстикова состоялся 20 августа — 3 сентября 1963 г.

⁸⁰ Г.К.Жуков завершил свой визит в Югославию и вылетел в Народную Республику Албания 17 октября 1957 г.

⁸¹ 19 октября 1957 г. Президиум ЦК КПСС обсудил вопросы о состоянии партийно-политической работы в Вооруженных Силах и принял постановление

«Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте». Постановление дало высокую оценку Вооруженным Силам СССР, но крайне низко оценило уровень партполитработы в армии, не назвав конкретных виновников сложившейся ситуации (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 265. Л. 74).

В течении 22—23 октября 1957 г. в 14-ти военных округах в присутствии более 12 тысяч руководящих командиров и политработников прошли партактивы. Присутствующие единодушно одобрили постановление от 19 октября 1957 г.

Сведения о проведении партактивов Г.К.Жуков по секретным каналам получил, предположительно, 24 октября от начальника ГРУ С.М.Штеменко. Ознакомившись с этим сообщением, министр обороны принял решение вернуться 26 октября в Москву и распорядился подготовить для него, по прибытии на аэродром, ряд информационных материалов, позволяющих сделать вывод обо всем происшедшем в его отсутствие и касающемся Вооруженных Сил (Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 261. Л. 38).

⁸² *Конев И.С.* (1897—1973) — маршал Советского Союза, дважды герой Советского Союза, член ЦК КПСС, первый заместитель министра обороны СССР в 1956—1961 гг., одновременно в 1955—1960 гг. главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского договора.

⁸³ *Чернуха В.Н.* (1900—1965) — с 1954 г. заместитель заведующего Общим отделом ЦК КПСС.

⁸⁴ Имеется ввиду Пленум ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте», состоявшийся 28—29 октября 1957 г.

⁸⁵ О телефонном разговоре Г.К.Жукова и Н.С.Хрущева после заседания Президиума ЦК КПСС вспоминает и С.Н.Хрущев (См.: Хрущев С.Н. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 327).

⁸⁶ Визит партийно-правительственной делегации СССР по приглашению Социалистической единой партии Германии и правительства ГДР в Восточную Германию состоялся 7—14 августа 1957 г. Кроме Первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева в состав делегации входили: зам. Председателя Совета Министров СССР А.И.Микоян, министр иностранных дел СССР А.А.Громыко, зам. министра внешней торговли П.Н.Кумыкин, секретарь Ленинградского горкома КПСС И.В.Спиридонов, председатель ВЦСПС В.В.Гришин, зам. Председателя исполкома Московского городского совета депутатов З.В.Миронова, секретарь ЦК ВЛКСМ В.Е.Семичастный и посол СССР в ГДР Г.М.Пушкин.

⁸⁷ *Рокоссовский К.К.* (1896—1968) — маршал Советского Союза, маршал Польши, дважды герой Советского Союза, в 1945—1949 гг. главнокомандующий Северной группой войск, в 1949—1956 гг. министр национальной обороны и заместитель председателя Совета Министров Польши, в 1956—1957 и 1958—1962 гг. — заместитель министра обороны СССР.

⁸⁸ *Гречко А.А.* (1903—1976) — в 1945—1953 гг. командующий войсками Киевского военного округа, с 1953 г. главнокомандующий Группой советских войск в Германии, в 1957—1967 гг. первый заместитель министра обороны СССР, одновременно Главнокомандующий Сухопутными войсками.

⁸⁹ О запрете К.К. Рокоссовскому и А.А.Гречко встречать советскую партийно-правительственную делегацию в ГДР на октябрьском пленуме 1957 г. вспоминали М.А.Суслов и А.И.Микоян, расценивая этот шаг Г.К.Жукова как проявление неуважения к правительству и ЦК, возвышения собственного «я», воспитания маршалов «в своем духе» (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 266. Л. 12, Д. 268. Л. 58—59).

⁹⁰ Н.С.Хрущев находился в Эстонской ССР 17—18 июня 1955 г. после проведения совещания работников сельского хозяйства Литвы, Латвии и Эстонии.

⁹¹ *Захаров М.В.* (1898—1972) — маршал Советского Союза, дважды герой Советского Союза, в 1953—1957 гг. командующий войсками Ленинградского

военного округа, с 1957 г. — главнокомандующий Группой советских войск в Германии.

⁹² На октябрьском пленуме ЦК КПСС 1957 г. М.В.Захаров так описывает этот эпизод: «Тов. Хрущев после проведения совещания по сельскому хозяйству из Риги следовал в Литву и Эстонию. Я получил об этом информацию... и решил выехать на границу округа в Эстонию для встречи, так как в это время на территории Эстонии располагались войска, подчиненные Ленинградскому военному округу... По возвращении в Ленинград я по ВЧ был вызван тов. Жуковым, который сделал упрек за то, что я выехал на встречу Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева. Я доложил тов. Жукову, что проступка не вижу, что считал своим партийным долгом встретить Первого секретаря ЦК КПСС, так как у него, возможно, будут вопросы к командующему военным округом. Тов. Жуков указал, что по уставу Первого секретаря ЦК партии не положено встречать и без указаний этого делать впредь нельзя» (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 268. Л. 76—77).

⁹³ Желтов А.С. (1904—1991) — генерал-полковник, в 1953—1958 гг. начальник Главного политического управления ВС СССР, в 1958—1959 гг. заведующий отделом ЦК КПСС.

⁹⁴ Соколовский В.Д. (1897—1968) — маршал Советского Союза, герой Советского Союза. С 1952 г. начальник Генерального штаба. В 1960 г. ушел с этого поста.

⁹⁵ Еременко А.И. (1892—1970) — маршал Советского Союза, герой Советского Союза, в 1945—1958 гг. — командующий войсками ряда военных округов.

⁹⁶ Бирюзов С.С. (1904—1964) — маршал Советского Союза, герой Советского Союза, в 1955—1962 гг. главнокомандующий войсками ПВО страны, в 1962—1963 главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения, в 1963—1964 гг. — начальник Генерального штаба.

⁹⁷ Горшков С.Г. (1910—1988) — Адмирал Флота Советского Союза, герой Советского Союза, с 1956 г. главнокомандующий ВМФ и первый заместитель министра обороны СССР.

⁹⁸ Дискуссия между А.И.Еременко и Н.С.Хрущевым о роли Г.К.Жукова в Сталинградской битве на октябрьском пленуме 1957 г. выглядела следующим образом:

«Еременко. Жуков и Василевский присвоили себе эту победу (в Сталинградской битве. — Ю.А.)... В прошлом году, отвечая корреспонденту или представителю американских кругов, Жуков заявил, что под Сталинградом руководил «я», а когда «я» убыл — Василевский... Жуков в Сталинграде не был, это раз. Второе, когда у нас было там тяжелое положение, то он приехал на север от Сталинграда...

Хрущев. Он был, раз приезжал.

Голос с места. Во время осады он не был в Сталинграде.

Еременко. Приехал и сел севернее Сталинграда в 30—40 км и те войска, которые шли в Сталинград, он их подвернул к себе и считал, что раз он приехал, то и победа будет... Мы тогда с Никитой Сергеевичем поехали к нему, собрали совещание и разобрались, почему нет успеха.

Хрущев. Нет, Андрей Иванович. Жуков приезжал, но не надо умалять его роль, что когда приезжал Жуков, то он как солдат, хорошо вмешивался и помогал, а то получается, что мы Жукова будем принижать как военного, а он как военный, показал себя хорошо. Мы не хотим его обидеть, а мы хотим его поправить...» (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 267. Л. 93—95, 107—108).

Вместе с тем, Н.С.Хрущев противоречиво оценивал полководческие качества Г.К.Жукова. С одной стороны, Первый секретарь уважительно относился к военным заслугам маршала, с другой — не упускал возможности подчеркнуть

ошибки Жукова. Данная двойственность весьма отчетливо прозвучала в оценке Хрущевым роли бывшего министра обороны в Сталинградской битве на том же октябрьском пленуме 1957 г. (ЦХСД. Д. 269. Л. 43—49; 115—127).

⁹⁹ Яковлев В.Н. (1893—1953) — советский живописец, народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств СССР, дважды лауреат Государственной премии СССР.

¹⁰⁰ По словам начальника Главпура А.С.Желтова на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1957 г., будучи министром обороны, Г.К.Жуков узнал о существовании картины художника В.Н.Яковлева и приказал повесить ее в доме Советской Армии. А.С.Желтов попросил разрешения посмотреть на эту картину. «Посмотрел эту картину, — вспоминал на пленуме начальник Главпура, — и возмутился. Действительно, «Георгий Победоносец» нашего времени, который приписал победы Великой Отечественной войны себе и попирает народ, нашу партию и наших военачальников. Когда я заявил тов. Жукову, что картину в архивы музея постараюсь взять, а вывешивать ее в ЦДСА для обозрения не буду, он в течение часа читал проповеди, что я продолжаю подхалимствовать перед всеми начальниками прошлого, что я не уважаю нынешнего руководства и т. д. Окончился разнос тем, что мне было заявлено: «Все равно потомки ее найдут и будут славить» (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 266. Л. 46—49).

¹⁰¹ Посещение Н.С.Хрущевым и Н.А.Булганиным Дальнего Востока было предпринято в начале октября 1954 г., по окончании их официального визита в Китайскую Народную Республику.

¹⁰² На собрании партактива Министерства обороны 2 ноября 1957 г. Р.Я.Малиновский вспоминал: «Когда Хрущев и Булганин, и Микоян ехали из Китая, то я сказал им в Хабаровске, что Жуков опасный и даже страшный человек. Булганин сказал, что мы знаем его качества. Хрущев промолчал» (РГВА. Ф. 41107. Оп. 2. Д. 3. Л. 1). Указанную фразу Р.Я.Малиновского Н.С.Хрущев практически дословно воспроизвел на октябрьском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 269. Л. 20, 92).

¹⁰³ Правильно: в 1954 г. (См. сноску 101).

¹⁰⁴ Сокращение штатных политработников проходило в рамках сокращения Вооруженных Сил в середине 50-х гг. Так, например, в 1955 г., в результате планового сокращения численности рот и батарей, одобренного Президиумом ЦК, в них сокращались должности заместителей командиров по политической части. Их заменили меньшим по численности партийно-политическим аппаратом в батальонах. В итоге из Вооруженных Сил было уволено 13 тыс. офицеров. Такая же судьба постигла и ВМФ, где упразднили 36% всех ранее существовавших политорганов и уволили 50% всего состава политработников. У оставшихся на службе существенно ограничивались функции и возможности служебного роста, ущемлялось материальное положение: штатные звания политработников были значительно ниже, чем у строевых офицеров. Так, заместителем командира корпуса по строевой подготовке являлся генерал, а по политчасти — полковник. В результате подобных действий у строевых офицеров «терялся вкус и уважение» к политработе, и они не хотели становиться заместителями по политчасти (См.: Сокращение Вооруженных Сил СССР в середине 50—х годов // Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 280; ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 266. Л. 14—15, 32—34, 83, 98; Д. 268. Л. 79; Ф. 5. Оп. 30. Д. 231. Л. 67, 69—70; Оп. 31. Д. 78. Л. 66—67, 75).

¹⁰⁵ Постановление октябрьского пленума ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Флоте», состоявшегося 28—29 октября 1957 г., было опубликовано в «Правде» 3 ноября 1957 г.

¹⁰⁶ Имеется ввиду статья И.С.Коневы «Сила Советской Армии и Флота в руководстве партии, в неразрывной связи с народом» (Правда. 1957. 3 ноября), написанная после октябрьского пленума 1957 г. и излагающая его решения. Впоследствии, в беседе с А.Пономаревым, И.С.Конев вспоминал: «...состоялся

пленум ЦК, членом которого был и я. Решение одобрили, как всегда, единодушно. Меня вызвали и предложили (точнее, приказали) написать такую статью, и я подчинился. Так сказать, дали «партийное поручение». Да и статья, скажу прямо, была подготовлена без моего активного участия. Фактически подписал только» (Пономарев А. Маршалы. Как делили славу после 1945-го // Родина. 1995. № 1. С. 77).

¹⁰⁷ На октябрьском (1957 г.) Пленуме ЦК в ответ на реплику А.И.Микояна о дружбе Г.К.Жукова и И.С.Коневы, последний подал записку в Президиум Пленума ЦК Н.С.Хрущеву, где отрицал этот факт и подчеркивал, что у него с бывшим министром обороны были лишь служебно-деловые отношения, призывая Первого секретаря подтвердить это (ЦХСД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 261. Л. 169).

¹⁰⁸ Во время предупредительной беседы с Л.И.Брежневым и З.Т.Сердюком в ЦК КПСС летом 1963 г. Г.К.Жуков так вспоминал о своей встрече с маршалом И.С.Коневым: «Месяца три спустя после Пленума я встретил Коневы. Он спросил, почему я не захожу? Я ответил: «Чего мне заходить, я нахожусь в отставке». Он поговорил как, что, а потом заявил: «Ты все-таки наш старый товарищ, почему не зайдешь поговорить?» Я говорю: «Какой же старый товарищ, когда ты всенародно там сказал, что я никакой тебе не товарищ и не друг». — «Ну, тогда мало ли что было, знаешь, какая обстановка была. Тогда нам всем казалось, что дело пахнет серьезным» (Г.К.Жуков: Неизвестные страницы биографии... С. 237).

¹⁰⁹ *Игнатов Н.Г.* (1901—1966) — член ЦК КПСС с 1952 г., первый секретарь Горьковского обкома, с 1957 г. секретарь ЦК.

¹¹⁰ *Поспелов П.Н.* (1898—1979) — секретарь ЦК КПСС в 1953—1960 гг., с 1957 г. кандидат в члены Президиума ЦК КПСС.

¹¹¹ Г.К.Жуков был уволен в отставку Постановлением Совета Министров СССР от 27 февраля 1958 г., на основании которого, 4 марта 1958 г. министр обороны СССР издал приказ № 51 (РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 173. Л. 1, 2).

¹¹² По поводу искажения своей деятельности в официальной пропаганде, Г.К.Жуков неоднократно обращался в Президиум ЦК КПСС и средства массовой информации (См.: Письмо Г.К.Жукова в редакционную коллегию газеты «Известия» Советов депутатов трудящихся СССР от 27 ноября 1961 г. // РГВА. Ф. 41104. Оп. 2. Д. 3. Л. 3—4; Маршал Г.К.Жуков: «Печать порочит мою деятельность» // Источник. 1993. № 5—6. С. 153—156; Письмо маршала Советского Союза Жукова Г.К. Первому секретарю ЦК КПСС товарищу Н.С.Хрущеву, члену Президиума ЦК КПСС А.И. Микояну от 27 февраля 1964 г. // Прибытков В. Аппарат. СПб., 1995. С. 112—115 и др.).

«НА МОЮ ДОЛЮ ВЫПАЛ СЧАСТЛИВЫЙ ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ»

Отрывки из воспоминаний Е.С.Коц*

22 июня 1941 года в чудесный солнечный день я вышла с племянником на Большой проспект. Что-то странное творилось на улице. Люди толпились у репродуктора. И вдруг слышим слова Молотова: война. В миг перевернулась вся жизнь. [...].

На службе начались занятия по противоздушной обороне. Надо было запомнить, какой запах имеют разные ОВ [отравляющие вещества — публ.] на случай химической бомбежки. Мы зубрили — запах сена, или гвоздики, или еще какой-то, а про себя посмеивались: будет нам до того, чтобы соображать, чем он пахнет, когда это в самом деле случится! А я спрашивала у инструктора: «Ну, а если фугасная бомба, тогда что делать?». Зато инструктаж по борьбе с зажигалками принес свою пользу. Не один пожар был предотвращен дежурными на крышах и на чердаках, в том числе, конечно, и вездесущими шустрými мальчишками.

Дежурили и мы на огромном чердаке дома на 4-й Красноармейской, предварительно засыпав его пол песком. Всюду стояли теперь бочки с водой и песок — на всех пролетах лестниц, ну и конечно, огнетушители. В защите нашего «объекта» мы объединились с соседним филиалом Публичной библиотеки, помещавшемся в здании Вольно-экономического общества²⁵. Кроме дежурств, в наши обязанности входило затемнение всех окон, для чего надо было сделать шторы из черной бумаги. В этой работе нам очень помог единственный мужчина нашего коллектива — Климович²⁶. Всего нас работало в Доме тогда шесть человек. Адели Семеновны среди нас уже не было. Еще до отъезда Розалии Марковны она выбыла из нашего коллектива, к большому нашему огорчению. После тяжелого воспаления легких у нее сделалась гангрена, которая перешла на ногу. Ей отняли ногу выше колена, и она, хоть и выжила, но осталась инвалидом, притом инвалидом, обреченным на неподвижность. То ли возраст, то ли слабый организм был причиной, но она не научилась ходить на протезе и почти все время лежала. Мы старались скрасить ее существование и помочь ей материально, придумывая для нее всякие ненужные работы, без которых вполне можно было обойтись. Но они как-то связывали ее с нами, прежней ее интересной и содержательной жизнью.

В литературно-издательской нашей группе с ее уходом остались мы вдвоем с Татьяной Зиновьевной, и последний сборник, вышедший в

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 1998. № 2.

свет, был сделан уже только нами и без участия Розалии Марковны. То же и следующие три, еще неопубликованные до сих пор сборника²⁷.

В начале войны в коллектив Дома, кроме нас двоих, входили новые сотрудники — упомянутый выше Климович, работавший над «плекановианой» и Купреянова, приводившая в порядок хаотический архив Розалии Марковны. Еще были двое старожилов — отличная машинистка Евгения Эрастова Семенова, самый близкий из нас друг Розалии Марковны, работавшая в Доме со дня его основания, и уборщица Полина Александровна Иванова, или попросту Поленька, как мы ее звали, т. к. состояли с ней в самых дружеских отношениях²⁸.

Дом расположен был в военном отношении очень неудачно. В районе Красноармейских, о чем свидетельствует самое название улиц, находилось много казарм, то есть военных объектов, подходящих для бомбежки. Но пока еще бомбежек не было — они начались только в сентябре. Предвидя их возможность, стали готовиться к ним. Прежде всего стали наклеивать на окна крест на крест бумажные полоски. Считалось, что они спасут стекла от удара воздушной волны. Но, увы, это был напрасный труд. С бумажками и без бумажек стекла вылетали с одинаковым успехом. Затем в домах оборудовались бомбоубежища, а в садах, на площадях и в скверах рылись щели, которыми, правда, очень мало кто пользовался из застигнутых налетом на улицах.

В это же время началась эвакуация населения. Город пустел. [...].

На вокзале эшелоны с отъезжающими стояли на разных путях и простаивали по несколько дней. Люди успевали несколько раз съездить в город и вернуться обратно, а их эшелон все стоял. Ехали целыми семьями со всяким домашним скарбом, как настоящие переселенцы. Некоторых все же хватало на то, чтобы принять какие-то меры для охраны своего остающегося в Ленинграде имущества. Делали опись в присутствии управдома. Другие в панике бросали все на произвол судьбы. И, конечно, потом не могли себе этого простить, возвращаясь на пустое место. Опись, хотя и не вполне, гарантировала от расхищения, но во многих случаях спасала, если не все, то часть оставленных в квартире вещей и обстановки. Наши уехали, очертя голову, ни о чем не думая и, конечно, потеряли все. Нельзя было рассчитывать на то, что мы, остающиеся в Ленинграде, сможем предотвратить расхищение этих, так называемых «бесхозных» вещей. Правда, трудно было тогда предвидеть, в какое положение попадем мы сами, и будет ли это в наших силах, да и до того ли нам будет, когда над нами каждую минуту висела смерть. Какое значение имели вещи, когда каждый день мы узнавали о новых ужасах, о погибших и искалеченных при бомбежках и обстрелах, об умерших от голода, да и сами еле передвигали ноги.

Эвакуация населения действительно скоро прекратилась, и эта первая партия наших знакомых и друзей выехала чуть не с последними эшелонами. Позднее, уже в 1942 году, эвакуация возобновилась, но тогда она проходила в более опасных условиях. Город был окружен вплотную, и связь с «большой землей» поддерживалась по единственной ниточке, знаменитой ладожской трассе, получившей чудесное название «дороги жизни». Ехать приходилось либо по льду зимой, либо на баржах весной и летом, а озеро гитлеровцы беспощадно бомбили. Но другого выхода не было — уезжали люди, уже обреченные на смерть от

голода, в последней стадии дистрофии. Здесь верная смерть, там — какой-то шанс на спасение. И многие шли на риск и выигрывали жизнь в этой страшной игре.

Бомбежки начались в первых числах сентября. Чуть ли не сразу немецкие летчики одержали большую победу — они разбомбили и подожгли огромные бадаевские склады продовольствия. Для них это была большая удача, для ленинградцев — настоящая катастрофа. При той ничтожной дозе продуктов, которая в течение двух с половиной лет выдавалась населению по карточкам, сгоревшие на складах продукты, вероятно, спасли бы немало людей от смерти. Особенно обидно было, что погибло много такого существенного для питания продукта, как сахар.

Дня через четыре после первых бомбежек и я получила свое боевое крещение. На службе мы объединили свои дежурства с соседним филиалом. Дежурили по очереди, по одному человеку, в их помещении, в большом вестибюле, выходявшем окнами на 4-ю Красноармейскую. Для дежурного был поставлен диван и стол с телефоном. Диван помещался у стены, примыкавшей к уборной, большое окно которой выходило в вестибюль и находилось как раз над диваном. Особенного смысла, на мой взгляд, эти дежурства не имели, разве что *post factum* дежурный должен был сообщить по телефону начальству о ЧП или о том, что ночь прошла без такового.

В ночь на 11 сентября я оставалась на дежурство. Недавно Татьяна Зиновьевна напомнила мне, что вечером того дня я позвонила ей, что у меня почему-то жуткое настроение, и я хотела бы, чтобы она приехала. Но она не могла. [...] Я осталась одна во всем здании. Вообще я не трусиха и нервы у меня довольно крепкие, но это было что-то совсем другого порядка, что-то вроде предчувствия. Итак, я сидела у стола и читала, спать еще не хотелось. Кругом стояла мертвая тишина, какая бывает ночью в большом безлюдном помещении.

Публичная библиотека направляла к нам на подмогу одного товарища из МПВО. Пришла и на этот раз девушка и отправилась вместе с пожарником на чердак. Было одиннадцать часов вечера, когда в эту тишину внезапно ворвался сокрушительный грохот, зазвенели вылетающие из рам стекла, погасло электричество. Фугасная бомба попала в дом напротив и снесла начисто флигель, примыкавший к улице. Красноармейские улицы очень узкие, так что при ничтожном отклонении угла бомба попала бы в наш дом. Чудом этого не случилось. Но в этот момент мне даже не пришло это в голову. В дежурке стали появляться люди. Первая вбежала ни жива, ни мертва девушка из МПВО. Оказалось, что взрывная волна перебросила ее через балку на чердаке, и она стремглав пустилась вниз. Она была безумно перепугана. Тогда я вышла на улицу, где работала уже спасательная команда, и свела ее в бомбоубежище в соседний дом.

Вернувшись обратно, я застала такую картину. Весь мой диван был покрыт толстым слоем стекол, вылетевших из окна уборной. Здесь я все-таки ужаснулась при мысли, что, будь это позднее, все стекла посыпались бы на меня, а ранения от стекол считались очень опасными. В это время из квартиры, которую занимал в том же здании наш пожарник с многочисленной семьей, стали приносить одного за другим

перепуганных сонных ребят. Всех их пришлось пока разместить на усыпанном стеклами диване. Происходило это при свете летучей мыши, принесенной пожарником. Я снова вышла на улицу. Там сновали люди, верней тени людей, так как нельзя было нарушать затемнение и все их действия производились в полутьме. Картина бала фантастическая и жуткая. Когда прошло первое потрясение, я позвонила в Библиотеку — не знаю только кому от этого стало легче.

Прошло несколько дней. Наш район усиленно бомбили — падали на крышу зажигалки, на чердаке валялись осколки бомб. Мы с заведующей соседним филиалом, Верой Александровной Каратыгиной²⁹, решили поговорить с дирекцией о том, что работа в этом районе представляет большую опасность. Я собрала осколки и поехала в Библиотеку. В кабинете директора собралось много народу, но его самого не было. Я стала ждать, прислушиваясь к не слишком утешительным разговорам. У всякого был в запасе случай, который он мог рассказать, — пережил ли, наблюдал сам, либо слышал от других. Наконец, зашел Вольпер, который в то время был директором Библиотеки. У него на глазах бомба снесла дом на углу Стремянной и Дмитровского переулков. [...].

Вообще люди в отношении бомбежек резко делились на две категории. Одни обязательно бежали в бомбоубежище, другие просто не выносили этого томительного сидения в толпе случайных людей — жильцов дома или прохожих, загнанных милиционером, дворником, дежурным по дому в подворотню или подъезд, — и предпочитали «искушать судьбу», оставаясь дома, или путешествуя под бомбами по улицам.

Между тем немцы все теснее сжимали кольцо вокруг Ленинграда. Они были уже в Пулкове, в пригородах — Пушкине, Павловске, Гатчине, Стрельне, а Нарвская застава стала настоящим фронтом. Естественно, что при таких условиях, мысль о возможности захвата города могла тревожить и самых заядлых оптимистов. В связи с этим надо было подумать не только об эвакуации населения, но и о вывозе ценностей, которые гитлеровцы расхищали или уничтожали. Публичная библиотека, в фондах которой хранится много редких, старинных, ценнейших изданий и громадный рукописный материал, стала готовиться к отправке их в глубокий тыл³⁰. Нам, в Дом Плеханова, прислали пятьдесят ящиков. Несколько дней мы упаковывали в них самые важные материалы — все рукописи, тетради, записные книжки, письма Плеханова, все письма его корреспондентов и все по-возможности книги из его личной библиотеки. К сожалению, не все вместились в присланные нам ящики. Пришлось оставить значительную часть русской периодики — комплекты «Русского богатства» и «Современного мира» и других журналов. Приходилось выбирать. Конечно, все зарубежные издания вольной русской прессы, иностранную периодику, почти полный комплект «Neue Zeit» надо было увезти в первую очередь, но после их упаковки выяснилось, что места не хватает. Это было очень печально, потому что воинская часть, занявшая Дом через некоторое время, истребила, то ли на топливо, то ли на курево, много оставленных нами книг.

Когда все в Библиотеке и у нас было готово к отправке, встал вопрос о сотрудниках, которые будут сопровождать транспорт. Многие, конечно, охотно уезжали из ленинградского ада, тем более, что некоторым разрешено было забрать с собой свои семьи. Составилась довольно большая группа, в которую вошли, в основном, ответственные работники во главе с директором. Мне и в голову не приходило ехать. И вдруг меня вызывает Вольпер и заявляет безапелляционно, что я еду с материалами Дома Плеханова. Я пришла в ужас — ведь он, как начальство, мог не посчитаться с моими желаниями и послать меня, несмотря ни на какие возражения. Тут я вступила в бой и заявила категорически, что никуда не поеду. Он (удивленно): «Почему?» Я: «Что я там буду делать? И как я могу оставить в такой опасности мать и дочь, а сама сидеть в тылу? Он: «Сентиментальные соображения». Я: «Пусть сентиментальные, но я не поеду».

После долгих уговоров он согласился оставить меня в покое и назначил хранителем плехановских материалов очень симпатичного сотрудника Библиотеки, с интересом относившегося к нашему Дому, к Розалии Марковне — Бриллианта³¹, который обещал мне с полным вниманием и заботой относиться к нашим материалам. Местом эвакуации был избран город Мелекесс, находящийся в Башкирской ССР. Я никогда не жалела о том, что не поехала. Не говоря уже о том, что я не могла оставить своих на произвол судьбы, я понимала, что изведусь там от безделья, притом среди мало или почти незнакомых и чужих для меня товарищей. Работая на отшибе, я почти не имела связей среди сотрудников Библиотеки. Делать в Мелекессе действительно было нечего. Но именно поэтому вернувшиеся после войны материалы оказались не только в отличном состоянии (их вынимали, проветривали, делали все для их сохранности), но и описанными по всем правилам, т. е. проверенными и перечисленными с величайшей точностью, чего мы за недостатком времени не могли сделать. А товарищи, обжившись в Мелекессе, стали понемногу входить в местную жизнь и приносить населению посильную пользу³².

После отправки в тыл плехановских материалов, мы остались не у дел. Но тут нас выручила интересная инициатива заведующей соседним филиалом Каратыгиной. Это была умная и очень красивая женщина, с властным характером, отличный организатор и прекрасный работник, притом настоящий знаток библиотечного дела. Она заведовала соседним с нами филиалом местного хозяйства. В числе других работ там собирались материалы и о Петербурге-Ленинграде. Естественно было на базе этого, уже обработанного материала создать раздел «Ленинград в блокаде». Так возникла организация, поставившая своей задачей, с одной стороны, коллекционирование документальных материалов военного времени, относящихся главным образом к Ленинграду, — воззваний, листовок, плакатов, афиш и других материалов, вплоть до пригласительных билетов — с другой, библиографирование всех книг и журнальных статей, заметок и т. п. о блокированном городе и боевых действиях его защитников. Организация эта носила название «Коллекция Ленинград в Великой Отечественной войне». В нее вошли, кроме постоянных сотрудников филиала местного

хозяйства и оставшихся еще в Ленинграде плехановцев, несколько товарищей из Публичной библиотеки — всего 17—18 человек.

Нас перевели с Красноармейской в центральное здание на углу Садовой и Невского. Мы расписывали подробнейшим образом все местные ленинградские газеты и журналы и извлекали относящийся к Ленинграду материал из наиболее крупных центральных изданий. Ну и конечно, учитывали все книги о блокаде, о партизанском движении в Ленинградской области, о боевых действиях на нашем фронте.

Описания сопровождалась аннотациями во всех случаях, когда заглавие не говорило само за себя. Всю эту массу материала надо было как-то систематизировать, чтобы им можно было пользоваться. Решили создать предметно-тематическую картотеку, чем я и занялась. К концу войны получилась картотека примерно в сто тысяч карточек. Кроме нее были каталоги книг и другие картотеки. Пишу об этом так подробно, упоминая цифры, для того, чтобы было понятно, к чему приводит трусость, боязнь за свою шкуру и невежество.

После войны, когда коллекция уже переместилась снова на Красноармейскую, из Библиотеки явилось начальство и, не удосужившись даже познакомиться поближе с этой работой, вынесло «компетентное» решение уничтожить все без остатка. Объяснение было простое. На карточках, естественно, упоминались имена людей, возглавлявших советские и партийные учреждения во время блокады и немало сделавших для спасения города и его жителей. В их числе был, конечно, и Попков, ставший жертвой «культы личности». Мотивировалось же это варварское решение разумеется другим — никому, мол, не нужна эта работа. А что же раньше смотрели? Семнадцать человек, изнемогавших от голода, под бомбами и снарядами, целые годы посвятивших этой работе, считая, что вносят вклад в историю, что позднее, когда отойдут в прошлое ужасы войны, люди начнут изучать героическую эпопею Ленинграда и найдут здесь ценнейший для них документальный материал. Ведь кроме нашей «Коллекции» никто такой работой не занимался. Это были уникальные картотеки. Короче говоря, приехали грузовики с мешками, свалили в них все карточки, увезли и сдали в макулатуру.

Прошло много лет, Попков и его соратники давно уже посмертно реабилитированы, историки изучают эпоху войны и, в частности, историю Ленинграда в период блокады. Они приходят за библиографическими справками в Библиотеку и получают, конечно, много меньше, чем могли бы получить, если бы сохранилась эта живая, пропитанная дыханием времени летопись.

Единственное, что уцелело из этих материалов, кроме, разумеется, самой коллекции (книг, документов, плакатов и пр.), это составленный нами (мною и Каратыгиной) библиографический указатель «Героическая оборона Ленинграда», куда вошли подобранные по темам наиболее интересные и значительные источники: книги, журналы и газетные статьи. Но и эта книга долго находилась в ссылке, в отделе спецхрана, и только после XX съезда партии вышла на свободу.

Несмотря на тяжелые условия, в которых приходилось работать в «Коллекции», бывали у нас и забавные моменты, в наш коллектив входил сейчас уже покойный Николай Иванович Кашменский³³. Это

был очень некрасивый человек, с лицом как бы вырубленным топором. Но он был не только умен и образован, но обладал поэтическим даром. Наряду с вдохновенными лирическими стихами он легко писал памфлеты и эпиграммы. Материала для этого в нашем коллективе было более чем достаточно. Начать с того, что я вечно препиралась и ссорилась с Верой Александровной. Меня раздражал ее властный характер, нетерпимость и резкость, и я не молчала. Все это происходило в одной комнате, на глазах у всех товарищей. Были и другие поводы для высмеивания. И вот Николай Иванович в стихотворной форме очень мило и незлобливо подшучивал над нами. Все его произведения того времени сохранились в архиве «Коллекции».

Однажды, когда он высмеял нас всех, верней, каждого в отдельности, и преподнес каждому на каталожной карточке его «характеристику», я не выдержала и ответила ему за всех. К сожалению, его стихов я не помню, а мое было такое:

«Согнувшись низко над столом,
Сидит и длинно мелко пишет,
А сам, не будь дурак, кругом
Что надо и не надо слышит.

Потом, собрав сырья запас,
Насмешек пули льет умело,
И, обстреляв спокойно нас,
Вновь принимается за дело».

В 1941 году стояли неслыханные морозы. За мою долголетнюю жизнь в Ленинграде, а раньше в Петербурге, я не помню ничего подобного. Город постепенно превращался в ледяную пустыню. Мало-помалу выходил из строя транспорт, трамваи стояли, вмерзшие в снег, неподвижные. Народу становилось все меньше — кто ушел на фронт, кто эвакуировался, кто умер, кто лежал и ждал смерти. А те, что еще дышали, ходили больше на тени, чем на людей. На службу приходилось идти пешком, мое путешествие с Петроградской стороны продолжалось примерно час, раньше — с Красноармейской — около двух. А выдачи по карточкам с каждым днем уменьшались. Двести грамм хлеба на целый день³⁴ и тарелка-две жидкого супа, вернее, воды, с плавающими в ней редкими крупинками. Стали искать заменители. Покупали на рынке столярный клей — уже научились различать его сорта по цвету. Варили из него отвратительный студень. Делали лепешки из дуранды. Этот продукт выдавался по карточкам на нашу собачонку-фокстерьера, зарегистрированного как породистый, в обществе охотников на Литейном проспекте. Из дрожжей делали сыр. Сейчас уже не припомню, какими «изысканными» блюдами мы питались. Каждая крошка была на учете. А тут еще почти неизбежные и, во всяком случае, очень частые потери или воровство продовольственных карточек, почти равносильные смерти. Со мной это случалось не раз. Вытаскивали, чуть ни на глазах из сумки, а то и с ней вместе, все карточки, мои, мамины и Валины [дочь Е.С.Коц — публ.], все

столовые талоны. Это была настоящая трагедия. Но как-то держались — кончался месяц, и получались новые карточки.

Между прочим, у меня было сравнительно привилегированное положение — я получала раз в месяц так называемый ученый паек, сравнительно сносный, а по тем временам, великолепно, но он хорош был бы, и то более или менее, на одного человека, а не на семью. Потом, когда выдачи пайка прекратились, стала получать карточку первой категории и дополнительную к ней, значительно лучшие, чем обычная служебная карточка и, тем более, иждивенческая.

Несмотря на все эти блага, мы с Валею, как и остальные ленинградцы, превратились в людей двух измерений, а мама умерла от дистрофии летом 1942 года. Можно себе представить, каково было тем, кто не пользовался такими привилегиями. И самое страшное было даже не в физическом состоянии, вызванном длительным голоданием, не в слабости, не в «ватных ногах», не в отечных лицах, а в изменениях человеческой психики. Когда я вспоминаю себя и других в те дни, мне кажется, что все мы были просто ненормальные. Спасала только работа, активность, твердое решение не сдаваться, не лежать пластом, а двигаться, ощущать себя живым человеком, а не живым трупом. Многие погибали именно от равнодушия, от апатии — все становилось безразлично, даже интерес к еде пропадал. А этот интерес к еде и входил основным элементом в тогдашнюю нашу жизнь и в тогдашнюю нашу психику, которую я назвала ненормальной. О еде думали беспрерывно, о еде говорили каждые два человека при встрече, о еде не забывали ни на минуту. Это было ужасно. И первым признаком выздоровления, когда разомкнулось кольцо блокады, было как раз то, что постепенно стали разговаривать на другие темы, а затем еда и вовсе исчезла из наших бесед.

Для меня голод и его воздействие на окружающих был страшнее, чем бомбежки и начавшиеся вскоре обстрелы. Страшнее их была и вся вообще блокадная обстановка с ее темнотой, холодом, замершим водопроводом и канализацией. На улицах была абсолютная темнота — никаких фонарей, ни просвета в зашторенных окнах (за просветы платили штраф), на машинах — синие фары. Иногда пройдет человек с маленьким электрическим фонариком, направляющий его свет себе под ноги, — ну и увяжешься за этим человеком, пока ему с тобой по дороге. Некоторые все же что-то различают в темноте, я же абсолютно слепну. Только в лунные ночи было лучше, но зато в эти ночи было больше налетов. Чтобы не сталкиваться с встречными на тротуарах, стали носить на груди светящиеся бляшки.

Однажды, вернувшись поздно домой, я вошла в наш двор — парадная была наглухо закрыта, и ход был со двора. Тут начинается рассказ в духе Эдгара По. Двор у нас небольшой. Я вошла в ворота и направилась, как мне казалось, наискосок, прямо к нашей черной лестнице. Ничего подобного входу на лестницу я не обнаружила и стала метаться по двору, уже потеряв всякую ориентацию. Натыкалась на штабеля дров, которыми был загроможден двор, провалилась одной ногой в открытый люк, находившийся вблизи нашего подъезда, но двери найти не могла. Исчезла бесследно, как в страшной сказке.

В это время из второго двора появился человек с фонариком. Я окликнула его, но он не слышал или, скорее, не обратил внимания. Это тоже было в духе времени. Так продолжалось не меньше получаса. Отчаявшись наконец попасть нормальным путем в свою квартиру, в то время уже совершенно пустую, где мы остались вдвоем с Валей, которая в ту ночь была на дежурстве, я решила прибегнуть к другому способу. Выбравшись чудом из двора на улицу, я вошла в чужую парадную, квартиры которой выходили черным ходом на нашу лестницу. В этой парадной я никогда не была и добраться в темноте до лестницы оказалось делом тоже нелегким. Но вот, наконец, перила. Надо подняться на четвертый этаж, где живут не то что бы знакомые, но знающие нас люди — инженер, жена его, врач, и две дочки. В точности расположения их квартиры на лестничной клетке я тоже не знала. На мое счастье, как раз в этот момент, в свою квартиру входили какие-то жильцы, и они объяснили мне, куда идти. Я стала стучать. А в то время попасть в чужую квартиру, да еще ночью, было не так-то просто. Запирались на все замки и щеколды, как в осажденной крепости, и когда после опроса убеждались, что ничего угрожающего нет, начинали звенеть и грохотать все задвижки, ключи и цепочки. Так открыли и мне, когда я себя назвала и объяснила, в чем дело. Дальше уже было просто — они проводили меня со свечой через свою квартиру и выпустили на мою лестницу. И холодная, одинокая комната, после этих жутких странствий показалась мне самым уютным уголком в мире.

От холода в квартирах спасались только «буржуйкой». Как-то Алеша [А.Т.Шакол — знакомая Е.С.Коц. — публ.] написала мне из Сталинабада:

«Наверно, вы там сидите с ногами на диванах». Она имела в виду старые добрые времена, когда, забравшись уютно с ногами на диван, мы вели с ней дружеские беседы. На это я ответила ей письмом, которое так и было озаглавлено: «О ногах и диванах». В нем я описала ей подробно наше времяпрепровождение, когда мы втроем — я, Валя и Мария Григорьевна Либерман [знакомая Е.С.Коц. — публ.], прожившая у нас долго в дни блокады, — действительно залезали с ногами на диван, закутанные во все теплое, что было в квартире, и в полной темноте или при слабом свете коптилки развлекали друг друга разговорами, воспоминаниями, чтением на память стихов и рассказов.

В этом «культурном» времяпрепровождении главная роль принадлежала Марии Григорьевне. Обладая великолепной памятью, очень приятным голосом и отчасти даже профессиональным умением чтить, она часами занимала нас, отвлекая от тяжелых мыслей и ощущений. От нее я в первый раз услышала сказку Горького «Девушка и смерть». Стихов она знала наизусть великое множество и читала их отлично. Так обрисовала я в письме к Алеше нашу блокадную жизнь «с ногами на диванах». Очевидно, они там не очень-то хорошо представляли себе, как мы живем, потому что письмо мое произвело на нее сильное впечатление и открыло ей глаза на многое.

А между тем, знакомые мои и друзья, эвакуировавшиеся из Ленинграда, писали мне отчаянные письма. Им было так трудно, одиноко, так плохо на чужбине, что они всей душой стремились обратно и даже завидовали нам, оставшимся. Не припомню, когда я писала столько писем — ласковых и успокоительных, как в это время, в ответ на

жалобы. Одной моей приятельнице — Марии Исаевне Островской, юристу, работавшей в первые годы Советской власти со мной в Правовой секции, я написала даже, что она сможет, когда вернется, поселиться у меня. Так оно и было.

Наступила весна 1942 года. Замерзший город, похороненный под сугробами снега, просыпался. Вместе с радостью пробуждения, радостью от появления тепла и солнца это сулило ужасы. Под снегом таились настоящие клоаки, очаги заразы. Сколько времени уже не действовал водопровод и замерзли канализационные трубы. Город утонул в грязи и нечистотах. Пока была зима — это было незаметно и нестрашно. С наступлением же весны над городом нависла угроза эпидемий. И тут был дан клич: «Все на очистку города». Люди откликнулись на этот призыв — истощенные, измученные, голодные, вооружились лопатами и пошли спасать город. Чудо свершилось — все оттаяло, и никаких тифозных или других эпидемических заболеваний не было.

[...].

Теперь днем на улицах мы наслаждались — светило солнце, было тепло, к тому же, город летом превратился, если не в цветущий сад, то в зеленый огород. Надо было спастись от голода, и все включились в «огородную кампанию». Даже мы, наша группа, работавшая в «Коллекции», посадили овощи в садике, примыкавшем к зданию Вольно-экономического общества. Этот садик, совершенно лишенный солнечного света, был абсолютно непригоден для растений, но мы шли по линии наименьшего сопротивления — подходящего участка не получили, а за город ездить не было сил. В результате у нас ничего не выросло, кроме ботвы. Но самая работа на воздухе была полезна и доставляла удовольствие.

[...].

По мере приближения немцев к Ленинграду, Нарвская застава становилась уже не только фронтом, но и передним краем. Началось переселение жителей в менее опасные районы города, у нас в квартире была свободная комната. В двух жили мы, в двух — много лет жила семья инженера Усикова, а в пятой — случайные люди. Как раз в это время комната пустовала, и в нее вселили семью из трех человек — молодую женщину — жену фронтовика, с ребенком и матерью мужа. Наша квартира и то, что в ней происходило, довольно типично для того времени. Поэтому остановлюсь на ней подробно.

Здесь надо сказать, что люди очень рано вели себя в тяжелых условиях блокады. Прежде всего это относится к питанию. Одни не могли противостоять ощущению вечного голода и съедали сразу с утра весь хлебный паек и в первые несколько дней месяца — весь остальной паек, полученный по карточкам. Другие относились к этому вопросу более разумно, я бы сказала более культурно и хоть и с большим трудом, но сдерживались и старались обеспечить еду на целый день. Слово «еда» конечно тут неуместно. Но все равно, это было лучше, чем ничего. Подсушенный на буржуйке тоненький, как бумажка, ломтик хлеба, тарелка жидкого супа — смешно сказать, но многим они сохранили жизнь.

Так вот, эта вселенная к нам семья не умела жить так организованно, и результатом было то, что все они умерли. Первой умерла молодая женщина, второй — мать ее мужа, ребенок же, тоже умирающий, еще некоторое время жил в детских яслях. Очень тяжело было и в семье наших соседей Усиковых. Там было двое мужчин, а мужчины, особенно как раз здоровые, переносили голод гораздо хуже, чем женщины, и смертность среди них была очень высокая. Женщины делали все, чтобы спасти своих мужей и сыновей, порой жертвуя ради них собственной жизнью. Леонид Георгиевич (сосед) и сын его школьник Игорь были в очень тяжелом состоянии. Он все ждал эвакуации завода, на котором работал. Но дело затягивалось. И вот однажды, раздается звонок с черного хода. Валя отворяет дверь и видит двух офицеров, очень оживленных и довольных. Один из них говорит, что приехал на машине за своей семьей. А жена его в это время уже умерла, мать же лежала в комнате у Усиковых и тоже при последнем дыхании.

Валя так опешила, что не решилась ничего ему сказать и пропустила их в квартиру. Здесь он узнал о смерти жены и прожил у Усиковых три-четыре дня пока не умерла его мать. Тогда жене Леонида Георгиевича пришлось в голову, что машиной может воспользоваться ее семья — это был единственный шанс на спасенье. Она убедила офицера, и он согласился вывезти их всех четверых из города. Ребенок остался в яслях и тоже вскоре умер. Усиковы быстро собрались и уехали, поселив в своих комнатах близкую родственницу. Дальнейшая судьба этой семьи оказалась все-таки трагической. В пути у Леонида Георгиевича началась дизентерия — обычный спутник дистрофии. Им пришлось остановиться в каком-то городе и положить его в больницу. Там он и умер, почти не приходя в сознание.

Продолжаю о нашей квартире. Эвакуировались и жившие в бывшей людской мать и дочь. Уехала Мария Григорьевна. Мама умерла еще летом 1942 года. Умерла и наша домработница. Пришлось усыпить и нашу маленькую собачонку, красивого, нервного, живого фокстерьера. Он от голода стал совершенно ненормальным. Мы никак не решались умертвить его. И тут сыграла роль Мария Григорьевна, обожавшая собак и укорявшая нас за жестокость, за то, что мы даем собаке так мучиться. Наконец, Валя повела собачку через весь город на ветеринарный пункт, где ее и усыпили.

Теперь мы остались в квартире втроем, верней вдвоем, потому что с родственницей Усиковых мы совсем не общались. Валя работала на радио, я в Библиотеке, в одном с ней районе, который основательно обстреливался. Попадали бомбы и в оба наши здания, но человеческих жертв не было. После отбоя я, с замиранием сердца, звонила Вале по телефону. Вообще совершенно непонятно, как я, при моем до нелепости, беспокойном характере, могла выносить эту постоянную угрозу, висевшую над головой самого близкого мне человека. Очевидно условия жизни, привычка, неизбежность происходившего выработали какой-то иммунитет. Как ночью, под вой сирены, я могла спать, зная, что Валя дежурит в какой-то больнице — таком соблазнительном для гитлеровцев объекте бомбежки. И только на утро я бежала в жакт и звонила ей по телефону и, не получая иной раз ответа, не умирала тут же у телефона.

Между тем, все чаще среди жертв бомбежек и обстрелов стали попадаться знакомые имена. Настигла беда и семью, о которой я упомянула, описывая свои метания по темному двору, через квартиру которых я попала к себе домой. Младшая дочь, цветущая пятнадцатилетняя девочка как-то пошла в город к своей матери, работавшей в качестве врача. Та отпустила ее домой одну. Переходя Марсово поле, она попала в бомбежку. Укрыться было негде. Щели, вырытые по всему полю мало-помалу превратились в общественные уборные, особенно после того, как в городе вышла из строя канализация. Никто уже не прятался в них при бомбежках и обстрелах. Девочка получила осколочные ранения обеих ног. В больнице хирурги сказали матери, что без ампутации неизбежна гангрена. Мать ответила: «Может быть, молодой организм справится, а если нет, пусть лучше умрет». И девочка умерла через несколько дней.

Умерла попавшая под обстрел женщина-врач Казарновская, близкий друг Либерманов [друзья Е.С.Коц — публ.], лучшая его сотрудница по институту, талантливый бактериолог, член Ленинградского [городского] Совета [депутатов трудящихся — публ.]. Каждый день можно было ждать новых потерь.

Моментами в эту мрачную картину врывались забавные штрихи. Ведь, несмотря на все, люди еще не совсем разучились улыбаться. Вот, например, живая сцена. Иду как-то мимо длинной очереди у маленького магазина. На двери магазина белеет бумажка. Интересно, конечно, посмотреть, «что дают». Подхожу и читаю: «Конфет нет и не будет, а если вам делать нечего, стойте». И что вы думаете? Стоят. Ну как тут не улыбнуться.

В блокаду мы очень сблизились с Верой Александровной Каратыгиной. Сближала нас общая работа, общие интересы. К тому же у нас с ней все время было одинаковое материальное положение — обе мы получали «ученый паек», а после его отмены дополнительные продовольственные карточки первой категории. Обе обедали в привилегированных столовых, не для всех доступных — сперва в Северном ресторане, потом в столовой Академии наук, на Васильевском острове. И всюду надо было ходить пешком. Мы шагали с ней через весь город, в зимние морозы и в весеннюю распутицу. Только в эти страшные дни блокады я как бы впервые увидела Ленинград, и никогда он не казался мне таким красивым — этот измученный, но не сдающийся город. Мы с Верой Александровной не раз любовались видом с набережной Невы у Дворцового моста, когда подходили к Академии наук. А потом чудесным ансамблем улицы Росси с Александринским театром, изрешеченным пулями. Как-то дорог нам становился этот город и не хотелось покидать его. Вопрос об отъезде не раз возникал у нас с Валей, хотя бы потому что нас настойчиво звали родные, обосновавшиеся уже к тому времени в тылу. [...]. Но мы ехать не хотели. Пока была жива мама, об этом вообще не могло быть и речи, так как она бы не вынесла поездки. Но после ее смерти мы могли бы уехать. Что же этому мешало? Я очень ясно отдаю себе отчет, почему мы обе, несмотря на все, оставались в Ленинграде. Прежде всего, ехать, в сущности, было

некуда. Таких близких людей, которые жили бы постоянно где-то в тылу, были бы устроены и могли без жертв для себя надолго принять нас, в природе не существовало. Все же наши эвакуанты сами перебивались с трудом, и сесть к ним на шею мы не могли и не хотели. Все письма из тыла свидетельствовали о том, что люди мечутся и не находят себе места в жизни, теряют свое лицо. Вот этого мы больше боялись. Ведь у нас с Валей были такие «гуманитарные» профессии, с которыми найти работу в чужом городе, особенно в городе, переполненном беженцами, было бы очень трудно, верней, невозможно. Ну, и последнее, может быть, и не самое важное, но не безразличное, — это то, что хоть и с риском, но мы сохранили здесь и крышу над головой и все свое имущество. Конечно, нам очень повезло — мы не только остались живы и целы, но даже окна в нашей квартире не были выбиты, хотя кругом все улицы были засыпаны стеклами. Объяснялось это тем, что окна наши выходили на пустырь, и деревья задерживали воздушную волну. Итак, все эти соображения, собранные на одной чаше весов, перетянули другую, где основное было — физическая безопасность, сохранение жизни.

Реакция на обстрелы и бомбежки у нас с Верой Александровной была одинаковая. Бомбоубежищ мы не любили. Но вот вспоминаю один действительно страшный случай. Мы как-то вышли с ней из Библиотеки и пересекли Невский. Не успели мы отойти от Садовой, как раздался взрыв, и [сверкнула — публ.] ослепительная вспышка — на Садовой близко от Невского разорвалась бомба. Выла сирена, налет продолжался, и бомбили именно этот район. Укрыться было негде, ни одного подъезда с открытой дверью, никакого бомбоубежища. Возвращаться в Библиотеку было опасно. Как раз в этот момент подошел и остановился около нас трамвай. Мы подбежали, я увидела номер и крикнула Вере Александровне: «Не наш номер». Она уже вошла на площадку и отмахнулась: «Не все ли равно!» Мы проехали ровно одну остановку, и кондуктор заявил, что все должны слезть, трамвай дальше не пойдет. Это была обычная история. Во время бомбежек и обстрелов движение транспорта приостанавливалось, о чем даже говорилось по радио. Мне казалось это бессмысленным, так как людей высаживали на улицу прямо под бомбы и снаряды вместо того, чтобы быстро вывезти их из опасного района. Возможно, это делалось потому, что движущийся трамвай был удобной мишенью для прицела. Так или иначе, мы очутились на улице — было уже темно, мокро и грязно, до дома очень далеко. Но выхода не было. Надо было идти. Она жила на Васильевском острове, я на Петроградской стороне. И мы пошли. Сперва весь Невский, потом мосты, потом набережная — самые опасные места. Отбоя все не было. Путешествие было длинное и жуткое — полная незащищенность, почти полное безлюдье, темнота. Наконец добрались до Среднего проспекта Васильевского острова, где она жила, и только тогда раздалась приятнейшая для ушей мелодия отбоя. Пошли трамваи, и я добралась домой.

Библиотека совершенно преобразилась. Чудесные, светлые читальные залы пустовали, все кругом было заморожено, сотрудники частью умерли, частью разъехались, кто сражался на фронте, кто работал в госпиталях, кто эвакуировался. Вся жизнь сосредотачивалась теперь в

более или менее отапливаемой квартире нижнего этажа, где сейчас находится Отдел внешних работ [ныне Отдел внешнего обслуживания — публ.]. Там же жила Елена Филипповна Егоренкова³⁵, занявшая пост директора Библиотеки после отъезда Вольпера. Люди были неузнаваемы — исхудавшие, почерневшие, постаревшие, закутанные с головы до ног, и вообще какие-то странные, не похожие на себя.

Наступил момент, когда ходить пешком на службу не было уже сил.

Отсиджались и отлеживались дома. И вот еще что было очень страшно. Сегодня вы видите человека, разговариваете с ним, а завтра узнаете, что его уже нет — умер, тихо, незаметно ушел из жизни, угас. Эта смертность, вернее, вымирание населения Ленинграда встревожило не на шутку центральные власти. Тогда-то, в конце 1941 года и начали функционировать так называемые «стационары», нечто вроде временных, на короткие сроки, санаториев. Они оборудовались в каких-нибудь более или менее подходящих общественных зданиях и снабжались продуктами значительно выше нормы. Пользование стационарами предоставлялось в первую голову наиболее истощенным работникам, притом, преимущественно, ответственным. Это было мероприятие, вызванное, главным образом, боязнью лишиться квалифицированных кадров.

Елена Филипповна, заботам которой я была обязана привилегированным питанием, включила меня в первую группу сотрудников, направляемых в стационар. Он был оборудован в здании Педагогического института им. Герцена. Валя и Игорь [родственник Е.С.Коц — публ.], очень опасавшиеся за мою жизнь, очень рады были этой неожиданной возможности если не восстановить, то хотя бы поддержать мои силы. Мы отправились с Валею под вечер, пешком, вещи везли на детских санках. Добрались до Института, вошли во двор и не знаем, куда идти дальше. И вдруг увидели в полутьме людей, которые шли цепочкой один за другим. Впрочем, это были не люди, а призраки — какая-то жуткая процессия, шествие теней, как в символических постановках пьес Метерлинка. Эти закутанные, сгорбленные, еле передвигающие ноги призраки, как я сразу почувствовала, и были наши библиотечные сотрудники, направляющиеся в помещение стационара. Мы пошли за ними. В большой комнате, с рядом параллельно стоявших кроватей, было тепло и светло, но оказалось, что еще не все организовано к прибытию первой партии — не завезены продукты. Валя посидела и ушла. Часов в 11 вечера все наладилось. И вот — неслыханное чудо — нам приносят по глубокой тарелке горячей гречневой каши. Нельзя себе представить — не гречневую кашу, конечно, а то, что для нас она значила. Думаю, что все деликатесы, которыми угощали Хрущева на завтраках и обедах в Америке³⁶, не выдержали бы сравнения с этой тарелкой гречневой каши. Да еще с маслом и с добавкой при желании. За этим последовал портвейн, плитка шоколада и уж не помню какие еще фантастические события. Началась необычайная жизнь. Мы целые дни лежали, читали, и нам приносили еду три раза в день. Конечно, мучила мысль о домашних. Когда Валя приходила навестить меня, я давала ей сбереженные для дома продукты — шоколад, сахар, блокадный жир-гусалин. Все это блаженство было зафиксировано на десять дней, а оборвалось на день раньше. Пришлось

мне самой тащиться через весь город со своими санками. Когда я вошла в квартиру, меня охватил ужас. За время моего отсутствия все изменилось. Картина была такая: все лежат, комнаты неубраны, стоит какой-то незнакомый большой сосуд с водой. Что-то странное, очевидно, произошло. Выяснилось, что замерз водопровод, что сегодня не выдали из-за этого даже обычного ничтожного хлебного пайка, и что домработница весь день бегает по булочным и стоит в очередях. К счастью, я захватила с собой немного хлеба из стационара, дала им и побежала искать домработницу и сменить ее, если нужно. Но хлеб выдали только на следующий день. С этого времени началась еще более трудная жизнь. Не стало воды, надо было ходить за ней на Неву. В некоторых районах были водоразборные колонки, в других — воду можно было раздобыть только непосредственно из реки.

Недавно Ольга Берггольц очень картинно описала в прекрасном очерке «Путь за Невскую заставу», какие трудности надо было преодолеть, чтобы попасть в набережной на замершую Неву и обратно по ледяному скату или, в лучшем случае, по вырубленным во льду ступенькам. Теперь на улицах появились новые жанровые картинки: санки с бидонами, кастрюлями, бутылками, ведрами и впряженные в них люди — призраки, длинные очереди на берегу и на льду у проруби, откуда черпалась вода. Я со страхом наблюдала, как Валя склонялась над прорубью, опасаясь, что бы она не упала в нее вместе с бидоном.

Откуда только брались силы у истощенных до полусмерти людей? Помню, как мы с Валею втащили на второй этаж трехметровое бревно. Или еще: однажды, придя домой, я застала потоп — вся кухня, передняя и две наши комнаты были под водой примерно на четверть метра. Диваны, столы и стулья высились над ней как острова. Вода хлестала из замершей уборной. Что было делать? Кроме нас двоих в квартире была только сестра Усиковой, которая заявила, что до ее комнаты вода не дошла, и поэтому — ее дело сторона. Домработница наша была в больнице. И вот мы с Валею ковшами, кастрюлями вычерпали всю воду, причем, каждое ведро надо было сносить с лестницы и выливать во дворе, да еще с опасностью налететь на штраф, т. к. это было запрещено. Полагалось ходить для этого через улицу, на пустырь. До сих пор не понимаю, как нам удалось справиться с этой сумасшедшей работой. Очевидно, это и есть так называемое «второе дыхание», являющееся на выручку, когда первое пришло к концу.

Постепенно в городе почти не осталось никого из наших друзей и знакомых. [...].

Оставалась в Ленинграде и Адель Семеновна Волина, бывшая сотрудница Дома Плеханова. Ее инвалидность мешала ей куда-нибудь двинуться. А положение создавалось тяжелое — сын был арестован в начале войны и так и пропал в неизвестности, а дочь с детьми эвакуировалась. Адель Семеновна осталась одна с домработницей, которая нещадно ее обворовывала, пользуясь тем, что Адель Семеновна была прикована к кровати. Жила Адель Семеновна на Миллионной улице, в двухэтажном доме старинной постройки. У нее была маленькая, с большим вкусом обставленная квартира, с красивыми вещами, множеством русских и иностранных книг — настоящий уголок культуры. Кроме ее семьи, в квартире заняты были посторонними еще две

комнаты. Во время бомбежек все население квартиры спасалось в бомбоубежище, оборудованном в соседнем доме. Так как Адель Семеновна не могла ходить, ее оставляли одну в квартире или перетаскивали с трудом в бомбоубежище. Опасность усугублялась тем, что квартира находилась в верхнем этаже. В конце концов, ее решили просто поселить в бомбоубежище, куда народ собирался только при вое сирены. Целые дни она проводила там одна. Как-то я пришла ее навестить и узнав, что она находится в бомбоубежище, направилась туда. Это оказался огромный подвал, подземелье, с низким потолком, уставленное кроватями, и где-то, в глубине его я нашла ее — единственное живое существо во всем помещении. Было одиноко, неудобно и тоскливо.

Но все это было ничего в сравнении с более поздним моим посещением. На этот раз в бомбоубежище ее не было. Я вошла в квартиру. Началось с того, что парадная дверь оказалась открытой, как если бы в квартире никого не было. Открыты были и двери в комнаты жильцов и в ту комнату, которую занимала Адель Семеновна. Везде царил тишина, пыль и запустение. Я прошла дальше, вглубь квартиры, и очутилась в комнате, заставленной ведрами, тазами, бидонами и прочей хозяйственной утварью. Беспорядок, грязь, картина полного развала и равнодушия к человеческим условиям существования — картина, нередкая в дни блокады и говорящая о том, что живущие тут люди, если еще и живы, то не надолго. И вдруг вижу на кровати поднимается и садится какая-то незнакомая мне фигура с всклокоченными волосами. Адель Семеновна! Эта — всегда с иголочки одетая, чистая, красивая Адель Семеновна! Спрашиваю ее, в чем дело? Неужели она одна в квартире? И никто ей не помогает? Выясняется, в соседней комнате лежит с воспалением легких соседка, потерявшая мужа, что утром к ним забегает какая-то девушка и кое-как их обслуживает, а иногда и не забегает. Вот и сегодня она не пришла, и они сидят даже без хлеба. Кроме того, как раз конец месяца, и у них не получены продовольственные карточки. Чем помочь? Ясно, что так жить нельзя, надо перебираться в больницу или, лучше в дом инвалидов, на улице Смольного. Оказывается, какие-то ее знакомые уже хлопчут об этом — не так-то легко туда попасть. Я обещала со своей стороны помочь в этом, если удастся, а пока что сбегала в жакт за карточками и принесла их паек. Ушла я оттуда с тяжелым сердцем. Через некоторое время узнала, что Адель Семеновне удалось устроиться в Дом инвалидов. Навещая ее там изредка, я с грустью наблюдаю, как постепенно угасает, если не ее интеллект, то интерес к чему-либо, кроме мелочей окружающей жизни. Даже читать она перестала — затемнение, плохое освещение, а потом пропала и тяга к книге, физическая жизнь еще продолжалась, духовная замирала. Да и ничего удивительного в этом не было. Условия были тяжелые — полуголодная диета, полная неподвижность и кругом, в этой огромной палате почти сплошь некультурные люди, притом инвалиды: одни — прикованные к постели, другие — почти лишённые интеллекта, третьи — в состоянии крайнего нервного возбуждения, и лишь несколько человек на всю палату, с которыми можно было нормально общаться. А тут еще гуманные нововведения — у всех отняли казенное белье и одеяла: пусть пользуются своим.

Как-то явилась ко мне сестра из Дома инвалидов с запиской от Адель Семеновны, сообщавшей о постигшем ее бедствии. Я послала ей, что могла, а через некоторое время вернулась из эвакуации ее дочь. Но, к сожалению, Адели Семеновне так и не удалось вернуться домой и пожить в уютной семейной обстановке. Она умерла скоростигжно от паралича сердца.

[...].

Значительную часть блокадного периода провела в Ленинграде и Татьяна Зиновьевна. Мы работали вместе с ней в «Коллекции» Каратыгиной, но и потом, когда уже не могли преодолевать пешком большие расстояния, мы держали постоянную связь. Приходя к ней, я попадала в типичную и очень страшную блокадную обстановку. Она жила с мужем, дочерью, матерью и семьей сестры. Никто из них не получал никаких дополнительных пайков. Первым умер ее муж, и бред его до последней минуты был о двухстах граммах хлеба. Целую неделю его нельзя было похоронить, и это тоже, оказывается, можно было вынести.

Когда я приходила к ним, я заставляла тяжелую картину: все лежат, есть нечего, настроение подавленное, беспросветное. К ним тоже вселили семью из опасного района. Это была простая многодетная семья, и скоро вся она вымерла. Татьяна Зиновьевна была уже в таком состоянии, что, если бы не настойчивость ее дочери, она, конечно, не выжила бы. Дочь заставила ее уехать. А в это время уже близки к смерти были ее сестра и зять, причем, последний лежал в одной больнице, а сестра — в другой. И эти два, очень любящие друг друга человека так и не смогли ни разу повидаться и проститься. Оставалась в Ленинграде и мать Татьяны Зиновьевны. Думаю, что только ненормальное психическое состояние, которое обычно сопутствовало дистрофии, апатия, безразличие ко всему, помогли Виктору увезти мать от близких людей, остававшихся в ленинградском аду. Ведь для Татьяны Зиновьевны мать и сестра были самыми дорогими существами, и вряд ли она, будучи в нормальном состоянии, согласилась бы на отъезд. Конечно, речь шла о жизни дочери. Этот мотив тоже сыграл свою роль. Так или иначе, они обе уехали, и остались живы. Сестру и мать я еще навещала после их отъезда, но скоро не стало и их.

[...].

Однажды к нам явился неожиданный визитер. Вызвав меня в отдельную комнату, он сказал, что завтра заедет за мной на машине, и мы поедем в Большой дом. При этом заверял, что мне совершенно нечего бояться, что дело касается не меня, а просто надо получить от меня какие-то сведения. Назавтра кто-то действительно заехал за мной, и вот я очутилась впервые в жизни в этом здании.

Тишина, чистота, широкие коридоры. Ждать пришлось недолго. Меня проводили в большую, светлую комнату. За письменным столом сидел довольно молодой, красивый военный, подтянутый и очень любезный. Прежде всего он стал уверять меня, какой я великолепный работник и как они меня уважают и ценят. Они, мол, знают, какую ответственную работу я выполняю, и как это важно. После этого, несколько неожиданного истораживающего предисловия начались конкретные разговоры: Дом Плеханова, Розалия Марковна, сотрудники

и, наконец, Александра Тимофеевна Шакол (Алеша). И это оказалось главным пунктом, фокусом, в котором все сходилось. Ее выслали из Ленинграда как опасный элемент, а я, зная это, пошла на вокзал ее провожать. Тут меня осенило. Откуда он знает? И целая цепь фактов, промелькнувших в голове, привела к неопровержимому выводу — [...] ³⁷, больше некому. Он слышал все наши разговоры с Алешей, когда она приходила ко мне на службу и, не стесняясь присутствием окружающих, жаловалась на свою несправедливую высылку. Не скрывала и я, что провожала ее на вокзал. Но почему именно [...]? А потому, что этот человек, с которым у меня не было ровно ничего общего, с которым мы говорили только о служебных делах, вдруг, ни с того, ни с сего стал являться ко мне домой. Истощенный, голодный, уже немолодой человек, он тащился ко мне пешком через весь город, в лютые морозы. Зачем? Чтобы повидаться со мной, навестить меня, справиться о моем самочувствии? Это исключалось. Он приходил, усаживался и начинал какие-то дурацкие теоретические разговоры. Что-то он хотел вытянуть из меня, поймать на каких-то ересях, собрать «материал». Но делал это так глупо и неуклюже, так все было шито белыми нитками, что я сразу смекнула, для кого он старается. И принимала я его так любезно, что большим мужеством, с его стороны, было повторять свои визиты.

Но возвращаюсь в Большой дом. Когда речь зашла об Алеше и ее высылке, я сказала, что хорошо знаю ее и что она совершенно советский человек. Это было мое искреннее убеждение — она действительно была, несмотря на ее бывший «анархизм», настоящим советским человеком, и высылка ее была абсолютно бессмысленна. Тогда он сказал: «Что же, по-вашему, ее напрасно выслали?» Я ответила: «Бывают ошибки». Тут он расвирепел, всю галантность как рукой сняло. Начал орать. Да как вы смеете, вы — человек, возглавляющий учреждение, человек, к которому относятся с уважением сотрудники, какой пример вы им подаете, и так далее, в том же духе.

Выкричавшись, он дал мне лист бумаги и сказал, что уйдет на некоторое время, а я чтобы составила список всех моих знакомых, всего моего «опасного окружения».

Я стала думать, кого включить в список, чтобы по возможности не называть никого лишнего. Правда, не такая я была преступница, чтобы связь со мной представляла опасность, но все равно не хотелось в этом учреждении называть какие бы то ни было фамилии. Это значило привлечь к ним внимание, тем более, что фамилии эти надо было написать на бумаге. Я спокойно обдумала, как и что писать, и к его возвращению покончила с этим делом. Как ни странно, но я вообще, переступив порог этой комнаты, совершенно перестала волноваться. Так бывало со мной обычно на экзаменах — волновалась только до тех пор, пока ни сяду на стул против экзаменатора.

Он вернулся, просмотрел список, и опять заговорил, хотя и не об Алеше, но о тесно связанном с ней вопросе — о разгоне сотрудников Музея революции. Знаю ли я, за что сняли Каплана с поста директора Музея? Ответила, что не знаю. Опять разозлился. Как это я могу не знать? Ну, словом, меньшевизм, вредные установки. «Мне это неизвестно». «Не может быть». И все со злостью, уже ничему не верит. После этой милой, приятной беседы он говорит, что я должна помочь

им, особенно в такое тяжелое военное время, когда нужна особая бдительность — мало ли, что у людей на уме. Да, но я никогда не занимаюсь на службе разговорами, в Библиотеке почти не бываю, мало с кем знакома, а к чужим разговорам не прислушиваюсь и к тому же очень плохо слышу. Все-таки настаивает. Особенно их интересует мое «интеллигентское окружение». Ну что ж, все равно не вывернешься, и я же знаю, что никогда ничего ни о ком не скажу такого, что может причинить человеку вред. Пустая формальность и очень распространенная во время войны.

Кстати, я ему сказала: «А вашего [...] вы больше ко мне не присылайте, пожалуйста, а то я его спущу с лестницы» — что-то в этом роде. И он не возражал, только усмехнулся.

Я просидела с ним несколько часов. Человек, приезжавший за мной, обещал, что меня обратно тоже доставят на машине. Но, конечно, надул, никакой машины не было. Я вышла из Дома, к счастью, в первый и последний раз. Было совсем темно. Надо было переходить Неву. Только теперь я почувствовала, как он изматал меня этим бессмысленным, никому не нужным допросом. Если в этом проявляется их бдительность, думалось мне, то можно их поздравить. Алеша, окружение, близкая мне «группа интеллигентов» — какая чепуха! Измученная, усталая, в тяжелом настроении, в предвидении этой моральной пытки я дотащилась домой, где никому, кроме Вали, ничего не рассказала.

Через несколько дней снова визитер. Увожу его в самую дальнюю комнату. На этот раз он объясняет мне, чем вызван такой усиленный интерес к моей особе. Оказывается, их страшно тревожит Розалия Марковна и ее дочери. Пусть они не враги Советского Союза, он готов этому поверить, но нельзя поручиться за их знакомства и связи. Они сами могут не знать, какие помыслы у людей, которых они могут направить в Дом Плеханова. А вдруг это шпионы и диверсанты, надо быть бдительным. О, боже, что за чушь! Кого они засылают в Дом Плеханова? За все время, что там работаю, никто из-за границы от них не приезжал. Но что поделаешь с этими бдительными органами государственной безопасности — их не убедишь. Хорошо, обещаю я, если кто-нибудь приедет в Дом Плеханова из-за границы, я немедленно сообщу. На этом пока кончается. Я, конечно, абсолютно уверена в том, что никто не приедет, особенно сейчас, в военное время.

Кончилась война. Мы с Татьяной Зиновьевной вернулись в Дом Плеханова. Теперь мы остались с ней вдвоем, не считая машинистки. Последние сотрудники Дома — Купреянова и Климович — умерли в эвакуации. Но через некоторое время я привлекла к работе очень приятного мне человека — Сарру Израилевну Чухман³⁸. Она работала в Публичной библиотеке и как раз в это время находилась на перепутье. Поэтому мое предложение пришлось очень кстати. Я знала, что Сарра Израилевна по своим знаниям и интересам вполне подходящий сотрудник для Дома. Мы быстро договорились, и она влилась в наш маленький коллектив. Несколько небрежная в работе, с ее неразборчивым неряшливым почерком, Сарра Израилевна, тем не менее, была большим приобретением для Дома, как человек очень живой, с широкими интересами, большими знаниями и высоким культурным уровнем. К тому же она отлично говорила и очень хорошо умела вести

«умную» беседу с приехавшими к нам научными работниками, что было немаловажно. Да и ей это было по душе. Одно время она была уполномочена Библиотекой вести в наших двух филиалах агитационную работу. Ее слушали охотно и с интересом, потому что она умела самые скучные подчас материалы преподнести живо, конкретно, а главное, с огоньком.

Но недолго продолжалась наша совместная работа. Дом угасал буквально на глазах. Читателей становилось все меньше. Диссертаций о Плеханове уже почти никто не писал — то ли тема стала неинтересной и неактуальной, то ли просто боялись потратить даром время — все равно не пропустят, то ли не хотели лицемерить и приспособляться. Факт тот, что жизнь в Доме замерла, и Библиотека начала понемногу оголять наш фронт. Отозвали С[арру] И[зраиелвну], потом и Т[атьяну] З[иновьевну], а потом и мне предложили часть времени работать в Библиотеке. Когда я осталась одна в Доме, мне пришло в голову заняться работой, которой вероятно никто в жизни не занимался. Научный аппарат я считала более или менее законченным, надо было просто придумать какую-нибудь работу, которая была бы полезна, и более или менее интересна.

И вот я взялась за обработку заметок Плеханова на книгах его библиотеки. Началось с того, что я переписала все заметки — это уж наверняка была нужная работа. Ведь большинство плехановских заметок было сделано карандашом, от времени многое уже стерлось, остальное могло исчезнуть через годы. Кроме того, часть заметок требовала расшифровки — иные трудно было прочесть, иные были написаны сокращенно, а часть варварски срезана при переплете. Наконец, Плеханов делал свои заметки часто не на полях, а на внутренней стороне обложки, очень густо, и не соблюдая последовательности страниц.

Переписать все в порядке страниц, сохранить для потомства, с одной стороны, облегчить пользование сегодняшним читателям, с другой — этим стоило заняться.

После этого я сделала — не слишком удачную — попытку систематизировать эти заметки, создать к ним предметно-тематический указатель. Сделать это по-настоящему очень трудно, потому что смысл заметки вскрывается обычно только в связи с текстом, к которому он относится. Заметки не афоризмы, и сами по себе в большинстве случаев еще не заключают в себе определенной мысли. Так или иначе, без большого удовлетворения собственной работой, я все же довела ее до конца³⁹.

А, в общем, дирекция Библиотеки, для которой Дом Плеханова всегда был опасным и не слишком желательным привеском, чуждым ей всем своим профилем работы, теперь окончательно не знала, что с ним делать. Закрыть? Как-то неудобно. Передать в Институт марксизма-ленинизма? Такой был план, но еще неизвестно, захотят ли его взять. Кроме того, передавая материалы Библиотеке, Розалия Марковна поставила условием, чтобы это было навечно. Правда, благодаря ее непрактичности и неделовитости, письменный договор с Библиотекой так и не был никогда оформлен официально. Это развязывало руки дирекции.

Но существовали еще живые наследники — две дочери в Париже, с которыми приходилось считаться, так как они были наравне с Розалией Марковной собственниками плехановских материалов, и передача была произведена и от их имени. Все это осложняло вопрос.

Надо еще добавить, что не совсем правильно было бы говорить об отсутствии интереса у библиотечного начальства к нашему филиалу. Нет, оно проявляло к нему большой, я бы сказала, даже слишком большой интерес, но интерес весьма односторонний. Не один раз являлись к нам представители дирекции, а то и сам директор, обходили все комнаты, внимательно их разглядывали и, посоветовавшись в сторонке между собой, уходили. О работе, о читателях — ни одного вопроса. Что же их интересовало? Помещение. Библиотека задыхалась в своем здании, искала выхода, и вот этот, хоть и незначительный, выход не давал им покоя.

Кому нужен Дом Плеханова? От него одно беспокойство. «Слишком широко живете», — говорили они. Можно было бы перевести в это здание какой-нибудь отдел или устроить квартиры для сотрудников, которые жили на территории центрального здания, на Садовой. Наконец, можно устроить в нижнем этаже общежитие.

Когда я узнала о последнем плане, я решила этого безобразия не допустить. И действительно, будучи в Москве, я зашла в Министерство культуры (или как там тогда называлось наше начальство), рассказала об этом плане, и мне заявили: «Если что-нибудь подобное будет — немедленно звоните нам». Я передала эти слова директору — Ракову⁴⁰. Он был возмущен, что я действовала через его голову, но, очевидно, предостережение подействовало. Все-таки через некоторое время большой читальный зал нижнего этажа, стоявший без дела, отделили наглухо от остального помещения и устроили в нем жилые квартиры. Против этого протестовать было невозможно. Мы были вправе отстаивать от посторонних элементов только территорию учреждения.

Между прочим, после войны у нас разместился временно весь соседний филиал — и против этого мы не возражали. Потом его перевели в центральное здание, а у нас сохранялось *status quo*. Но Дом дышал на ладан. Прикончило же его следующее.

В это время в Библиотеке книжные полки отдела, именуемого Отделом специального хранения (спецхраном) буквально ломались от изъятых книг. Каждый раз поступали все новые и новые печатные приказы с перечнем новых изъятий. Что только туда ни попадали! И вот, в один прекрасный день явилась какая-то проверочная комиссия и обнаружила на стеллажах [имеется в виду хранилище в здании на Садовой — публ.] целый ряд книг, которым полагалось находиться в спецхране.

Начальство перепугалось — это грозило большими неприятностями. И тут вспомнили о Доме Плеханова. Надо посмотреть, что там делается. А делалось там, разумеется, неладное. Ведь Плеханов был меньшевиком, и ясно, что в его архиве и библиотеке должно было находиться много «опасных» материалов. Но именно это-то и создавало для него особое положение в Библиотеке. Пока была Розалия Марковна, никаких изъятий у нас не делали. Верней, изъятия были, но из Дома ничего не выносилось. Все архивные материалы и книги, не подлежащие выдаче

читателям, все же оставались на территории Дома и хранились в особом шкафу⁴¹, стоявшем у Розалии Марковны в столовой. Ей доверяли, знали, что эти материалы не попадут в руки читателей.

После отъезда Розалии Марковны положение долго оставалось прежним. Но как-то одна из наших сотрудниц, Владимирова⁴², секретарь парткома Библиотеки, дружески посоветовала нам сдать по описи наиболее одиозные материалы — письма Зиновьева, Каменева, Троцкого, Раковского и др. Они давно уже лежали в шкафу Розалии Марковны, но Владимирова говорила: «Спокойней, если они будут лежать в спецхране». Она тогда как раз была заведующей этого отдела. Мы послушались ее совета. Я только просила, чтобы эти письма хранили особенно бережно, чтобы они не пропали, не затерялись среди массы находившихся там материалов. Тем более, что кроме имен в этих письмах не было ничего страшного. Ведь переписка с большевиками могла быть у Плеханова только в период его сближения с ними на почве борьбы с ликвидаторством. И действительно, в письмах шла речь о статьях, которые Плеханов писал и печатал в большевистской периодической печати. Материал интересный и ценный для его биографии.

Кроме этих писем, мы ничего в спецхран не отдавали. Мало того, мы даже не следили за новыми изъятиями — никто от нас этого не требовал. Ведь в сущности говоря изъятию подлежало, если не все, то очень многое. А мы считали, что люди, занимающиеся изучением Плеханова, неотъемлемого от его окружения, имеют право знакомиться со всеми материалами, что Дом Плеханова находится на особом положении. Так оно и было. Не могли мы сдать хотя бы такие ценные для биографии Плеханова и истории партии книги, как сборники «Группа «Освобождение труда»», хотя все эти шесть сборников в Библиотеке постепенно перекечевали в спецхран. Ведь позднее дошли до того, что все, написанное П.Б.Аксельродом, одним из основателей группы «Освобождение труда», ближайшим другом и соратником Плеханова, считалось одиозным, все — вплоть до его портретов. При таких условиях надо было либо предоставлять все эти материалы для пользования читателям, либо закрывать лавочку. Последнее решение, как самое простое и безопасное, очевидно, и было по душе дирекции.

Когда в Дом явилась комиссия во главе с директором для просмотра наших каталогов и картотек, она, конечно, немедленно накупила на опальные имена, особенно в нашей «Плехановиане»⁴³. Личная библиотека Плеханова особых страхов не вызывала, но, помимо нее, было много книг, поступивших уже после смерти Плеханова, и среди них много изъятых⁴⁴.

Напуганный результатами осмотра директор распорядился, чтобы новая комиссия, во главе с заведующей спецхраном, произвела тщательную чистку книжных, рукописных и иконографических фондов Дома. Комиссия работала довольно долго и основательно «почистила» фонды⁴⁵. Оргвыводы последовали несколько позднее. Об этом ниже.

Еще до всей этой пертурбации, в 1950 году, мы получили известие о смерти Розалии Марковны. Незадолго до отъезда за границу она написала завещание. В нем, между прочим, насколько мне известно, она высказала свою волю относительно дальнейшей судьбы Дома. Своим

преемником она хотела поставить Льва Григорьевича Дейча, либо меня, если его не будет в живых.

Завещание в запечатанном конверте хранилось в небольшом сейфе в «кабинете Плеханова». Как только получили известие о ее смерти, я поехала в Библиотеку и сообщила директору о том, что имеется завещание. Он немедленно при мне позвонил в горком партии и сообщил об этом. Какие инструкции он получил, я не знаю. Но прошло несколько дней, и неожиданно в Дом явилось несколько человек, очевидно представители горкома и исполкома. Они потребовали завещание, уселись вокруг стола в «кабинете Плеханова» и предложили мне удалиться.

Просидев при закрытых дверях с полчаса, они вызвали меня и заявили, что забирают завещание, а мне выдадут расписку за подписью члена нотариальной конторы, каковым оказалась пришедшая с ними женщина. Все это было сделано необычайно глупо и грубо, без всякого участия дирекции Библиотеки, которая так и не узнала никогда содержания завещания. Почему понадобилась такая таинственность, осталось для нас загадкой. Директор — Раков — был не только изумлен, но, думаю, и возмущен этим вторжением, так как, конечно, именно ему прежде всего было адресовано завещание в части, касающейся судьбы Дома.

Продолжаю о его судьбе, которая решалась уже без учета воли Розалии Марковны. Не помню уже в точности, когда это произошло, но на доске в Библиотеке появился приказ о моем переводе из филиала в центр, другими словами о моем удалении из Дома Плеханова. И это — без всякого предупреждения, без лишних разговоров — после двадцатилетней работы.

[...].

Материалы я должна была сдать Михалевой⁴⁶. Михалева — коммунист, в свое время работавшая в органах НКВД. Безупречный партийный работник, но придирчиво пунктуальная и формалистка. Мы проработали с ней довольно долго, проверили все рукописные и книжные фонды, каталоги и инвентари. Случались у нас и конфликты. Но тут обнаружилась у нее, как драгоценный подарок на фоне суровой бдительности, чудесная черта — доверие к человеку.

Неожиданно для меня, мы вдруг наткнулись на папку, на которой моей рукой было написано: «Читателям не выдавать» или что-то в этом роде. Это были материалы из архива Любимова с одиозными именами, в свое время выделенными нами из его переписки, о существовании которых я начисто забыла. А вслед за этим обнаружилась еще более компрометирующая папка с копиями писем Зиновьева, Каменева, Троцкого и других, давно сданных в спецхран. Я и не подозревала о существовании этих копий.

Михалева была явно расстроена, она видела, что для меня эти находки были полной неожиданностью и понимала, что я могла бы сто раз вынести их за пределы Дома так, что никто бы и не догадался об их существовании. Замолчать эти факты она не могла, да я и не рассчитывала на это, входя в ее положение. Она забрала обе папки, на другой день отнесла их к замдиректора Фирсову⁴⁷ и сказала ему, что абсолютно мне доверяет и не сомневается в моем неведении относительно

нахождения этих материалов в Доме. Он спросил ее, почему она так уверена во мне, и она сумела его убедить так что никаких неприятных последствий для меня эта история не имела.

После проверки она осталась в должности заведующей фактически закрытого Дома, а я перешла в Библиотеку. Официального приказа о закрытии филиала не было, да и не могло быть, поскольку дирекция не вправе была сделать такое распоряжение самостоятельно, без разрешения высших инстанций. Но все материалы были размещены в двух комнатах, надежно закрытых на ключи и замки, а Михалева приходила два раза в неделю, в качестве хранителя фондов, удостовериться, что все в порядке⁴⁸.

Ненормальность положения усугублялась тем, что на поступающие изредка письма с запросами отвечать не возбранялось. В общем, это было положение примерно по формуле: «ни мира, ни войны».

Дочери Плеханова ни о чем не подозревали. Я умышленно увиливала от прямого ответа, когда они интересовались делами Дома, так как не хотела, чтобы они подняли шум вокруг этого вопроса. Время было такое, что совсем нежелательно было, чтобы они стали требовать моего возвращения на пост заведующей Домом, а они, конечно, сделали бы это. Ведь им-то известна была воля Розалии Марковны. Так я лавировала в письмах долгое время. Директор (Барашенков⁴⁹) знал, что я держу их в неизвестности, и был, конечно, очень рад этому. Понимая, какие неприятности сулило их вмешательство в его, в сущности незаконные действия.

Прошло много времени, и положение резко изменилось. Изменилось отношение к Плеханову, и снова стал вопрос об участии Дома. На этот раз решение было для него благоприятное — утвердили довольно большой (с моей точки зрения, раздутый) штат и поставили во главе горе-заведующую, уже прошедшую через ряд ответственных должностей и снятую с них, как несправившуюся, — Ухмылову⁵⁰. Конечно, нам с Татьяной Зиновьевной было неприятно, что в Доме хозяйничают чужие люди. Неприятно и больно это было и дочерям Плеханова, приехавшим в это родное для них место и заставших там новых людей, пока ничем не завоевавших их доверия. И Ухмылову они, по-видимому, разгадали. Очень деликатные люди, они никак не выражали своего отношения к переменам в Доме. Я не хотела, чтобы они узнали о них по приезде, без предупреждения, и написала о том, что произошло, в последнем письме, накануне их выезда из Парижа. Потом, здесь уже, я объяснила им, в чем была истинная причина этих перемен. Из отдельных слов в беседе с ними, из довольно прозрачных намеков в письмах уже после их отъезда, ясно было, что они чувствовали себя в Доме, среди новых и по-видимому не очень симпатичных им людей, не очень уютно. К тому же Ухмылова, проявляя неуместную бдительность, держала себя довольно бестактно, считая, очевидно, что она обязана присутствовать на всех их встречах и свиданиях с друзьями, при всех их разговорах со старыми сотрудниками Дома. Но они сумели тут, при всей своей деликатности, проявить известную твердость и отстоять свое право на свободное общение с близкими людьми без посторонних свидетелей.

Я стала работать в социально-экономической группе справочно-библиографического отдела.

Не скажу, чтобы я хорошо себя почувствовала сразу в новом коллективе. Работа была для меня новая, незнакомая, люди чужие. С моим слухом вообще трудно включиться в жизнь коллектива, да и по возрасту я к нему не подходила. Но народ был симпатичный, и мне было неприятно чувствовать себя чужеродным телом.

Первое время мне просто не повезло. И работа была не по мне, и сотрудница, возглавлявшая эту работу, вела себя не слишком чутко и тактично. Мне не хочется останавливаться на этой, довольно скучной странице моей биографии. К счастью, через некоторое время эта работа вообще прекратилась, и я стала заниматься более интересным для меня делом. А тут неожиданно в мою жизнь ворвалась новая струя.

Как-то меня вызвали в секретариат дирекции и сказали, что со мной хочет повидаться Вера Александровна Фомина. Я припомнила, что у нас в Доме долго работала над диссертацией о Плеханове какая-то Фомина. Очевидно, это была она. Я не знала, что с тех пор она стала видным работником, профессором [доктором. — Публ.] философских наук.

Спустившись вниз, я увидела уже немолодую женщину, которая встретила меня необычайно ласково и сердечно. Оказалось, что она только что вернулась из командировки в Америку, а теперь опять уезжает на некоторое время за границу. Мы долго беседовали с ней, и она рассказала между прочим, что написала книгу «Философские взгляды Плеханова»⁵¹, что книга уже в наборе, но она уже не сможет прочесть корректуру, так как на днях уезжает. Между тем, у нее есть ряд сомнений, которые надо разрешить. И она передала мне листок с вопросами, прося выяснить и уточнить некоторые факты и библиографические ссылки. Я пообещала, что сделаю это и отошлю в издательство, Потом она сообщила, что Госполитиздат предполагает выпустить избранные философские произведения Плеханова в четырех томах, и что этот вопрос будет решен в ближайшее время. И добавила: «Мы непременно привлечем вас к этой работе».

Я отнеслась к этому довольно скептически, как-то не представляла себе, что это будет за работа, и справлюсь ли я с ней.

Прошло некоторое время, и в Ленинград приехал наш редактор Иовчук, который подтвердил, уже конкретно, что издание четырехтомника (превратившегося позднее в пятитомник)⁵² включено в план на ближайшее время. Он повторил предложение Фоминой относительно моего участия в этой работе, но добавил, что, конечно, мне одной не справиться, и спросил, не могу ли я привлечь к этому делу еще кого-нибудь. Я пока что относилась к этому проекту скорей со страхом, чем с вдохновением. Не уверена была, что справлюсь: специальная философская тематика, и как работать в отрыве от материалов «Дома», находясь на территории Библиотеки. Наконец, кого привлечь?

Тут на помощь мне пришла одна из сотрудниц нашей группы, милейшая Лидия Александровна Шохор⁵³, к которой я относилась и отношусь с большой симпатией. Она подсказала мне, что к этой работе надо обязательно привлечь Исаака Самуиловича Беленького⁵⁴, который с охотой согласится, так как очень интересуется Плехановым и писал о

нем дипломную работу в университете. К тому же он окончил философский факультет.

Я так и сделала. Пока, правда, речь шла только о принципиальном согласии, т. к. официального предложения мы еще не получили. Беленький согласился, и видно было, что перспектива этой работы очень его привлекает.

Еще через некоторое время я получила уже официальное письмо от знакомой мне еще по работе над «Литературным наследием» заведующей философской редакцией Госполитиздата. Письмо было совершенно нереальное, с указанием каких-то фантастических сроков выхода томов. При этом, работа, возлагаемая на подготовителей, была чрезвычайно сложная и трудоемкая — выверка и установление подлинных плехановских текстов, комментариев и именной указатель. Я ответила, не отказываясь в принципе от участия в этой работе, что в указанные сроки даже думать нечего справиться с ней. Притом, мы же находились на службе в Библиотеке. Когда же работать?

Для разрешения всех сомнений издательство прислало к нам своего редакционного работника Веру Ивановну Козерук. Это была очень милая женщина, выдержанная и спокойная, но настойчивая и, видимо, решившая во что бы то ни стало добиться своего и уладить все сложные вопросы. А главная сложность была в том, как сочетать нашу служебную работу с работой по договорам. Ведь получать одновременно гонорар и зарплату не разрешается. В свое время, когда мы готовили к печати «Литературное наследие», мы получали гонорар, хотя посвящали этой работе все служебное время. Правда, не только служебное время, но и много часов после конца рабочего дня. К тому же зарплата у нас была тогда мизерная. Теперь было не то.

Долго придумывали всякие выходы, и, наконец, Вера Ивановна отправилась к директору и добилась у него разрешения, пока для меня одной, работать над Плехановым в служебное время. А как быть с остальными — с Беленьким и Борисом Лазаревичем Якобсоном⁵⁵, сотрудником нашей же группы, философом по образованию, который тоже согласился принять участие в этой работе? О них двоих вопрос разрешился иначе — я поговорила с заведующим отделом кадров, и он предложил им, чтобы они время от времени брали за свой счет творческие отпуска. Конечно, это можно было делать каждый раз лишь с согласия непосредственного начальства, и не один раз они наталкивались на сопротивление, вызванное интересами того участка работы, который они обслуживали. Но, в конечном счете, все это не помешало им урывать довольно много времени для подготовки плехановских трудов.

Когда решались основные вопросы подготовки, я чуть не сделала грубой ошибки, и только настойчивость Исаака Самуиловича удержала меня от нее.

Издательство предлагало нам в первую очередь заняться установлением подлинных плехановских текстов. Я уже была несколько знакома с этой работой, так как в свое время Госполитиздат поручил нам (Дому Плеханова) выверку текстов ряда плехановских работ, которые выпускались массовыми тиражами. Занимаясь этой работой, я убедилась в том, что при ее огромной трудоемкости она не дает абсолютно

надежных результатов, что здесь очень много субъективного, и я боялась, не наши ли, в конце концов, получатся тексты вместо плехановских. Эти страхи имели основание, но были преувеличены. Перелгать это дело на издательских работников, как я хотела, было бы, конечно, неправильно. Только здесь, имея в своем распоряжении архив и научный аппарат Дома, можно было толково и добросовестно проделать такую работу. Пусть она не даст стопроцентной достоверности, но что она уточнит тексты, исправит немало ошибок, опечаток и ляпсусов, восстановит искаженные царской цензурой места — в этом я убедилась и была очень рада, что моя точка зрения не получила поддержки.

Работа над выверкой оказалась даже довольно увлекательной, так как в ее процессе нам открывалось многое из истории работы Плеханова над данным произведением, обнаруживались куски статей, ускользнувшие от внимания Д.Рязанова при подготовке им собрания сочинений Плеханова⁵⁶. Это дало нам возможность познакомить читателей с плехановскими текстами, если не абсолютно достоверными, то наиболее достоверными из всех опубликованных ранее, притом дополненными в ряде случаев совершенно неизвестными абзацами и библиографическими ссылками. Так что немалый труд, затраченный на эту работу, вполне себя оправдал.

Козерук уехала довольная, выполнив свою нелегкую миссию. Вскоре мы получили договора, и принялись за работу. Исаак Самуилович привлек к ней еще одного ценного сотрудника — Софью Михайловну Фирсову, кандидата экономических наук — умную и очень милую Сонечку. Она состояла на службе за пределами Библиотеки, так что никаких осложнений и препятствий для ее работы с нами не предвиделось.

Мое привилегированное положение скоро изменилось. После нескольких месяцев работы меня вызвала заместитель директора по научной части и поставила вопрос о незаконности работы по договору в служебное время. Она не высказывалась решительно, ничего не запрещала, но самые эти сомнения и колебания были мне неприятны. Поэтому я решила перейти на половинный рабочий день, оставив для себя свободные полдня. Товарищи отговаривали меня, но я считала, что так будет спокойней.

Теперь нас четверо — два философа, один экономист и я «одной прислугой». В общем, неплохо. Коллектив оказался удачный — и в смысле квалификации, и просто в обыкновенном человеческом смысле. Мы работали дружно, в полном контакте, помогали друг другу советом и делом. Бывали изредка и конфликты, но очень незначительные и быстро изживавшиеся. Исаак Самуилович, отличный работник, с большой эрудицией, был изрядно упрям и, кроме того, весьма равнодушно относился к срокам и обязательствам. Лишь бы было сделано хорошо, а когда это будет — несущественно. Никакие договорные сроки, никакие грозные письма и телеграммы из Москвы на него не действовали.

Остальные товарищи не разделяли такого его философского спокойствия. В особенности огорчало оно меня. Я, конечно, привыкла к тому, что договорные сроки часто не соблюдаются, но всему есть

пределы. Так или иначе, в течение трех лет, почти «без отрыва от производства» мы подготовили к печати, на мой взгляд, очень доброкачественное издание лучших философских работ Плеханова, явившееся безусловно, ценным вкладом в теоретическую литературу марксизма. Это было тем более важно, что вышедшее в конце 20-х годов 24-х томное собрание сочинений Плеханова стало уже библиографической редкостью, не говоря уже о том, что оно не было снабжено научным аппаратом.

[...]

Работа над пятитомником как бы завершила длинный период моей жизни, посвященный изучению плехановского наследия. Оглядываясь назад, я могу сказать, что мне очень повезло. После долгих метаний и поисков путей, на которых я могла бы наиболее плодотворно использовать свои возможности, я натолкнулась на работу, очень отвечающую моим склонностям. И худо ли, хорошо ли я ее делала, я всегда считала, что на мою долю выпал счастливый лотерейный билет. Ведь много ли существует таких интересных архивов, как архив Плеханова — теоретика марксизма, искусствоведа, литературоведа, блестящего стилиста и непревзойденного полемиста? И очутиться у самых истоков марксистской теоретической мысли, причем получать все материалы в свои руки, без постороннего вмешательства, при равнодушном попустительстве библиотечного начальства? Это ли было не счастье? Пусть мы барахтались в начале нашей работы, пусть было трудно, но мы никогда не пожалели об этом.

Положение «знатной иностранной концессии на территории ГПБ» нас очень устраивало. Именно это существование «на отшибе» определило лицо Дома и помогло нам справиться с многими трудностями. Теперь все это уже позади, и я только могу пожалеть о том, что в жизни не повторяется — ни хорошее, ни плохое.

На днях я слушала по радио рассказы Аграновского «Разные смелости». Один из них о старом пилоте, смелость которого опиралась на многолетний опыт летчика-испытателя. Эта профессия имеет свой предельный возраст, примерно сорок пять лет. Пилот же, о котором идет речь, перешагнул уже за шестой десяток. Его тридцатилетний опыт обеспечивал ему всеобщее доверие и уважение. Тема рассказа — попытка пилота поднять самолет значительно выше «потолка». Люди, наблюдающие за его полетом на аэродроме и не знающие его намерений, замечают что-то неладное — самолет снижается, почти падает, потом снова взлетает вверх, на значительно большую, чем обычно, высоту. И вот он устремляется вниз, и все бегут навстречу, чуя катастрофу. Пилот выходит из кабины смертельно бледный, и с горечью говорит, что наступил конец его полетам, что он дважды потерял сознание, поднявшись в стратосферу, что кислород не оказал на него никакого действия. Значит, надо прощаться с полетами, с испытаниями, со всем, чем он жил три десятка лет.

Все окружающие понимают его трагедию, но ничем не могут его утешить. И в этот момент все видят, как по летному полю бежит страшно взволнованный человек. Он подбегает, задыхаясь, к группе, окружающей пилота и кричит: «Это я во всем виноват. Я забыл включить кислород в кабине». Автор целомудренно обрывает на этом

рассказ. Он не говорит о том, как старый пилот схватил в объятия этого незадачливого механика, забывчивость которого чуть не стоила ему жизни. Это происходит уже за кулисами.

Для чего я привела этот рассказ в заключительных строках моих воспоминаний? Для того, чтобы сказать, что мне уже не приходится рассчитывать на забывчивость моего механика, которая могла бы спасти от трагедии старости. А трагедия эта, хоть и не новая и ежедневно разыгрывающаяся на наших глазах, очень страшная. И особенно страшная для тех, кто, казалось бы вопреки всем законам естества, остается до последней возможности на своем посту. Пусть не кажется тем, кто даже завидует этой сохранившейся трудоспособности, что вот, мол, они не доживут до такой старости. Нет, все равно, пока что они молоды, а там видно будет. И последнее, что я скажу, — и это самое тяжелое — плохо тому, кто до глубокой старости не успел до конца изжить свою молодость. На этом ставлю точку.

РНБ. АДП. Ф. 1452. Оп. 1. Ед. хр. 3.

Примечания

²⁵ В 1920-е гг. ПБ, с целью уменьшения напряженности в работе читальных залов в Главном здании, приближения книги к широким кругам читателей и рационального использования переданных ей вместе с помещениями библиотек, организует ряд филиалов. После Октябрьской революции ПБ было передано здание бывшего Императорского Вольного экономического общества вместе с фондами его библиотеки. На ее базе был образован филиал ПБ — Библиотека народного хозяйства (в последующем — местного хозяйства и краеведения). С 1951 г. эти помещения занимает Академия культуры.

²⁶ *Климович В.О. (Иосифович)* (1885—?) — библиотекарь. В ПБ в ДП работал с 1939 по 1942 г. Вел библиографическую, каталогизационную и техническую работу по составлению картотеки «Плехановиана». Климович, немец по национальности, был выслан из Ленинграда в августе 1942 г.

²⁷ Последний из напечатанных сборников «Литературное наследие Г.В.Плеханова» (Сб. 8. Ч. 1) вышел в свет в 1940 г. В ДП хранится корректура второй части восьмого сборника. Материалы, подготовленные для девятого — одиннадцатого сборников, впоследствии были использованы при издании «Философско-литературного наследия Г.В.Плеханова» (Т. 1—3. М., 1973—1974).

²⁸ *Купреянова Е.А.* (1882—?) — библиотекарь. В ПБ в ДП работала с 1935 по 1940 г. Занималась инвентаризацией и каталогизацией архивных материалов, участвовала в составлении «Плехановианы».

Семенова Е.Э. (1885—?) — библиотекарь-машинистка. В 1925 г. принимала участие в подготовке к печати сборников «Группа «Освобождение труда», издававшихся Л.Г.Дейчем. В ПБ работала с 1925 по 1956 г., в ДП с 1928 по 1950 г. Расшифровывала рукописи писем иностранных корреспондентов Г.В.Плеханова. В качестве библиотекаря занималась библиотечно-технической обработкой и каталогизацией новых поступлений, вела каталоги. Работала в группе по созданию коллекции «Ленинград в Великой Отечественной войне».

У автора ошибка, имеется в виду *Иванова А.И.* (1891—?) работала в ДП с начала 30-х годов до 1941 г.

²⁹ *Каратыгина В.А.* (1896—1966) — библиотекарь, библиограф. В ПБ работала с 1938 по 1966 г. Заведовала II филиалом ПБ — Народного хозяйства на базе б-ки Вольного экономического общества. В годы блокады руководила работой по созданию коллекции «Ленинград в Великой Отечественной войны». После

войны работала главным библиографом консультационно-библиографического отдела.

³⁰ Решение об эвакуации в Мелекесс наиболее ценных частей книжных и рукописных фондов ПБ было принято СНК СССР 6 июля 1941 г. 7 июля это решение было получено в Библиотеке, и уже 20 июля эшелон с ценным грузом отбыл из Ленинграда. В эвакуацию были отправлены фонды Отдела рукописей, коллекции изданий произведений классиков марксизма-ленинизма, вольной русской печати, старопечатные книги, «Пушкиниана», русские книги XVII в. и первой четверти XIX в., фонд «Россика», библиотека Вольтера, инкунабулы, отдельные части фондов литературы народов СССР, картографии, эстампов, иностранной литературы. Эвакуации подлежали также архив ДП и личная библиотека Плеханова. Все эти фонды были упакованы в 3498 ящиков большой вместимости, из них 9 ящиков составил архив и 40 — библиотека Плеханова. Эвакуируемые фонды сопровождали 14 сотрудников (с членами семей 38 человек). Из эвакуации первая партия материалов прибыла в Ленинград 6 октября 1945 г. (ЦГАЛИ. СПб. Ф. 97. Оп. 3. Ед. 594, 595, 1052).

³¹ *Бриллиант В.А.* (1883—1969) — юрист, географ, библиотековед, библиофил. В ПБ работал с 1921 по 1953 г. — гл. библиотекарь, затем — зав. отделом картографии.

³² О работе ПБ в годы Великой Отечественной войны, об эвакуации фондов, о работе и жизни сотрудников в Мелекессе см.: В память ушедших и во славу живущих: Хроника событий, 22 июля 1941 — 9 мая 1945 / РНБ. СПб., 1995. 524 с.; В память ушедших и во славу живущих: Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941—1945 / РНБ. СПб., 1995. 274 с.

³³ *Кашменский Н.И.* (1886—1953) — экономист, библиограф. В ПБ работал с 1941 по 1953 г. в должности плановика-экономиста. С 1949 по 1951 г. исполнял обязанности Ученого секретаря Библиотеки.

³⁴ «200 блокадных грамм» — это норма выдачи хлеба служащим и иждивенцам с 12 октября до 13 ноября 1941 г., для рабочих и ИТР она составляла 400 г., с 13 ноября норма выдачи снизилась до 150 и 300 г. соответственно. Самые низкие нормы были установлены с 20 ноября по 25 декабря 1941 г.: рабочим и ИТР — по 250 г., служащим, иждивенцам и детям до 12 лет — 125 г. 25 декабря 1941 г. — первое повышение норм: рабочим и ИТР — 350 г., всем остальным группам населения — 200 г. В состав блокадного хлеба входили: овсяная, ячменная, соевая, кукурузная, рисовая мука, жмых, отруби, обойная пыль, мучные сметки, пищевая целлюлоза. Подробные сведения об организации снабжения города в условиях блокады дают документальные материалы. В историографии обороны Ленинграда необходимо отметить два сборника документов (всего два!): 900 героических дней: Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. М.—Л., 1966; Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. СПб., 1995.

³⁵ *Егоренкова Е.Ф.* (1907—1966) — востоковед. В ПБ с перерывом работала с 1940 по 1951 г., в 1940—1941 г. — Ученым секретарем, 1941—1946 гг. — директором, 1949—1951 гг. — зав. отделом систематизации и предметизации. С 1951 по 1966 г. возглавляла библиотеку Военно-медицинской академии.

³⁶ Имеется в виду визит в США Председателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущева по приглашению президента США Д.Эйзенхауэра с 15 по 27 сентября 1959 г., имевший огромный общественно-политический резонанс в мире.

³⁷ В воспоминаниях Е.С.Коц названа фамилия человека, которого она подозревает в доносительстве. В публикации она не приводится, так как подробности данного дела остались за пределами воспоминаний; документов, подтверждаю-

щих справедливость таких подозрений, нет, однако известно, что этот человек был репрессирован.

³⁸ Чухман С.И. (1888—1966) — в 1912 г. окончила Высшие женские курсы в Петербурге. В ПБ работала с 1942 по 1952 г.

³⁹ Предметно-тематический указатель помет Г.В.Плеханова на книгах личной библиотеки является вспомогательным к алфавитному каталогу книг и периодических изданий этой библиотеки. Выполненный в форме картотеки, он насчитывает около 8000 карточек, раскрывающих пометы Плеханова по содержанию в форме предметных рубрик, расставленных в алфавитном порядке. Рубрики указателя составлены из слов, взятых непосредственно из помет Плеханова или из текстов, к которым эти пометы относятся. Е.С.Коц скромно оценивает свой труд, но и по сей день этот указатель является незаменимым пособием при работе с книгами личной библиотеки Г.В.Плеханова.

⁴⁰ Раков А.Л. (1904—1970) — историк. До 1941 г. научный сотрудник Русского музея, ученый секретарь Государственного Эрмитажа. В 1941—1944 гг. лектор фронтового Дома Красной Армии. С 1944 по 1947 г. зам. директора, начальник военного отдела и директор Музея обороны Ленинграда. С 1947 по 1950 г. директор ПБ. В 1950 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР на двадцать пять лет лишения свободы. Отбывал наказание с 1950 по май 1954 г. Освобожден в связи с прекращением дела. В 1954 г., согласно приказу министра культуры РСФСР, был откомандирован в распоряжение Министерства культуры СССР для использования на работе по специальности.

⁴¹ Работа с идеологически «вредными» изданиями в ДП началась в 1935 г. Был выделен «секретный шкаф», составлены списки литературы, подлежащей хранению в нем, правила пользования; каждый раз при его вскрытии составлялся акт (первый подобный акт относится к 13 мая 1935 г.), в него помещались вновь арестованные издания, и он снова опечатывался.

⁴² Владимирова Е.В. (1902—?) — библиотекарь. В ПБ работала с 1926 по 1954 г. В 1931—1933 гг. была прикомандирована в ДП для работы с книжными фондами.

⁴³ Картотека «Плехановиана» в настоящее время состоит из двух частей: алфавитной и хронологической. В данном случае имеется в виду алфавитная «Плехановиана», содержащая библиографические записи книг, статей из сборников, периодических и продолжающихся изданий, материалов на правах рукописей, посвященных полностью или частично жизни и деятельности Г.В.Плеханова, на русском и иностранном языках. При ее составлении никогда не использовался принцип качественного отбора материала и из нее никогда не производились изъятия. Естественно, что к описываемому периоду в картотеке имелись карточки на произведенных запрещенных и репрессированных авторов, кроме того, она ярко отражала полемику, посвященную анализу трудов и роли Плеханова, которая велась в 20—30-х годах в научной и политической литературе.

⁴⁴ Имеется в виду фонд подсобной библиотеки ДП. Этот фонд начал формироваться со времени основания ДП и постоянно пополняется новыми изданиями. Несмотря на численно небольшой состав и ограниченную тематику, он представляет большой интерес для исследователей, работающих в области истории общественной мысли и революционного движения. В нем собраны издания с середины XIX в., есть материалы времен революции и гражданской войны в России, белоэмигрантские издания, собрание оттисков, копий, вырезок из печатных материалов, посвященных Г.В.Плеханову и дающих возможность ознакомиться с публикациями, отсутствующими в фондах РНБ (прежде всего, это относится к трудам зарубежных авторов); имеется ряд работ, хранящихся на правах рукописей.

⁴⁵ В 1951—1955 гг. в ПБ проводилась проверка, целью которой было «очистить фонды и каталоги ГПБ от идеологически вредной литературы». Начало изъятий изданий и архивных документов из фондов ДП относится к октябрю 1948 г., когда по акту было исключено 194 названия печатных изданий, в т. ч. 23 из личных книг Г.В. и Р.М.Плехановых, и более 70 единиц хранения из архива Г.В.Плеханова. Всего в ДП имеется 11 актов о передаче литературы в фонд Отдела специального хранения и Отдела комплектования. Самые большие изъятия были в 1952 г. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. была проведена работа по возвращению из спецхрана в ДП архивных материалов и печатных изданий.

⁴⁶ *Михалева А.Н.* (род. 1910) — историк. Работала в архиве Министерства внутренних дел Удмуртской ССР. С 1947 по 1977 г. — сотрудник Отдела рукописей. В 1949 г. исполняла обязанности Ученого секретаря ПБ.

⁴⁷ *Фирсов Г.Г.* (1902—1990) — библиотековед, профессор. В ПБ, с перерывом на время блокады, работал с 1935 по 1955 г. зав. отделом каталогизации, зам. директора Библиотеки. С 1955 г. — профессор, зав. кафедрой ЛГИК им. Н.К.Крупской (ныне Академия культуры).

⁴⁸ Фактически, в ноябре 1952 г. ДП был закрыт. Законсервирована и опечатана картотека «Плехановиана», в дальнейшем предполагалось начать ее «изучение» по содержанию. Были опечатаны личная переписка Георгия Валентиновича с Розалией Марковной и все материалы, к ней относящиеся, архивы А.Г.Дейча и В.И.Засулич. 1 ноября были сняты вывески с дверей, ведущих в помещения ДП. Постепенное возобновление работы относится к 1956 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения Г.В.Плеханова

⁴⁹ *Барашенков В.М.* (1905—1983) — историк. Зав. кафедрой философии в Институте партактива Ленинграда, зав. кафедрой марксизма-ленинизма в 3-м медицинском и затем в Электротехническом институте им. В.И.Ульянова (Ленина). С 1952 по 1970 г. — директор ПБ.

⁵⁰ *Ухмылова Т.К.* (1893—1970) — историк-литературовед. В ПБ, с перерывом, работала с 1934 по 1961 г. зам. зав., затем зав. Отделом рукописей, зав. читальным залом, зав. ДП. Ею написаны ряд статей, посвященных характеристике литературного наследия Г.В.Плеханова.

⁵¹ *Фомина В.А.* Философские взгляды Г.В.Плеханова. М.: Госполитиздат, 1955. 344 с.

⁵² *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956—1958. Т. 1—5. Данное издание было осуществлено Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Госполитиздатом в соответствии с Постановлением ЦК КПСС «О 100-летию со дня рождения Г.В.Плеханова» от 16 октября 1956 г.

⁵³ *Шохор-Троцкая Л.А.* (1912—1983) — библиограф. В ПБ, с небольшим перерывом, работала с 1938 по 1978 г. Библиограф Информационно-библиографического отдела.

⁵⁴ *Беленький И.С.* (1920—1981) — философ, кандидат педагогических наук по специальности «Библиография и библиотековедение». В ПБ работал с 1948 по 1981 г. в качестве библиографа Информационно-библиографического отдела. В 1968 г. присвоено звание младшего научного сотрудника.

⁵⁵ *Якобсон Б.Л.* (1919—1996) — философ. Преподавал философию в Институте международных отношений в Москве, затем в Ленинграде, в Кораблестроительном институте. В ПБ работал с 1949 по 1984 г. в отделе систематизации, затем — библиографом в Информационно-библиографическом отделе.

⁵⁶ *Плеханов Г.В.* Сочинения: В 24 т. / Институт К.Маркса и Ф.Энгельса; Ред. и предисловие Д.Рязанова. М.—Л.: Госиздат, 1923—1928. (Библиотека научного социализма).

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ — НЕ НАШ ПУТЬ»

Письма Н.В.Устрялова Г.Н.Дикому. 1930—1935 гг.*

№ 25

Харбин

16 июня 1932 г.

Дорогой Гр[игорий] Никифорович.

Вот я снова дома — после месячного отсутствия. Съездил не зря. Исследовался в Рокфеллеровском Институте и Немецком Госпитале в Пекине. Результаты — весьма утешительны в том отношении, что никакой серьезной болезни у меня не нашли, и даже больше того: и колит объявили кончающимся. Сразу в корне изменили диету и дали есть почти все. Можете себе представить, с каким страстным восторгом поглощал я клубнику и мороженое, омлеты и котлеты, и прочие достаточно обыденные, но мне в течение почти трех лет недоступные вещи! И — чудо — от этой расширенной диеты стало мне не хуже, а, наоборот, лучше, так что в результате американцы вообще заявили, что я вполне здоров. По[-]видимому, они несколько упреждают события, но так или иначе, — пожалуй, еще поживем на этом грешном и милом, при всех его шероховатостях, свете.

На обратном пути с пятюк дней пожил в Хошитауре (путь в Пекин ныне лежит через Дайрен — прямого сообщения нет). Гурьбой обступили родные тени — Грек, Карнильцев, Савада, Дальнант, etc — и родные места. Парк был весь в цвету белой акации и глициний. Все на своем месте, и только вместо Имики-сан, которой, помните, мы донимали бедную т-те Калину, на ступеньках домика маячит другое личико, имени коего не успел усвоить. Так много и часто вспоминал там о нашем совместном тогдашнем житие! Что прошло, то будет мило, и — все-таки — мы были на три года моложе, что ныне становится все более и более существенно, — когда человек неудержимо лысеет, седеет... и едва-ли не пустеет...

Да, все труднее ей, бедняге, становится разбираться в окружающей путанице. Пессимистические оценки Ваших последних писем совпадают и с моими здешними впечатлениями. Правда, относительно местной, дальневосточной ситуации я не сказал бы, что б тут ощущалась близость военного конфликта. Думается, что в этом, по крайней мере, году войны не должно быть. Конечно, трудно предвидеть дальнейшие зигзаги японского правительственного курса, — но все же едва ли намерения даже и военной партии идут дальше Маньчжурии. Борьба военных с парламентской котерией Мицзя⁹⁵ и Мицубиси⁹⁶ имеет более

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 1999. №№ 1, 2.

внутриполитический, нежели внешнеполитический смысл. В политике и особенно фразеологии военных много «национал-социалистических» моментов. Что касается внешней политики, то тут вопрос, мне кажется ограничивается пока Маньчжурией. Возможно, что Иошизава пошел бы дальше по пути соглашения, чем военные. Литтан стремится здесь сыграть ту роль, которую Лэмпеон сыграл в Шанхае: помирить Японию с Китаем на компромиссе, дабы предотвратить китайско-советское сближение и послужить мировому делу окружения СССР. Весь смысл работ комиссии Лиги, несомненно, в этом. Намечалась и конкретная платформа: упразднение Маньчжу-Го⁹⁷, заменяемого автономной Маньчжурией под формальным суверенитетом Китая, но с фактическим преобладанием японского влияния. Нанкин, по[-]видимому, вытягивался в разговоры на этот счет, и Иошизава, с своей стороны, демонстрировал умеренность шанхайской уступкой. Теперь вопрос осложняется. Но если военные будут тверды в маньчжурской проблеме, то и им вряд ли охота ввязываться в войну с СССР. Последняя была бы возможна лишь как мировая, — одна Япония на нее не пойдет. Ну, а мировая по[-]видимому тоже не вытанцовывается, по крайней мере, в этом сезоне. Пока дело ограничивается организацией окружения. Все это очень интересно, хотя и хлопотно для современников. Хочется верить, что, по формуле Милюкова, «советское правительство окажется достаточно сильным» и т. д.

Здесьняя обстановка стала как будто несколько менее напряженной. Большинство арестованных выпущено. Плохо лишь на восточной линии — и не случайно: это в корне наращивало экспорт на восток! Западные районы систематически оккупируются японцами, равно как и район Суноари⁹⁸.

На дороге — тускло, бедно и относительно тихо. Я в отпуску до 20 июня. Библиотека существует и даже выпустила толстый том библиографии по китаеведению, который постараюсь Вам прислать.

После отдыха и лечения нужно приступать к работе для души. За эти дни прочел литературу молодежи, посланную за посл[едний] месяц: «Третья Россия», «Евразиец», «Млад[оросская(?)] Искра» etc. Все это, конечно, — «пленной мысли раздражение». Но что же делать, — по Сологубу⁹⁹, — «мы, плененные звери, — голосим, как умеем...».

Привет Вашим. Рад был получить от Вас — после большого перерыва — два письма. Крепко жму руку.

Устрялов

P.S. По какому адресу Вам писать?

№ 26

31 августа 1932 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Сегодня получил Ваше письмо от 29/VII, — шло оно, т.о., больше месяца.

Вот уже месяц как мы во власти наводнения, холеры и, что особенно ужасно, новой мечты: прежняя, китайская, ликвидирована, новая организована при непосредственной помощи наших кирилловцев,

фашистов и т.п. Советскую литературу и корреспонденцию перестали получать вовсе, иностранная проскакивает урывками. Велика была моя радость при виде Вашего письма!

Третий № [«]У-[твержден]й[»] еще не получил. Боюсь, что он произведет впечатление залежалого товара, если не прошлогоднего снега. Сообщите, в какой мере реален выход малого «Завтра». Тарас В[асильевич] говорит, что его краткая переписка с этими людьми посеяла в нем убеждение в крайней их неделовитости. А ргіоі^а я склонен ему верить.

По существу Ваших мыслей о нырянии в стихии должен сказать, что у меня идет совершенно аналогичный процесс мысли. Приходишь к этому выводу почти невольно — по методу исключения. Жить нам здесь становится все трудней и трудней, безотрадней и бессодержательней. Подрастают дети, которых нет смысла делать иностранцами. «Высказываться» практически бесполезно, а всякое честолюбие этого рода успело за эти годы повывдохнуться. Да, остается либо «писать для истории», либо... молча нырять. От нечего делать я сейчас пописываю заметки мемуарного характера — «что глаза мои видели»; потом, если доведется, начну их обрабатывать литературно. Пока печатать не собираюсь. Потом туманно подумываю о компилятивной книжке по современной философии культуры. Но больше — по тентетниковски, нежели всерьез и конкретно. Написал было одну политическую статью, — да, подумав, отставил.

Детей в этом году отдаю в местную сов. школу, пусть погружаются в среду, дышат родным воздухом: школа сейчас здесь советизирована до корня. Легче и естественнее будет им переезжать во свояси, — а этот час приближается.

Я служу по[-]прежнему — и за последние месяцы личный мой статус улучшился. Между прочим, портфель сл. о.д. на дороге нынче попал к очень милому человеку, моему коллеге по университету — вместе держали гос. экзамены, и он хорошо меня помнит. Теперь у нас самые добрые отношения. Разумеется, это обстоятельство не может спасти Библиотеки от сокращений и даже от упразднения, если того потребует vis major^б (безденежье), но все же оно не лишено немалой приятности. Просто чувствуешь себя вольготней и лучше.

При всем этом Вы правы, что не следует торопиться с нырянием. Следует ориентироваться на него и готовиться к нему всеми силами. Но не форсировать, не упреждать неизбежного. Здешняя информация о родных местах совпадает с Вашей: юдоль скудости и упрямого пафоса стройки. Жизнь трудна, а нашему брату — в особенности.

Но, несомненно, есть и светлые проблески. Заметили ль Вы новую и, в сущности, сенсационную ноту в некоторых официальных выступлениях: внимание к **личности** и ее запросам? Казарменный стиль утомляет и надоедает. В [«]Красной Нови[»]¹⁰⁰ печатает Пастернак¹⁰¹ «неактуальные» вещи, и вообще повеяло некоторым поворотом к «душе», — о, конечно, очень еще робком и неуверенным, но все-таки

^а Изначально (лат.).

^б Большая сила (лат.).

характерным. Как будто, меньше слышно об антиинтеллигентском терроре, времена 30 года отошли в прошлое... навсегда ли? всерьез ли?

В связи с этим хорошо бы продумать ближе тему о новом человеческом материале (Massenmensch etc^a). Все-таки штампованный «шоффер» Кайзерлинга¹⁰² — тип достаточно искусственный, ходульный, чтобы удержаться надолго. Он пройдет... и быть может скорее, чем можно было ждать.

За последний месяц здоровье мое определенно улучшилось, стал заметно «входить в тело» и возвращаться к жизни в ее непосредственных и милых выражениях. После бесконечного перерыва выпил даже как-то рюмку водки — и сошло благополучно. В другой раз выпил две — и лишь, как у чижика, с Фонтанки¹⁰³, зашумело в голове. На двух, правда, застыл, но и это — прекрасно. Играю в бридж изредка — с Калиной, Уструговым, Тарасом Вас[ильевичем], Миленкой. Гуляю с детишками в ближайшие скудные окрестности — и радуюсь каждой встречной травке. От бед общественных так отрадно искать утешения в микрокосме домашнего уюта и макрокосме natural^b! Это особенно ощущается после тяжелой болезни.

Привет вашим. Поздравьте Люсю¹⁰⁴ с окончанием средней школы. На днях во сне я видел себя в Париже... и плакал от умиления перед «святыми камнями»...

Пишите.

Ваш Устрялов

P.S. Знаете ли Вы, что Н.П.Пумпянский умер? Проф. Л.Н.Морозов переехал в Москву, Лом. — в Шанхай.

И **завтра** при ближайшем рассмотрении окажется **никогда**. — (быть может, никогда, — быть может, завтра?)

№ 27

4 октября 1932 г.

Дорогой Григорий Никифорович.

Пришло Ваше письмо из Vidauay от 15 августа. Шло оно полтора месяца и проскочило благодаря короткому светлomu промежутку на линии. Теперь же снова — блокада и с запада, и с востока: партизанщина. Действует лишь южная линия, и пожалуй скоро придется всерьез перейти на канадский путь!

Наводнение и холера кончаются. Конечно, край порядком разорен и перспективы безрадостны. Дядя Женя — пессимист ex officio^в — предрекает страшные вещи и твердит, что всем нам нужно отсюда уезжать, пока не поздно. Но, при всей сумрачности горизонтов, я все же не падаю духом, — быть может, оттого отчасти, что, подобно Фаусту,

^a Человек толпы и прочее (нем.).

^b Естественного (англ.).

^в По должности (лат.).

вернулся к жизни, после болезни, горшей, чем старость: ем, пью, веселюсь! Играю в бридж и читаю мемуарную литературу, строю умные планы и навещаю уютные погребки. Чем же еще жить — во время чумы?!..

Военная опасность, по[-]видимому, рассеивается. Трудно предположить, чтобы Япония ныне стала проявлять агрессию по нашему адресу — при бурлящей Маньчжурии, при международной изоляции. Нет, с этой стороны горизонт яснее.

На дороге — обычные серенькие будни. Готовится смета на 1933 год, в недрах вырабатываются контрольные цифры. Очевидно, предстоит новое сокращение жалования (оно сокращено сейчас на 30%) и, вероятно, новый нажим на штаты. Любопытно, однако, что за сентябрь доходы превышают сумму прошлого года, — южная линия работает усиленно, и бобы идут. Быть может, это отчасти объясняется гибелью значительной части урожая: закон капиталистической экономики!

Получил с прорвавшейся почтой [«]Утверждения[»] и [«]Новый Град[»]. С Вашей оценкой первых, в общем, согласен. Да, молодежи нужно прежде всего учиться. Ни талантами, ни знаниями, ни вдумчивостью она не блещет. Но все же grand-ton^a номера — сносный, несмотря на «оговорки непримиримости». Лучше утвержденческий сумбур, нежели младоросская четкость, уже вызвавшая приветствие Маркова Второго¹⁰⁵.

Статья Дмитриевского ниже ее автора. Неплохо сделанная с точки зрения журналистской, идеологически она слаба до убожества. В сущности, она даже и не касается самой проблемы, мною поставленной, и едва ли не целиком посвящена малеванию моего политического «портрета». Намалеван он бойко и довольно ловко, при помощи моих собственных красок. «Для контраста» рядом — силуэт Ильича¹⁰⁶. Но что из всего этого следует — неясно. Дмитриевский атакует позицию «государственной лояльности» и старых «Вех»¹⁰⁷ — во имя чего? Обычное для него самопротиворечие: «приятие» русской революции и «революционная» антибольшевистская трескотня, акафист «революционному» активизму — и в то же время признание, что «нам не надо начинать новой революции», цезаризм... и подмигивание младороссам, квази-гитлеровщине. Сумбур. Но прямо, аппетитно подано — особенно на неизощренный, невзыскательный вкус; не статья, а бочонок с отварными грибами: дух шибает в нос...

Быть может, я отозвался бы — вскользь — на эту статью, но на днях получил от Дм[итриевского] письмо, где он пишет, что она относится уже к прошлому: теперь «многое во мне изменилось... И на этот раз Вы (т. е. я) во многом оказались правы». Я отвечаю ему пожеланием скорее выступить публично с изложением новых своих взглядов («духовное возвращение на родину» — по его словам). Тогда — посмотрим.

Читали ль отзыв П.Н.Мил[юкова] на [«]Утв[ерждения]»? Нам с Вами решительно посчастливилось:

Старик Державин¹⁰⁸ нас заметил и, в гроб сходя...

^a Высокий стиль (фр.).

Как жаль, что нам не по восемнадцать лет, как Пушкину¹⁰⁹!..

Читали ли статью Федотова¹¹⁰ в 4 выпуске [«]Нового Града[«]? Если нет, пожалуйста, прочтите внимательно и напишите мне **подробно** о впечатлении и о том, что можно было бы мне по поводу этой статьи сказать. Она волнует и возбуждает мысль, влечет к глубинным предпосылкам политического мирозерцания, которые сам я не всегда рискую ворошить: все ли по их части благополучно и сведены ли концы с концами? Мы не были бы «поколением рубежа», если б некие живые конфликты не гнездились в отдаленнейших уголках и складках наших душ.

А если сможете, не откажите выслать мне почтой четвертый № [«]Н[ового] Града[«], или хотя бы вырезку федотовской статьи. Здесь всего лишь один экземпляр этого номера — в подягодской библиотеке. Буду Вам очень признателен.

Крепко жму руку, привет семье. Quand m^{ême} не теряйте связи с утвержденцами. Всего лучшего.

Ваш Устрялов

№ 28

22 декабря [19]32 г.

Дорогой Гр[игорий] Ник[ифорович].

Наконец, прямое сообщение восстановлено, и наша письменная связь тоже имеет шансы наладиться. На днях получил Ваше письмо от 29 сент[ября], странствовавшее около двух с половиною месяцев. За эти месяцы отправил Вам два-три послания кружным путем; надеюсь, дойдут во благовремение.

Жизнь наша тутошняя бедственна, но в конце концов уже не до такой степени, как это должно казаться издали. Живем все-таки!.. И даже, несмотря ни на что, — продолжаем чувствовать вкус жизни. 2 месяца тому назад у меня неожиданно вдруг заболел позвонок, и в течение месяца пришлось пережить настроения смертельной опасности и рокового ожидания: рак, туберкулез, безнадежная myeloma¹¹¹, как у Пумпянского, или... невралгия спинного нерва? Так вот, соприкоснувшись с непосредственной угрозой смерти, достаточно остро ощутил прелесть жизни — и такой, как она есть... и с гораздо большею объективностью стал относиться к неурядицам социального порядка, нас окружающим. Теперь выясняется, что скорее всего болезнь оказывается невралгией... хотя: кто ее в конце концов разберет? Но боль заметно стихает, и если в ближайшие недели не вспыхнет снова, — и на этот раз, видно, уцелею И теперь с особенно сочным удовольствием рассматриваю по утрам синеву рассвета, и на небе — Утреннюю Звезду.

Несмотря на бедствия, — Библиотека все держится, и я вместе с нею! Смета сокращена до голоднейшего минимума, и все же! Разумеется, каждый день можно ожидать конца, но — ничего, живем! Жалованье сокращено до 200 р., но и на эту сумму (500 местн[ых] дол[ларов]) жить не только можно, но и Бог велит. Держится и

окружение, а Ник. Кост. тот даже вновь, после пятилетнего перерыва, устроился в Ком. часть, правда, скромно, но вполне реально. Это уже не только удача, — это, будем надеяться, симптом!

Объятый заботами и войною с собственной хворью, я как-то мало работал все эти месяцы. Планов было много — но свершить ничего не дано. Написал юбилейную статейку, не помню, посылал ли ее Вам; кажется, нет, и потому прилагаю ее к сегодняшнему письму: так, статейка как статейка, приличествующая юбилею. Написал было другую — о бесклассовом обществе — но внутренняя цензура обеих газет задержала, найдя еретической. А когда все-таки удалось протиснуть для напечатания в некую однодневную газету, тоже советскую (благотворительную) в пользу школы, — то не пропустила уже внешняя, маньчжурская цензура (*de facto*^a эмигрантская), найдя неприлично агитационной, красной. Вот и подите ж тут заниматься публицистикой.

Собираюсь заняться основной проблемой: плоды генеральной линии и положение нашего сельского хозяйства. Пожалуй, уже пора. Но сами понимаете, сколь трудна будет эта статья. Процесс все-таки идет по **третьей** линии, предусмотренной «новым этапом». Вы, конечно, правы, — так медленно и тяжело идет он! Что поделаешь с нашими лесными медведями!

Признаки экономического отступления власти налицо, это хорошо, но не хотелось бы возвращения к «стольпинской идее»¹¹². Сейчас колхозы становятся чуть похожи на старую общину: частно-хозяйственный полуколлективизм. Хорошо бы все-таки сохранить установку на крупное машинное земледелие, и хочется верить, что ее удастся сохранить. Но как сейчас трудно с инфляцией, нищетой, массовым недоеданием и прочее! Да, пожалуй, не дожدهшься просвета, который позволил бы, наконец, расстаться с нашим унылым полуэмигрантским житием.

На днях собираюсь читать публичную лекцию в Комсобе о нац[ионал-] социализме и Гитлере. М. б., в результате образуется большая журнальная статейка, хотя навряд ли: занят другой темой, социально-философской, большего охвата философско-исторического. Предполагаю напечатать в факультетских «Известиях». Как позволит здоровье. Факультет живет еле-еле, но живет. Читаем там почти бесплатно. Но и то ничего: тлеет кадило.

Насчет [«|Утв[ерждений»] еще раз: как они ни слабоваты, не рвите с ними. «Материально» помогать им не стоит, нечего и думать «входить» в их группировку, но общаться с ними, не связывая себе рук, — следует. И печататься даже, сохраняя все резервации. Не возражаю против напечатания «Нов. Града» (здесь и напечатаю в «Гер[ольде] Харбина», пусть сделают, при случае ссылку: №70, 71 и 72 за 1932 г.). Если напишу ответ Федотову, — пришлю и его. Теперь буду писать чаще и жду В[аших] писем. Привет семье.

Устрялов

Р.[S]. С Новым Годом!

^a Фактически (лат.).

8 февраля 1933 г.

Дорогой Гр[игорий] Ник[ифорович].

Это время усиленно занят статьей о нац[ионал-] социализме для факультетских «Известий», — не остается времени даже для обстоятельных писем. Статья почему-то плохо клеится: не то недостаточно материала, не то склероз мозга. Получил Ваше письмо от 25 ноября, спасибо. Дошла ли до Вас статейка Турбина и сделали ль Вы из нее какое-либо употребление? Слышал, что означенный Турбин не прочь написать еще одну статью на жгучие внутри-политические темы. Но — суждены нам благие порывы... Свершить же дано больше по части застольных бесед у Рагозинского, Гадуляна и прочих бессмертных (причислите сюда и Унтербергера). Дядя Женя недавно тоже посвятил специальное элегическое стихотворение этим нашим лохматым и милым беседам. Я думаю, что Вам их все-таки недостает?! Или в Париже тоже есть бессмертные, кроме сорока, и есть русские лентяи, подобные нам?..

В «П[оследних] Н[овостях]» выход «Завтра» анонсирован, но здесь журнала этого еще нет. Жду его с интересом. Думал о Вашем совете написать об «устряловщине», когда в прилагаемом номере Гун-Бао мысль эта оказалась предвосхищенной Лотановым (Линова). Правда, освещение темы — несколько иное.

Конечно, не плохо было бы осветить ее по другому, но, пожалуй, лучше это сделать не мне. Мне удобнее касаться ее, так сказать, косвенно, т.е. трактуя иные темы — без «самооглядки»: хотя бы вот посвятить статью проблеме «буржуазного реставраторства» и подчеркнуть, что, мол, не революция и не реставрация — а [«]реформация». Иначе — революция.

Но это не исключает статейки об «устряловщине» — именно в этом же смысле. Предлогом может служить хотя бы полемика Дмитриевского и Федотова. Не могли бы написать ее Вы? Вы, слава Богу, достаточно знакомы с этой темой. Повторяю, удобнее и лучше, если напишу об этом не я сам. Кстати можно было бы коснуться вот этого вопроса об «аморальности» столь грубо поставленного Лотановым, но мелькнувшего ведь и в статье Федотова. Конечно, «обвинение» в последнем счете не основательное, но позволяющее нам отметить всю неправомерность применения к историческому процессу плоскодонных моральных оценок, заимствованных из области индивидуальной этики. В статье можно было бы подчеркнуть морально-политический пафос «устряловщины», связанной с нашей «философией эпохи».

Посылаю Вам напечатанную сегодня в строго советских «Новостях Востока» статейку о Гитлере. Прежде, чем появиться, она прошла мытарства двух цензур — внутренней (весьма высокой, ибо низшие инстанции не хотели «взять на себя ответственности») и внешней (полицейской). Последняя выкинула две фразы, достаточно невинные, и в характеристике фон-Папена¹¹³ в фразе «контр-разведчик по воспитанию» вычеркнула слово «контр», — получилось нелепо: разведчик по воспитанию! Что касается цензуры внутренней, то в течение нескольких дней шла тщательная экзегеза текста, сопровождаемая внесением поправок, в свою очередь, исправляемых мною.

Наконец, компромисс оказался достигнутым, при чем я им доволен. Но... горек жребий русского журналиста вообще, а в Маньчжурии в частности!

Здесь дела «развиваются нормально». Внедрение японцев продолжается. Сопротивление иррегулярных китайских войск в значительной степени сломлено, хотя хунхузничество далеко не изжито. Не знаю, оправдается ли акция экономически (думаю — нет), но в бытовом и административном отношении мы уже довольно заметно японизируемся. На Зеленом Базаре — целый квартал японских веселых домиков, рынок наводнен дешевыми японскими товарами, учреждения насыщены японцами. Русские хлынули было изучать японский язык, рассчитывая на применение имеющихся получить знания, но теперь уже разочарованно охладевают к тому делу, убеждаясь, что в ходу будут не русские, знающие японский язык, а японцы, знающие русский. Наш японский институт может гордиться: его воспитанники бурно делают карьеру, и все растет количество желающих поступить в него.

Ну, вот, такие-то дела. Что же написать о России? Как-то тяжело теперь даже и думать о том, что там творится! Е.Е. особенно жестоко мучит нас всех своим пессимизмом и безотрадными прогнозами. Должен, однако, сказать, что и в среде даже коммунистов (низовых) упрямо обсуждаются грустные вести, непрерывно и непосредственно приходящие оттуда. Возродилась обстановка жизни 20 года, — трудно, трудно жить! Боюсь, что без коренного поворота курса не будет и **перспектив** улучшения: в сущности, именно это сугубо грустно. Исторически можно оправдать страдания и беды, если они — «к спасению». Но тут выходит, что ни тракторы, ни индустриализация — сами по себе не вывезут. Глупый фарс с новым нелепым покаянием правой троицы можно было бы воспринять весело, будь он симптомом поворота направо. Но поворот должен быть решительным, чтобы стать эффективным. Иначе ничего не выйдет. Как бы хотелось ошибиться в этом пессимизме! Ну, всего лучшего, привет А.А. и детям.

Ваш Устрялов

* Если эту статью можно где-нибудь использовать, — вполне предоставляю ее В[ашему] усмотрению.

№ 30

18 апреля 1933 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Давно Вам не писал. Все это время, вернее, все «свободное от занятий время» пришлось уделять большой статье о нац[ионал]-социализме, которая будет напечатана в 10 томе [«Известий[»] Юрфака и тут же выйдет отдельной брошюрой — книжкой (оттиски). Получается четыре печатных листа весьма убористого шрифта, формата [«Известий[»]. Писать было, да и есть (статья еще не совсем кончена) нелегко, так как в Харбине нет, или почти нет национал-социа-

листической литературы, кроме Mein Kampf¹¹⁴ Гитлера и еще трех-четырёх брошюр. Приходится рыться в журналах и газетах, клевать по зернышку. Помимо того, трудно писать о явлении, пребывающем в состоянии бурного развития. Тем не менее уже начал печатать, думаю, будет готово недели через три, — тогда немедленно пришло.

После некоторого отдыха думаю приняться за статью на федотовские темы, в связи с его статьями в [№]4 [«]Н[ового] Г[рада]» и [№] 51 [«]Совр[еменных] Записок[»]¹¹⁵. А затем — засесть за философию. Но — сами понимаете: суждены нам благие порывы, — свершить же дано — больше по части болтовни в кабачках за шашлычком и кавказским № 1. Да и то сказать: почему, пока можно, не посидеть и в кабачках?..

Второго [«]З[автра]» еще не получил: что-то долго! Слышно, Т[урбин(?)] не прочь послать еще одну статейку, темки есть!

Ваше письмо от 8/III получил. Не считаю, что молодежь непременно должна чураться пр[авого] уклona, — но согласен, что нужно соответствующую концепцию подать в привлекательном виде, т[ак] ск[азать] «с каперцами¹¹⁶ и оливками». Это да. Но по существу здесь уступок дурным увлечениям быть не может. Я не читал еще статьи Т[.-]Ш[.] и с интересом ее жду. Думаю, пора кончать все же с этого типа романтизмом, от коего в конце концов ведь и мухи дохнуть будут. Совершенно согласен с Вашей характеристикой наших домашних дел. Просто страшно ведь делается!

Мне кажется, что в мировой атмосфере конкретнее запахло темой **раздела России**. Ясно, что Гитлер превратит эту тему в поиск своей внешней политики. Соблазнительно разрешить европейское затруднение за счет Украины, Кавказа, Туркестана и Вост. Сибири. На наше счастье, Франция будет этому противодействовать, поскольку всякое изменение status quo^a в Европе может быть ей только невыгодным. Но, объективно говоря, раздел Китая и России может стать боевой программой послеверсальской партии, в качестве дополнения и исправления Версаля¹¹⁷. Что Вы думаете на этот счет?

А у нас раздражают без особой нужды англичан и продолжают суживать экономический базис власти. Ужасно. Несмотря ни на что, я продолжаю верить в неудачу всех этих планов раздела, но считается с ними приходится весьма серьезно.

Здесь у нас опять обострение обстановки, в некотором роде даже напоминающее 29 год. Опять крутой нажим на КВЖД. Трудно определить степень его серьезности (зондаж, или «в самом деле»), но тем не менее паршиво. Белые шумно кричат, что предстоит поход на Забайкалье, создание буферного государства Восточной Сибири, т[ак] ск[азать] русского Маньчжу-Го. И все радуются, животной гнусноватой радостью.

Едва ли эта радость имеет шансы реализоваться в нынешнем году. Известно, что такие походы рекламируются каждую весну. Но все же бесспорно, что советско-японские отношения далеки от желанной дружбы. После выхода Я[понии] из Лиги Н[аций] казалось, что должна

^a Существующее положение (лат.).

начаться эра сближения между ней и Москвой. И вот вместо нее — весьма и весьма рогатая здешняя обстановка!

Эта обстановочка рождает вновь и вновь желание расстаться с милым здешним краем — в котором прожил столько лет, говоря словами Есенина¹¹⁸. Но как это сделать? Видно, уж судьба застрять здесь, покуда шквал не решит вопроса, не спросясь что и как.

Выходит ли «Бюллетень Оппозиции» Троцкого? Если да, не могли бы Вы его для меня выслать? Я пытался сделать это через обычных своих контр-агентов, но почему-то неудачно. А Вы мне прислали из него интереснейшую выдержку. Деньги могу перевести любым способом, который укажете.

Поздравьте Лилю¹¹⁹ и пожелайте ей от меня всяческого счастья. Поздравляю с этим событием А.Л. и Вас. Кто же ее муж — иностранец или русский?

У нас в семье все тихо, дети растут и учатся в советской школе. В этом году заметно оживление: много собраний, лекций, бесед и проч. Всего лучшего, пишите.

Ваш Устрялов

P.S. Сейчас получил В[аше] письмо от 31/III и очень для меня ценную статью Потресова о Гитлере. Спасибо.

№ 31

7 июня 1933 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Наконец[-]то я закончил работу о нац[ионал-]социализме, которой был занят все свободное время за последние месяцы. Книжка выйдет на днях, и конечно я ее Вам вышлю незамедлительно. Сам я ею не удовлетворен. Пожалуй, надо было годик подождать: сейчас можно на эту тему писать статьи, но не книжки. Как всегда, самое трудное — оценка и заключение. Разумеется, последнюю главу будут ругать со всех сторон. Она очень отрывочна, кое в чем пожалуй неожиданна, отвлеченна. Но конкретнее написать было бы еще трудней, — я и решил сбежать в социально-философские джунгли...

Отложить на годик! Но мы здесь теперь живем буквально изо дня в день: день прошел, и слава Богу. И буквально не знаем, что готовит день грядущий: никогда еще не было так туго и безотраднo.

Совершенно очевидно, что русским тут приходит конец, кольцо стягивается неумолимо, — всем русским без различия веры и паспорта. Вы правы в Ваших пессимистических прогнозах, худшие возможности осуществляются. Это не 29 год, где можно было держать пари насчет исходов, — здесь, все, в сущности, бесспорно!

С весны наступление обозначилось вполне явственно. Ныне оно — в разгаре. Маневр с продажей едва ли его даже задержит. Если дело дойдет до конференции, конечно, на ней уже не будет медлительного [неразборчиво], и дело завершится в два счета. Но весьма возможно, что и двух счетов не понадобится, — обойдется и одним, безо всяких конференций.

Кончаемся. И национально, и персонально — это беда, пожалуй, катастрофа. Выдержка «Таймса»¹²⁰, на днях от Вас полученная, правильно оценивает положение. Радикальное изменение всей восточно-азиатской ситуации. Наши прошлогодние гадания не сбылись... **пока** во всяком случае. И они заставляют себя так долго ждать, что уже приказывают долго жить. Сила сопротивления Китая не оказалась особенно значительной. Последние известия о перемирии — громадный успех японской политики. Равным образом, мировое положение ей исключительно благоприятно. По[-]видимому САСШ сейчас, повернувшись лицом к Европе, кажут нам, в лучшем случае, спину. Идет ли речь о разделе Китая, просто ли он в мировой тени, — положение Маньчжу-Го укрепляется. А это значит, что Харбину уготована участь Мукдена, Дайрена, где русские обслуживают разве что веселые дома...

Это «крыло смерти» явно ощущается над всеми нами. Не хочется жевать эту тему и приводить красочные иллюстрации, — Вам самому ясно, что это так.

Что же делать? На «заштатные» надежд нет, — даже и в самом лучшем случае выдадут пустяки. Уцепиться не за что... Ну, **ничего, как-нибудь!** Только и остаются эти два национальных палладиума, два якоря спасения.

Сугубо худо, что **нет тыла!** Куда податься? Знаешь, что ведь никуда и никому там сейчас не нужен и ни к чему не способен — *gebus sic stantibus*. Вот это сознание особо удручительно. Ваши оценки по существу этого вопроса всецело разделяю. Е.Е. настойчиво требует **кричать** и даже **круто** обойтись с собственным прошлым — тринадцатилетним: мол, ошибались. По целому ряду оснований, мне это не только не улыбается, но представляется и ненужным. Но что нужно? Как Вы думаете? Вы как-то цитировали Серг[ея] Анд[реевича] Н. в одном из Ваших писем. Продолжаете ли думать, что он прав в своем совете?

Второго номера «З[автра]» я не получил, не дошел. Нередко не доходят теперь журналы и до Библиотеки. Письма доходят, но.

Как бы хотелось очутиться сейчас с Вами, подышать свежим морским воздухом, от коего радикально отвыкли тут все! Никогда еще не было такой духоты, как за последний год. Старожилы и метеорологи единодушно не упомнят.

Видите ли нашу здешнюю «русскую» прессу? 1929 — верх чистоты и благородства. Все, думаю, мировые рекорды побиты.

Ну, вот. Наши письма становятся скучны, — слишком провинциальны. Естественно, что русский Харбин сейчас похож на встревоженный муравейник. Видишь приближающийся ураган, и чувствуешь себя вполне бессильным.

Стается заняться философией, что я и собираюсь сделать. Ежедневно слушаем и читаем доклады в небольшом философском кружке. Может быть, что-нибудь и напишу, если позволят обстоятельства.

Попросите Ш. выслать мне второй номер «З[автра]». Привет Вашим.

Устрялов

№ 32

25 июня 1933 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Пришло Ваше письмо от 7 мая со вторым «З[автра]». А я незадолго послал Вам письмо с просьбой выслать этот 2[-]й №.. Теперь он у меня есть.

Должен сказать, что ответная статья Ш., действительно, неплоха. Пожалуй, тактически и в самом деле следует говорить о новом романтизме, вернее, как-то «формировать» новый романтизм. Действительно, процесс вряд ли пойдет **под флагом** п[рофессора] у[стрялова(?)]а и будет «иметь собственное имя». Но по существу все-таки я склонен посейчас думать, что основные рецепты п[рофессора] у[стрялова(?)] не перестают оставаться актуальными. Почему даже и не сказать этого — ну, с достодолжными оговорками, рассчитанными на «грубые и бурные силы», о коих Вы пишете? Я опасаясь, что «революционная» молодежь за облаками своего нового романтизма может вовсе оторваться от неумолимых факторов хозяйственной обстановки.

Впрочем, Бог с ней, с этой молодежью: сама-то она не весть какой фактор! Гораздо важнее, как обстоит дело там, на месте. Читая радужные сводки о себе, так хочется верить, что настанет, наконец, облегчение, что случится чудо, и снова, и снова сталкиваются в голове, как в 30 году, «патетика истории» с «голосом рассудка»! Но этот последний — все безжалостнее, все безнадежнее...

Вы правы: не время оспаривать Федотова. Взялся было за это, да перо тяжелеет в руке. Отчетливо ощущаешь вместе с тем некий несносный жизненный тупик. Подчас положительно завидуешь людям, свободным от этих старомодных душевных конфликтов, — хотелось бы «перестроиться» вплоть до того, чтоб по Есенину, «задрав штаны, бежать за комсомолом»¹²¹ ... и тут же констатируешь одышку!

Сейчас пришли еще два Ваших письма — одно окольное от 18/V и другое от 8 июня. В них Вы, в сущности, отвечаете на вопрос моего последнего письма, хотя и до его получения. Е[.]Е[.] за последнее время смотрит на дело, как Вы: пора кричать, довольно умолчаний и тактики, нужно сознаться в ошибках и отрясти соглашательский прах от ног. На днях об этом же говорил со мною Н[.]К[.]Ф. По[-]видимому, они идут еще дальше Вас.

Я понимаю всю трагическую серьезность этих настроений и этих аргументов. Порою я сам близок к тому, чтобы им поддаться (как видите, амплитуда колебаний нешуточна: от комсомола до... Но чем тщательнее об этом раздумываю, тем более убеждаюсь, что никаких **резких, демонстративных** перемен линии не нужно. Всякий такой резкий жест был бы либо обывательщиной, либо — неизбежно и невольно — актом солидаризации с политической эмиграцией. Наше положение таково, что мы не можем себе позволить вторичной смены вех: такие вещи в жизни проходят лишь раз. Повторение тут невозможно, самоубийственно. Да и по существу ни политическая эмиграция, ни политическое невозвращенство — не представляют собою ничего привлекательного. Это не наш путь.

Так что же делать? — Наша «сменовеховская» установка позволяет надлежащим образом оценить наличный курс без каких-либо резкостей и демонстраций. Мы никогда не были сторонниками генеральной линии нынешней марки, ни в какой степени не ответственны за нее политически, и ничто нам принципиально не препятствует отмечать ее темные стороны. Но было бы ошибкой эту критику превращать из «имманентной» в «трансцендентную»^а. *C'est le ton qui fait la musique*^б. Следует откровенно говорить о страшных опасностях, ныне угрожающих России, о призраке раздела и проч., но нам не нужно сходить с обычного нашего «тоноса», — мотива «приятия» не только «революции», но и выдвинутой ею конкретной власти. Я понимаю противоположные соблазны, но... приходится ведь в таких делах «смотреть на себя со стороны», а кроме того нам же нечего предъявить, нет у нас в кармане секрета спасения России. Вы правы: даже если признать, что «всякое, любое, пусть и самое ужасное средство лечения хорошо», — то и тогда следует констатировать, что «и этого средства не видно». Значит, и нечего искать средств в этом плане, — они могут найтись лишь в другом: в органических, внутренних силах самой страны, а также — отрицательно — в разрозненности и слабости ее врагов.

Вы сами намечаете выход в «новом грубом и жестоком произволе, который займет место старого», в «военном сапоге» и, как это ни странно, своеобразном романтизме этого военного сапога... Весьма возможно, что действительно таков и будет «выход». Это безотрадно для нас? — Что же делать? Все же это выход. Только бы не распад, разложение и раздел. Начинаешь по новому воспринимать кассандровы пророчества А.Р.Кутеля¹²², изложенные — помните? — в моей брошюрке «У окна вагона»¹²³. Вот впрямь смертельная опасность. И если «сапог» ее парализует, — слава ему!

Да, можно было бы найти надлежащий тон для высказывания. Но у меня здесь — дополнительно, очень серьезная трудность. Здесь в Маньчжурии советское влияние гаснет. Чрезвычайно бодрятся все виды эмигрантских групп. Многие сограждане спешат обменять паспорта и перейти на эмигрантское положение. С точки зрения шкурной, людям, не собирающимся в ближайшем будущем ехать в СССР, выгодно отмежеваться от всего советского, загодя доказать, что ты не верблюд, и проявить какие-то оказательства направо. При таких условиях, мне исключительно трудно высказываться публично даже и в том духе, который соответствует традиционному облику нашей позиции: не будет ли это выглядеть «рефлексом» новой местной обстановки? Я боюсь это утверждать, но мне показалось, что за аргументами Н[.]К[.]Ф[.] кроется — быть может, подсознательно, — именно этот мотив: нужно приспособиться к новой ситуации. Тем с большей осторожностью приходится отнестись к такого рода выступлению, и невольно хочется предпочесть ему — молчание. Ваше положение в этом отношении сейчас более выгодно: Вы независимы вполне! Отчего бы не попробовать Вам выступить с обстоятельной статьей, где сочетались бы исконные

^а Transcendens (transcendentis) — выходящий за пределы (лат.)

^б Таким звуком завершается музыкальное произведение (фр.)

предпосылки нашей позиции с учетом новой — советской ситуации? Никаких покаяний, никаких комплиментов по адресу эмиграции (скорее, наоборот), понимание революционной трагедии во всей ее величественности и всей ее глубине — и попытка вскрыть заложенные в новом социальном материале потенции спасения, а также, по возможности, его программу.

Читаете ли Вы советские газеты? — Для объективной ориентировки в процессе это необходимо, несмотря на все недостатки этих газет. Как ни плохо сейчас там, — эмигрантская информация, как всегда, слепа по отношению к положительным моментам процесса, все же не исчезнувшим же окончательно.

Да, дорогой Г[ригорий] Н[икифорович], трудно, трудно! Голова пухнет от дум, сомнений, надежд и огорчений. C'est la vie!..^a

Привет Вашим.

Письмо Н[.К.(?)]Ф[.] передам на днях.

P.S. На днях послал Вам два экз[емпляра] книги о нац[ионал-]соц[иализме]. Скоро пошлю еще один экз[емпляр] на всяк[ий] случай.

* Хотя в России, конечно, более действенны категории именно моего подхода, а не евразийского романтизма, — я имею в виду мышление политической России.

№ 33

14 июля 1933 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

С чувством искреннего удовлетворения читал Ваше письмо от 20 июня. Наши настроения и оценки по[-]прежнему совпадают, и это так отрадно, особенно теперь, когда здесь чувствуешь себя сугубо одиноким! В Вашем последнем письме отдельные эмоционально окрашенные фразы дали мне повод предположить, что Вы ближе к настроениям Е[.]Е[.], чем это оказывается на самом деле. В письме моем от 23 июня (надеюсь, оно до Вас дошло) я пытался информировать Вас о своей точке зрения. Наши мысли встретились... где-то в России, на какой-либо станции недалеко от уральского хребта!

Мне бы только хотелось все же коснуться лишь одного пункта Вашего письма — это Вашего мнения, что «стоит кричать и даже круто обойтись... со С[талиным(?)]..(далее зачеркнуто)». По-моему, не стоит ни слишком кричать, ни круто обходиться. Не преувеличивайте значения криков и крутых обхождений со стороны нашего брата: наши голоса слышнее именно тогда, когда мы не «кричим», а наше «крутое обхождение» неизбежно повиснет в воздухе неловким жестом и повлечет за собою резонансы, которых Вы сами справедливо опасаетесь (мы, — по недоразумению! — окажемся «вписанными в обреченную эмиграцию»). Подумайте об этом хорошенько, — я надеюсь, Вы со мной согласитесь. Тем более, что — надо это признать — внешняя политика советов доселе удачно противостоит опасностям окружения, вполне

^a Такова жизнь (фр.).

реальным, но все еще достаточно далеким от реализации. А внутренней генеральной линии — при всех ее уязвимых местах, относительно которых мы с Вами согласны — все же нельзя отказать в исторической логичности большого масштаба. Нельзя к ней относиться так, как это делают даже «Посл[едние] Нов[ости]» — как к невежественному головотяпству и бездарщине только. Борьба с деревней — поистине, титаническая эпопея, и если мы, с нашей точки зрения, предпочитали бы ей мир и лад, то из этого не следует, что нам нужно закрывать глаза на ее огромную и по своему осмысленную трагическую значимость. Итак, — критика, б[ыть] м[ожет], и острая, но **наша** и по философско-историческому тоносу, и по тактико-политическому стилю.

Здесь дела по[-]прежнему плохи. Но и здесь нельзя винить Москву, отступающую перед Японией, когда только что перед той самой Японией отступал весь мир! Тактика советов сейчас тут, по моему, безукоризненна, а что нам плохо, то что же делать: Вы трижды правы насчет «издержек процесса». Другое дело, — что раньше были допущены ошибки: в китайской политике. Ну, это дело сложное, и кто не ошибается? Да, впрочем, игра далеко не кончена.

Вы просите сообщить об общих знакомых. Т[арас] В[асильевич] живет тихо, но честь честью, промышляет какими-то коммерческими операциями (экспортирует чьи-то книжки в Германию), занимает бывшую квартиру и сдает две комнаты, чем в известной мере ее окупает. Бодрости духа не теряет и по[-]прежнему играет в бридж, давая каждый раз слово закончить в час и каждый раз засиживаясь до четырех. Н[.К.(?)]Ф[.] тоже в порядке. Витя кончил школу и стоит на распутьи: в Гонконг¹²⁴? в Политехникум? по торговой части?

Нилус все такой же. Несмотря на отсутствие службы, не унывает, и несмотря на все испытания, постигающие демократию, продолжает мужественно превозносить ее на всех диспутах. Окончательно эмигрантился, но у «организованной эмиграции» сочувствием не пользуется. Возжается с какими-то «демократами» (д[окто]р. Кауфман, еще человека два), крестрассами — для полировки крови и сомнительной популярности. Миленко все ожесточеннее играет в бридж в комсобе. Медведев вроде как бы бедствует, уповая на грядущий расцвет Маньчжу-Го и прилив иностр[анных] капиталов. Факультет наш влачит безденежное, но все же не лишенное субъективных приятностей существование. Сетницкий по[-]прежнему в Экбюро и фактически пропагандирует Федотова. Зефиоров в Шанхае, говорят, несколько оправился после появления там советского посольства. Ланонский тоже в Шанхае — пробивается жалкими уроками и жильцами[ом]. В.И.Лавров совсем бедствует[,] бедняга без службы и копейки. Спидельские как-то держатся, но на чем — трудно сказать: по кр[айней] мере, мне с Энгельфельдом по векселю (переданному банком Вр[еменного] Кредита) почти не платят. Штирнер с Феокт[истой] Ник[олаевной(?)] все такие же. По[-]прежнему часто с ним вижусь; страстно интересуется событиями в Германии и ярый противник Гитлера. И.С.Зарудный недавно умер. Кнух, как все подонки здешней политической эмиграции, конечно, — в [«]Харб[инском] Времени[»]. Тихомировы уже года два как уехали в Америку и там живут собствен-

ной вроде как прачешной. Трифонов перебивается секретарством в Политехникуме, увлекается худож[ественной] фотографией и пустой болтовней; но при этом по[-]прежнему мил. Устругов по[-]прежнему заправляет Политехникумом, Калина — службою Тяти¹²⁵. Изредка играю с ними в бридж. Вот, кажется, более или менее, все. Да, Энгельфред по[-]прежнему делает безрезультатные предложения барышням и дамам. И — увы — все стареют, седеют, лысеют... Зато детки — растут!

Крепко жму руку.

Устрялов

P.S. Прочтите непременно Шолохова¹²⁶ «Поднятая целина»!

№ 34

27 сентября 1933 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Что же это Вы совсем замолчали? Пришла от Вас открытка из Швейцарии и затем почти одновременно с нею письмо — и с тех пор ни звука. Не знаю доселе, дошла ли до Вас моя последняя книжка, посланная Вам дважды, а также получили ль мои письма? Сделаю еще одну попытку восстановить нашу почтовую связь.

Лето прошло для меня неудачно. В Бараме в начале июля в погоне за бабочкой (Аполлон¹²⁷) серьезно повредил себе ногу: лопнула какая-то артерия. Некоторая небрежность врача и меня самого привела поранение к тромбозу, и около двух месяцев пришлось пролежать пластом в постели. Теперь встал, и «инцидент исчерпан». Но... если начали рваться сосуды, сами понимаете, дело закатное!

Еще хуже обстоит вопрос в социальном разрезе. Обстановка вплотную напоминает те приснопамятные дни, когда мы с Вами совершали нашу Одиссею^a, прорываясь через кунчендзско-гончуньские заставы. Только теперь все это серьезней, гораздо, гораздо грозней...

Трудно без ужаса думать о новой войне. Но похоже, что неумолимый, роковой ход событий ведет к ней, делает ее все более и более вероятной. До недавнего еще времени в нее как-то не верилось, но последние месяцы и особенно недели решительно предостерегают от оптимизма.

Обстановка сейчас здесь такова, что лучше от общих вопросов перейти к частным.

Я по[-]прежнему состою на службе — на том же ампуа. Это обстоятельство — а также наш злополучный, при всей его симпатичности, дом — лишают нас возможности проехаться на этот сезон в Циндоо¹²⁸ или Шанхай. В Циндоо зимою жизнь особенно дешева, и было бы так приятно отдохнуть с годик у теплого моря, приводя в порядок впечатления, мысли и знания. Я бы это непременно сделал, но в настоящий момент уйти невозможно. Сделаю это, если судьба отпустит еще срок, еще передышку.

^a Odysseus (Одиссей) — богатые приключения, скитания (лат.).

Наш бедный партнер по бриджу и по успехам у Имики-сан стал жертвой исторического циклона и ныне в одиночестве читает историю Наполеона¹²⁹ и стихи Пушкина. Анна Михайловна, бедная, хлопочет о передачах и волнуется не менее, нежели тогда на морском берегу перед лицом той же Имики, — но только ныне иным волнением и по другому поводу... Причудлива судьба человеческая, — и тщетно всматриваешься в собственное будущее: ничего, кроме тумана.

При таких условиях, трудно говорить о литературных планах, но если уж говорить, то в этот сезон хотелось мне выпустить в свет книжечку статей на советские темы. Сейчас занимался внешне-политическими проблемами и подготовил даже лекцию на тему о пактах Литвинова¹³⁰, положении на Востоке Европы и в Европе вообще. Как это интересно и до чего эта лекция (или статья) уместается в рамки наших схем, нашего миросозерцания! И как много отрадного в новой ситуации: единый пан-европейский фронт вдребезги разбит, а Россия вернулась в Европу и стала веским положительным фактором равновесия. В сфере внешне-политической осуществились чаяния моей старой брошюры *Hic Rhodus[, hic salta!]*...^a

Ну, а в сфере внутренней политики? До зарезу хотелось бы поговорить с Вами на эти темы. Ощущаю здесь мучительное одиночество. Е.Е. глубже и прочнее уходит в обывательское мирное житие и прогрессирует в своем универсальном горе-скептицизме. Мысль Ник. Ал-ча развивается обычно в своеобразных направлениях и для конкретной ориентировки неспособна много дать. Думаешь один, сам с собою. Всегда радовался Вашим письмам, а вот и их нету, да и письмами по нынешним временам не заменишь живого языка: ходить бывает склизко по камешкам иным.

Ну, будьте здоровы, крепко жму руку, напишите! Если писали уже, то черкните в спец. письме «домашнего» содержания, — оно-то, нужно думать, дойдет.

Ваш Устрялов

№ 35

18 октября 1933 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Получил после длинного перерыва Ваше письмо от 19 сент[ября], спасибо, очень был ему рад. Настроение у нас, кажется, опять и опять — «конгениальное». Как и Вы, я сейчас не чувствую вкуса к выступлениям на большие внутренне-русские темы, но, подобно Вам, я утверждаюсь в **положительном** отношении к процессу в его целом. Чему я охотно теперь посвятил бы статью — это внешней политике Сов. Союза: уж очень она любезно выполняет наши старые *desiderata*^b и идет навстречу нашим прогнозам! Отличная могла бы получиться статья — с огоньком!

^a Здесь Родос (, здесь прыгай!) — слова из басни Эзопа (лат.).

^b Пожелания (лат.).

Но — приходится быть немым, как карась. «Выступать» — негде, и абсолютно не по сезону. Проводишь время в пассивном созерцании и бессильном размышлении. Живешь изо дня в день — «безвольной болванкой» объективных факторов. Так было со мной 15 лет тому назад в Перми — в дни германской революции и нашей гражданской войны: приходилось — думать, слушать и еще раз думать...

Обстановка сейчас здесь, сами понимаете, ультрасуровая. Разумеется, ни о какой «органической работе» говорить не приходится. На службу ходим, все, что полагается, проделываем, но все это, конечно, на холостом ходу, по инерции. Обвалы кругом, неразбериха врывается то туда, то сюда, конец — вопрос ближайшего времени. Каков будет этот конец и что он собою принесет?

Правда, мы — старые воробы, и ко многому привыкли. Так часто с разных сторон подкрадывалась опасность и заглядывала в глаза смерть, что уже отучаешься в соответствующих казусах предаваться острой тревоге. Охватывает полусонное безразличие, отвращение усталости: будь, что будет.

Досадно, что в такую минуту не чувствуешь себя органически, непосредственно сращенным с родною почвой, с кругом **своей** среды! Приходится положительно завидовать некоторым соседям по службе, обладающим таким *крепким берегом*: счастливы! А к нам доселе применимы старые строки Гиппиус¹³¹ — не в бровь, а в глаз:

Мы томимся — ни там, ни тут,
Дело наше такое — бездомное...
Петухи все поют, поют,
А лицо небес еще темное...

Паршиво. «Порок рождения». И, как, помните, писал еще Лежнев, — «болезнь сознания, не только изгнания». И хотелось бы вылечиться от нее, да как? В одном из Ваших прежних писем, которое на днях я перечитал, Вы советуете принять меры к переделке себя для действительного, подлинного приобщения к родной среде. Я сам об этом очень часто думаю, — тем более, что, казалось бы, рациональных оснований для оттапливания от этой среды все меньше. И все же, и все же...

Смирись, гордый человек! Но тут дело не в этом, во всяком случае, не только в этом. Очевидно, тут нужно не смириться, а «во второй раз родиться», как это бывало с великими мистиками и прочими людьми духовных «обращений». Иначе, в лучшем случае, отойдешь «в историю», как — на жизненном пути задумчивый прохожий...

Петухи все поют, поют, а мы ждем... и что мы можем делать, кроме как ждать? У нас и голоса, вероятно, ночные — чуждые и ушедшему дню, и идущему, если не пришедшему, утру.

Быть может, Вы правы, — и назревшие здесь события осветят, наконец, «лицо небес». Как хотелось бы выйти в этот грядущий «настоящий день», выйти из состояния бездомности! Чтобы уже окончательно и всецело ощутить себя «там» и ни в каком отношении не «тут»!

...Вот и раздумываешь на эти бесконечные темы «в свободное от занятий время» — а так как этого времени сейчас очень много, и даже служебные часы по большей части «свободны от занятий», — можете себе представить, какие ворохи набираются этого хлама дум!

А поговорить толком как-то не с кем. Здесь я остаюсь, право же, единственным настоящим «сменовеховцем» и «национал-большевиком»; в Европе, думается, нашлись бы подходящие собеседники среди вот этой евразийско-утвержденческой пореволюционной квази-молодежи. А, вообще говоря, просто, должно быть, — вырождающаяся мы порода, обреченная *доживать*. Вы правы: и вред, на который мы способны, — «только кажущийся», да и польза... способны мы кому-нибудь принести *не кажущуюся* пользу, а? Я даже боюсь, что собственным детям приношу лишь кажущуюся пользу... которая вдруг обернется реальным, на этот раз, вредом!.. Ну, всего лучшего, крепко жму руку, не пеняйте на мой лирический пессимизм в порядке самокритики!..

Ваш Устрялов

* Впрочем, его собственное «сознание» не привело его тоже ведь никуда, как в «изгнание»...

№ 36

2 ноября 1933 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Получил Ваше [письмо] 11/X, спасибо. Радуюсь за Ваших детей и за Вас с А.Л. Приятно видеть детей — на ногах! Нам с женой пока еще далеко до этого, — предстоит немало трудных лет, ну, да Бог милостив...

Положение тут продолжает быть достаточно жестким. На дороге длится трудно воображимый сумбур, идет захват аппарата путем ряда дезорганизаторских действий, которые можно назвать булавочными уколами, целым дождем булавочных уколов, опасным своей тропической силой. Если в сфере высшей политики как будто наклеивается некий просвет (литвиновский визит в Вашингтон), то здесь, на месте, натиск на остатки русского влияния не слабеет. Молодцами держатся и советские.

Дошло и до Библиотеки, подвергшейся жестокому обыску и ныне опечатанной «впредь до решения». Обыск длился больше недели, и конфисковали массу разных советских журналов, также книг более или менее невинного свойства и вполне легально приобретавшихся. Разумеется, подлинный, культурно-научный облик Библиотеки не мог не обнаружиться перед надлежащими органами, но... «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»¹³². И чем все это кончится, неизвестно. Как бы то ни было, пришлось пережить новую порцию не слишком приятных эмоций. И в перспективе — дальнейшие порции.

Бедный Андрей Хрисонфович продолжает пребывать в угрюмом одиночестве, особенно тяжелом при его общительном нраве и давней

привычке к жизненному комфорту. Можете представить себе также настроение Анны Михайловны!

Но, однако, довольно на эти скучные темы: они, кажется, уже и так начинают воскрешать мой покойный колит, оживляя его «психогенные» предпосылки. Перейдем от частного к общему.

На этот раз должен сознаться, что не разделяю точек зрения Вашего последнего письма. Мне кажется, Вы совершенно неправильно расцениваете литвиновские пакты.

Нельзя упускать из виду, что они — симптом решительного и благоприятного поворота всей внешне-политической линии Москвы: от Коминтерна к Наркоминделу, от революции к государственности. В этом пункте, можно сказать, на 90% осуществились наши основоположные нац[ионал]-большевистские чаяния, — а Вы не хотите порадоваться!

Неверно, что это поворот от слабости, — он результат объективных «обстояний» европейского мира и советской действительности. Стало ясно, что Коминтерн — отец фашистских успехов и что, с другой стороны, **государственная** значимость СССР на фоне нынешней международной ситуации весьма веска. Политика Литвинова умна и ловка — почему не признать этого вместе со всею мировую прессой? Она подлинно возрождает и валоризирует «русский фактор» в мире.

И вместе с тем Вы совсем неправы, что она пассивна и должна вовлечь Россию в предстоящую войну. По-моему, она вовсе и не связывает России, не лишает ее самостоятельности и своеобразия. Другое дело — опасность войны **на Д[альнем]В[остоке]**: тут война может грянуть не благодаря нашему новому курсу, а вопреки ему. При старом курсе она была бы еще более вероятна и, главное, она разразилась бы в гораздо менее выгодной для нас обстановке. Тут мы — явно обороняющаяся сторона и наша территория является предметом непосредственного вождения и покушения со стороны соседа.

Что касается Европы, то, в отличие от Вас, я не жду там войны в 34 году. Гитлер изолирован, и в худшем случае может прозойти нечто более напоминающее «экспедицию», нежели войну, карательную экспедицию, для которой вполне хватит сил Франции и Польши (Италия не вяжется). Национал-большевистский курс Москвы достаточно осторожен, чтобы не обременять себя опасными обязательствами. Если Гитлер держит себя как «пьяный илот^а» и привел Германию к удручительному международному одиночеству, то новая внешняя политика Сталина, гибкая и расчетливая, в огромной мере улучшила наше положение в мире. Это чувствуется даже и здесь, несмотря на всю напряженность ситуации. Я доселе не считая безусловной ошибкой нашу установку «Россия возвращается»¹³³. Я выиграл у Вас пари в 1929 году и надеюсь оказаться правым и в нынешнем нашем дружеском споре! Думаю, что России не быть ни «завоеванной», ни «добровольной» колонией: слишком раздроблен, слишком слаб ныне мировой империализм, чтобы разгрызть советский орешек. Что касается внутренних наших трудностей, то, не отрицая их наличия, я по[-]прежнему полагаю, что они будут изживаться «имма-

^а Heilos (heilitos) — бесправный (греч.).

нентно». В Вашем письме Вы их, по-моему, изображаете в красках несколько более мрачных, чем нужно. Думается, худшее уже позади (31—32 годы). Только бы удалось избежать военной грозы в наших краях, — или, уж если не удастся ее избежать, то выйти из нее с почетом!.. Ну, всего лучшего, крепко жму руку, привет А.Л. и детям.

Ваш Устрялов

№ 37

23 ноября 1933 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Недавно пореволюционный клуб в Париже прислал мне род анкеты на тему о нации вообще и о русской нации в частности. Сначала я было думал не откликаться на эту анкету, затрудняясь стилем ответа, но потом, извлеки из своего архива старую статью «О советской нации»¹³⁴, не дошедшую из «Утра» до Европы, стал над нею раздумывать. Мне показалось, что эту статью, переработав и обновив, можно использовать для утвержденных. И вот посылаю ее Вам, помолодевшую и в то же время возмужавшую, с просьбой передать Т[.]Ш. Другой ее экземпляр отправляю окольно — непосредственно.

Я бы не возражал против напечатания ее в дискуссионном отделе имеющей выйти четвертой книжки [«Утверждений[»] (если не поздно!). Ничего не имею против полемического сопровождения ее в любой редакции. Но только хотел бы, если это возможно, примечания, что, мол, «перепечатываем появившуюся на Дальнем Востоке статью» etc, или, «напечатанную в дальневосточной прессе», или, еще лучше, «выпущенную автором в Шанхае отдельной брошюрой». В том же роде, как это было с «Зарубежной сменой». Если к [«Утверждениям[»] статья опоздает, не возражал бы против появления ее в [«]Завтра[»] — тоже в форме «перепечатки».

Я заинтересован в ответе — будет ли она напечатана утвержденцами. До получения этого ответа я не буду ни печатать ее здесь, ни отправлять е-[вразийца]м, которые тоже просили меня что-нибудь прислать. Если Т-[рубецком]у она почему-либо не подойдет, устрою ее куда-нибудь еще. Таким образом — приоритет за утвержденцами, и до их решения она нигде напечатана не будет (недоразумения, кот[орое] произошло с [«]З[арубежной] См[еной]», здесь не произойдет). Но тем более желателен, по возможности, **скорый** ответ.

По существу статьи. Мне кажется, следует решительно переключаться с русского национализма на имперский, т.е. неизбежно **советский**. Тактически это совершенно ясно. Это понимают и евразийцы, говорящие о «евразийском мире народов». Политический «советский национализм» — более ударный и реальный лозунг, нежели «евразийское сознание». По отношению к эмиграции и пореволюционной молодежи статья полезна, думается, своим про-советизмом и служит знакомую службу: исходя из круга идей пореволюционеро-националистов, она показывает, что единственный для них путь — наш путь. Историсофски тезис «советской нации» — вполне защитим, хотя привиться ему будет трудно: он принципиально неприемлем для

коммунистического и интернационалистского мессианства. Так или иначе, тема эта способна заставить задуматься, — а что еще и требуется от журнальной статейки?

Повторяю, я не возражаю против какого угодно полемического ее сопровождения. Если утвержденцы будут по[-]прежнему демонстрировать свою «непримиримость», то чем резче они от меня будут межеваться, тем лучше. Но, с другой стороны, теперь ведь отпала **внешняя** причина непримиримых жестов: после заявлений Эррио¹³⁵ и Катта etc, нужно думать, во Франции нет надобности скрывать советофильство, буде оно у кого имеется. Пора бы пореволюционному клубу занять более соответствующую позицию в русских делах!

Получил четвертый выпуск [«]Завтра[»]. Он интересен своей искренностью и... беспомощностью. Я считаю весьма достойными сожаления гитлероподобные настроения, явно проступающие в эмигрантской молодежи. Т[.]Ш[.] и прочим «лидерам» с этими настроениями следует самым решительным образом бороться. По здешним «фашистам» можно видеть, куда способны они завести. Здесь творится нечто положительно неопишное по гнусности и глупости, невежественной темноте и жуткой разнузданности. Какая-то вакханалия предательства, «бутоны» которой Вы помните по 1929[г]. Я считаю, что пореволюционному клубу и [«]Утверждениям[»] необходимо оживить свои резолюции по проблеме интервенции, сепаратизма etc. Сейчас тут сепаратизмы — сибирский и украинский — шумят и галдят, как никогда. Доходят ли до Вас иногда наши газеты? Готовите ль какую очередную статью в [«]Утверждениях[»]? В прошлом номере ведь, помните, Вас отметил сочувственно П.Н.Мил[юков]?.. Кстати сейчас идет здесь против этого имени организованная кампания, непревзойденная по хамству и низкопробности.

Жду Вашего письма, — надеюсь, оно будет более бодрым, нежели прошлое. Право, нет оснований предаваться чрезмерному пессимизму. Худо, конечно, что мы персонально как-то оттиснуты в сторону от большого тракта нашего отечественного пути, — но ведь это все же дело десятое! Только бы сам этот путь вел куда следует, — а он, ей-ей, ведет. Словом, *du courage*^a?..

Ваш Устрялов

P.S. Сию минуту, уже после того, как заклеил это письмо, получил Ваше от 6/XI[-]33 с № 4 [«]Завтра[»]. И нашел в нем как раз то, что ждал: «пока живы, унывать не следует». Поразительно наши настроения, думы, опасения, надежды — совпадают!

Е.Е., напротив, окончательно уходит от нас на тот берег — к эмигрантам, и при том далеко не лучшим. Как это ни странно, в этом, по моему, в знач. степени виновато его бытовое окружение.

* Сейчас здесь печатание — дешевле пареной репы: доходит до 1 [a]м[ериканских(?)] доллара печ[атание] страницы.

^a Мужаемся (фр.).

10 декабря 1933 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

На гулянках написал еще статью «Бесклассовое общество»¹³⁶. По-сылаю ее Вам. Вчера отправил ее Т[.]Ш[.], — может быть, удастся пристроить и ее? В форме перепечатки.

Цель этой статьи двоякая. Во[-]первых, она имеет в виду авторов лозунга и ставит перед нами вопрос об истинной его сущности. Во[-]вторых, она пытается нащупать ту идеологическую формулу, в атмосфере которой могла бы произойти некая психологическая «встреча» между средой революции и вот этими «пореволуционными» мальчиками, или, иначе говоря, найти в советской доктрине ту брешь, через которую можно было бы проташить груз внеклассовой человечности и живой культуры.

Поэтому, статья выдержана в тоне, вполне имманентном официальной догме революции, возжены достоподобные свечечки иконам (цитатки), — но в то же время в ней дается понять, что в самой этой догме кроется источник собственного ее отмирания и прорыва в иные идейные миры.

Статья, как видите, несколько «спекулятивная» (не в обывательском, а в философском смысле слова), и потому для нее второстепенен вопрос, в какой мере реален лозунг об отмирании классов в СССР, т. е. действительно ли через пять или десять лет придет царство бесклассового общества.

Важно, что так или иначе, но лозунг обязывает, и фиксировать этот лозунг, лишний раз привлечь к нему внимание, раскрыть его логику — не мешает. Не знаю, удалось ли мне это сделать, но попытка — не пытка.

Я зондировал почву (между нами — не говорите этого Т[.]Ш[.]) относительно помещения этой статьи в здешней советской газете. Местные инстанции не решились ее пропустить: «как будто все ничего, а что-то не то». Этот отзыв, признаться, меня ободряет.

Кстати, с отправкой ее Т[.]Ш[.] произошел курьезный эпизод. Я написал ему сопроводительное письмо, и, перед тем как его отправить, списал его в точности себе в дневник, на листочке почтовой же бумаги. А затем по рассеянности вложил этот дневниковый листочек вместе с рукописью в конверт, а подлинник письма оставил у себя! Копия вполне точная, но начинается неуместной в письме фразой: «Отправляю сегодня Т[.]Ш[.] следующее письмо:»

Когда этот казус выяснился, я написал второе письмо, которое опущу в ящик вместе с Вашим (т.е. моим, настоящим, к Вам) и где разъясняю эту досадную историю. При случае, подтвердите ему мои сожаления и мою глупую рассеянность! Старость — не радость, а всевозможные заботы и вовсе вышибают из колеи. А тут еще худые вести у нас из дому, оттуда...

Получил Ваше письмо от 16 ноября. Да, конечно, тревоги Ваши небезосновательны. Конечно, опасностей много, и объективно-исторических, и субъективно-идеологических. Но все же надо признать, что вовне сейчас стало лучше! Даже и здесь это чувствуется.

Верно, что все это непрочно, но что прочно в наши трудные времена? Я думаю, что Вы преувеличиваете меру ошибочности нашей китайской политики; она вовсе не так плоха. В Синцзяне¹³⁷ она уже дает отличные результаты, а в вопросах Нанкина судить о чем-либо нам весьма трудно: там — перманентные оползни, и опереться не на что. На Ближнем же Востоке наше положение хорошо, как никогда.

Конечно, Вы правы, подчеркивая связь внешней политики с внутренней. Да, народу нашему и раньше было трудно, и теперь нелегко. Да, военное государство, и плохая администрация и т.д. Конечно, все это так. И все-таки Вы неправы насчет колосса на глиняных ногах. Я не считал таким большим колоссом и царскую, историческую Россию, не могу им считать и нынешнюю. Много в истории было и будет таких великих государств и великих культур. Они распадались и будут распадаться? — Да, нынче выпал жребий Трое¹³⁸, завтра выпадет другим. Но нельзя на этом основании отрицать величия Трои и других. Это — общее соображение. Но есть и частные. Все-таки нельзя отрицать, что наша революция крайне симптоматична для совр[еменного] мира, и нельзя к явлению новой эпохи применять **исключительно** мерки старой. Ну, да все это Вы и сами знаете, поймете с полуслова, и спор наш, как Вы и отметили, не спор с разных берегов. Иногда у Вас больше тревоги, скептицизма, настороженности, иногда у меня. Это полезно — уравнивать **настроения** друг друга, при общности основной позиции!

Здесь сейчас затишье, но нельзя сказать, чтобы положение улучшилось. Оно продолжает оставаться неопределенным и напряженным. Мое положение персонально — напоминает 26 г. и Учебный отдел¹³⁹. Я все еще «числюсь» (и даже получаю жалованье!), но Библиотека закрыта, опечатана... до иных времен.

Жму руку, пишите.

Ваш Устрялов

№ 39

31 декабря 1933 г.

Дорогой Гр[игорий] Ник[ифорович].

Посылаю Вам свою напечатанную на днях статейку, из которой Вы можете видеть, как далеко зашел у нас процесс углубления эмигрантской идеологии. Дело, конечно, не в болтуне и ничтожестве В[асилии] Ф. Иванове, а в том, что на его лекциях *ex officio* и *in corpore*^a сидит местное духовенство во главе с архиереем, что аудитория его набита битком обывателем, что местная «пореволюционная молодежь» (младороссы — фашисты) всецело восторгаются его откровениями и, главное, что этот стиль мысли и слова имеет высоких покровителей, вдохновителей, меценатов (*sapienti sat*^b). Ни одна из эмигрантских газет не смеет восстать против этой ныне господствующей идеологии, перед

^a По обязанности и в полном составе (лат.).

^b Для понимающего достаточно (лат.).

которой чайная былого союза русского народа покажется центром изысканного академизма.

Мне терять нечего, и я решил все-таки зафиксировать эту обстановку. После раздумья, после разрешения политической цензуры редактор поместил статейку. Она встретила исключительно теплый прием (конечно, «устный», полуподпольный), со стороны эмигрантской интеллигенции, видно, страдающей втайне. Но... со стороны блюстителей чистоты риз советской газеты реакция была самая мрачная: «...нет, это не наша точка зрения... Вы не имели права помещать этой статьи без согласования... это фашистская статья — в ней чувствуется приверженность русскому прошлому... ей не место в нашем органе» и т. д. — Такова обстановка!

Получили ли две моих статьи «О советской нации» и «Бесклассовое общество»? Сейчас занят писанием третьей, очень что-то трудной, философско-политической и философско-исторической. Если напишется, немедленно пришлю.

Всего лучшего. Привет Вашим.

С новым годом!

Ваш Устрялов

№ 40

17 января 1934 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Получил Ваше письмо от 21 дек[абря] с приложениями. Оно задержалось в пути, — почта здесь почему-то не получалась в течении двух недель. Теперь снова наладилась.

Ваши соображения чрезвычайно серьезны, и мне хочется в них разобраться.

В прошлых письмах мое «оптимистическое» настроение относилось к иной теме: тогда шла речь о возможности **франко-германской** войны. В эту возможность я мало верил и отказывался всерьез с нею считаться — на ближайшие годы.

Теперь Вы выдвигаете новый вариант, гораздо более волнующий: воскресение старых планов 30-31 годов, т.е. планов решения европейских затруднений путем раздела России. Письмо Вашего приятеля в этом отношении весьма интересно; читая его, испытываешь даже некоторое замирание сердца. Ваш комментарий к нему также весок. В докладе Милокова («Посл[едние] Нов[ости]» 23/XII) имеются аналогичные мотивы. Да, вопрос серьезен.

И все же я считаю, что опасность не так уж грозна. Конечно, учитывать ее необходимо; планы, за ней стоящие, не лишены логики и реальной опоры. Но чрезвычайно велики, на наше счастье, и препятствия, мешающие этим планам осуществиться.

Прежде всего, разумеется, **Франция**. Она же не может не понимать, что первым актом усилившейся за счет России Германии будет наскок на жизненнейшие французские интересы. Снова возродится

Mitteleuropa^a, Франция останется изолированной. Нет, Франция **не может** равнодушно смотреть на реализацию восточной программы Гитлера.

Затем — **Польша**. Пусть Пилсудский¹⁴⁰ пускается в какие-то темноватые разговоры, — но положение Польши отнюдь не таково, чтобы менять французскую ориентацию на немецкую. Польша удовлетворена своими границами, перемены могут быть ей только опасны. Не думаю, чтобы *rebus sic stantibus* она рискнула на войну: риск слишком значительный и едва ли разумный.

Да, **Англия** несомненно имеет известные основания желать раздела России. Но от этого еще далеко до непосредственной опасности. Едва ли она пойдет на разрыв с Францией, при наличном положении вещей. **Италия** тоже больше опасается усиления немцев в Центр. Европе и на Балканах, чем сочувствует Гитлеру. При таких условиях, Ваш пессимизм представляется мне чрезмерным. Я надеюсь, что скорее уничтожат Германию, чем разделят Россию. А еще вернее — нынешнее болотное состояние будет длиться годы. Гитлер не решится на военную авантюру, как ни плохо внутри страны. «Плохо» — вообще понятие относительное. И весьма сомнительно, что германизация Украины способна существенно улучшить экономическое положение.

Но Вы, конечно, правы: опасность есть, и ее нужно иметь в виду. Верно и то, что основной фактор здесь — внутреннее состояние России, ее политика. К счастью, внешняя политика сов. правительства весьма разумна, что подтверждает и Милюков. Рецидив коминтерщины сразу облегчил бы задачи делильщиков России, — но, по[-]видимому, этого удовольствия им Кремль не доставит. Вы ошибаетесь, приписывая мне «бумажно-юридическую» оценку литвиновских пактов: меньше всего я в этом повинен. Но эти пакты — свидетельство коренной перемены в установке Москвы: от революционной к государственной внешней политике. Отсюда гораздо большая свобода маневрирования и преодоление изоляции. Как же этого не учитывать и этому не радоваться?

«Диспропорция между задачами госуд[арственной] обороны и политико-хозяйственной организацией страны»? — Тут мы подходим к основному вопросам **внутри** политики Москвы. Думаю, по существу мы здесь не слишком разойдемся, но и здесь все же у меня оценки, по[-]видимому, более оптимистические, чем у Вас. Не будь пятилетки, Россия находилась бы перед угрозой раздела в более тяжком положении, нежели сейчас. Пусть режим после 28 года имеет много недостатков, но я не думаю, что он ослабил страну с точки зрения госуд[арственной] обороны. Его смягчение очень желательно (Вы знаете мою «правоуклонистскую» ориентацию), но — и тут уже вопрос тактики — наша линия по отношению к нему должна оставаться неизменной.

Опять-таки, даже Милюков заявил, что за рубежом необходимо помешать натиску на Россию (т.е., объективно, **помочь советской власти** отбиться от нажима внешних врагов), а заботу о свержении режима предоставить самой России. Все-таки какой он молодец! Не будет ли у Вас случая повидать его и высказать чувства самого

^a Средняя Европа (нем.).

глубочайшего уважения к нему и его мужественной, достойной позиции. Тогда сделайте это и от моего имени. Соотв. публичное выступление было бы для меня затруднительно (оно не нужно ни ему, ни делу; а мне пришлось бы подчеркивать наши разногласия, что ослабило бы эффект); но в **личной** беседе было бы хорошо сказать старику несколько слов привета от души. Особенно здесь, в атмосфере гнуснейшей травли по его адресу, я испытываю эту потребность.

Поздравляю с внуком! Привет Вашим.

Ваш Устрялов

P.[S]. Из письма Т.[-]Ш. видно, что фин[ансовое] положение ут-вержденцев — отчаянное. При таких условиях, б[ыть] м[ожет], неловко печататься у них бесплатно, отнимая место у молодежи. Я готов предложить изв[естную] сумму на оплату напечатания м[оих] статей, буде они предназначены к печати. Ну, франков 100 или 150 — это можно. Выясните, при случае, этот вопрос и даже, если можете, передайте им соотв. сумму, — а я ее немедленно Вам вышлю, только укажите банк.

№ 41

10 февраля 1934 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Я утратил всякую связь письмами с Европой. Почему-то не пишут ни из Парижа, ни из Праги. Нет давно ничего и от Вас. Дошла ли до Вас и до Т.[-]Ш[.] моя статья (рукопись) «О бесклассовом обществе»? Никаких откликов[,] подтверждающих ее получение, не имею. Нет ли тут воздействия местной идеократии? Или просто не собрались написать?

Ваше письмо от 21 дек[абря] получил и немедленно на него ответил (письмом от 21 янв[аря]). Дошло ли оно до Вас? Скоро пошлю Вам рукопись новой большой философской статьи о новом историческом синтезе. От нечего делать, впал в размышления.

Здесь напряженно, но есть кое-какие, слабватые пока просветы. Что касается внутреннего положения, то тут я определенно оптимист! Если не будет срыва извне, реконструкция страны — осуществится! Продумайте еще раз этот вопрос, — серьезно, вопреки ожиданию, аграрная революция 29 года начинает давать плоды. Мужик оказался «пластичнее», чем можно было думать, а сила госаппарата — напористее и эффективнее. Происходят любопытные вещи, совершается перевооружение идеологии на бесклассовое общество, на идеализм, на *élan vital*^a и т.д. Прочтите последние толстые журналы «Под знаменем марксизма», «Проблемы марксизма»¹⁴¹ и проч. — начинаешь снова слышать «зори», над коими так смеялся и смеется Е[.]Е.

^a Жизненный порыв (фр.).

Ну, до другого раза, сейчас пишу только для того, чтобы проверить наши пути сообщения. Попробуйте послать заказное письмо, если есть основания думать, что простое пропало в пути.

Жму руку.

Ваш Устрялов

P.S. При случае, сообщите Т[.]Ш[.], что не имею от него ответа на свое [письмо от] 9/XII.

№ 42

27 февраля 1934 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Пришло Ваше письмо от 7/II, рассеявшее сомнения относительно исправности почты. Пишите, следовательно, и впредь по прежнему адресу (только можно не упоминать *Sammany gorodok*: просто *Bolshoi Prospekt*, 185).

По существу нашего «спора» сказать больше, пожалуй, и нечего. Разве только, что вблизи Вы, по[-]видимому, не дооцениваете все-таки силы и ума Франции, которые в серьезные моменты проявятся еще раз, как проявлялись раньше. Да, я настроен более оптимистично, чем Вы, по отношению к военной опасности; думаю, что Ваши страхи преувеличены. Но из этого, разумеется, менее всего следует, что нужно предаться квиэтизму: если мы избежали войны, то, конечно, прежде всего благодаря красной армии, пятилетке и сверхчеловеческой активности генеральной линии. Больше того: я надеюсь, что если даже война произойдет, Советский Союз не выйдет из нее побежденным; повторится славная эпопея якобинской Франции. На днях мы отпраздновали здесь в советской колонии день Красной Армии. Трудно себе представить подъем более подлинный, нежели тот, который ощущался на этом празднике! Конечно, это отражение тамошних, советских настроений!

Думаю я также, что замирение деревни уже началось, равно как и учеба руководителей промышленности происходит весьма интенсивно. Разумеется, все эти положительные явления не означают устранения многих тяжелых сторон советской жизни, — и прежде всего той миллионной армии рабов (сосланных, лишенцев — рабочий класс №2), которая своими страданиями и своими костями обеспечивает успех многих замечательных строек. Быт остается жестким и жестоким, перегибы диктатуры (полуазиатская страна!) продолжают мозолить глаза. Но более, чем когда-либо, национал-большевистские установки себя оправдывают!!

Здесь как будто наблюдается некоторый просвет. Арестованные агенты КВЖД освобождены, и их вакансии (они в день освобождения подали в отставку) замещены советскими же подданными; дорожный конфликт таким образом разрешен, и нужно ожидать возобновления конференции о продаже дороги. Если в Японии не произойдет решительной внутри-политической перемены, можно надеяться, что конференция закончится благополучно, дорогу продадут, и война окажется в худшем случае отсроченной.

Встает вплотную личный вопрос: que faire?^a Если дорога заплатит инвалютой заштатные (тысяч шесть золотых рублей — на Ваши деньги по нын[ешнему] курсу тысяч 50 франков), то мечтаю побывать в Европе: либо один на полгода, либо семьей, дабы потом возвращаться вместе в СССР. Если же, что вполне возможно, заштатных не будет, положение меняется. Придется, вероятно, продавать (с убытком, конечно) домишку и ехать прямо в Россию.

Признаться, мне до зарезу хочется предварительно побывать в Европе, в «решающих» ее странах, чтобы своими глазами посмотреть на то, что там делается. После этого даже и помирать будет легче! Кстати, любопытно взглянуть и на тамошних русских. Принужденный здесь к полному молчанию, там я с удовольствием облегчил бы душу новыми выступлениями на старую национал-большевистскую тему. Момент весьма подходящий, раз сам Милюков добрал до наших установок 921 года, — а мы как никак продвинулись от них на 13 лет вперед, и теперь должны сказать то, что Милюков — дай ему Бог здоровья — скажет через 13 лет!

Насчет [«]У[тверждений»]. Я имел в виду оплату **своих** статей и потому исходил из цифры 150 фр[анков]. Насколько я Вас понимаю, им нужно 600–700 фр[анков], чтобы **вообще выйти на свет**? Пожалуй, еще можно было рискнуть такой суммой, будь это **вполне наш** сборник, но так как это не так, то лучше уж воздержаться от этой затраты. На 600 фр[анков] (120 иен) я имею возможность издать здесь книжку в 120 страниц (типографии сейчас берут 1 [и]ену за страницу!), — какой же смысл тратить такие деньги на чужое, хотя и симпатичное, издание? Будь я в Париже, другое дело, а так — едва ли стоит. Каково Ваше мнение? В деньгах я сейчас, конечно, стеснен гораздо больше, чем прежде, — особенно в силу неясности перспектив.

Псылаю Вам очередную свою статью, посвященную впечатлениям старой, направленной против меня статьи Федотова с одной стороны, и думами о «бесклассовом обществе», впечатлениями от советских толстых журналов последнего времени — с другой. Она — как бы продолжение размышлений, начатых в 1929 году статьей «Судьба Европы» ([неразборчиво] стр. 358). Многое в ней лишь еще намечено и требует разработки. Хотелось бы ее напечатать, но... приходится крепко подумать: она, конечно, способна вызвать теоретическое, да и всякое раздражение в правоверном советском сознании (синтез[ирование(?)] большевизма и фашизма!! — мысль легко поддается вульгаризации), — а мне очень не хотелось бы сейчас раздражать советских людей, ибо политически сейчас я ближе к генеральной линии, нежели когда-либо! И всею душою — тянусь туда, домой. Такова уж наша бедная, двусмысленная, интеллигентская участь!.. Крепко жму руку, привет Вашим, **пишите!**

P.S. Статью посылаю **лично** Вам, — пока никому не показывайте ее. Если решусь сделать ее публичной, — напишу Вам.

Устрялов

^a Что делать (фр.).

№ 43

9 марта 1934 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Получил Ваше письмо от 16/II со статьей Потресова. Спасибо. Рад констатировать, что наши точки зрения в области французских дел — сблизились. В последнем своем письме, разминувшемся с Вашим, я выражал уверенность, что Франция «найдет себя» в трудный исторический момент. Вот и Вы тоже расцениваете новый кабинет, как характерный на этот счет симптом, и отмечаете, что на ближайшее будущее его появление выгодно и для нас: Франция (теперь уже допустимо говорить о «Франции»?) сумеет связать руки Гитлеру. Кстати, о презируемом Вами Эррио: можно очень низко оценивать его под углом зрения французской политики, но нам следует все же быть ему благодарными за его просоветскую пропаганду и за осуществленный им поворот во внешней французской политике, коего объективную значимость нельзя преуменьшать. Я продолжаю считать, что **непосредственной** опасности в Европе нам пока не угрожает, а сейчас как будто несколько прояснилось и здесь. «Узлом» европейских отношений на предстоящий сезон суждено, по[-]видимому, стать австрийской проблеме. Ну, а до нее, можно сказать, «наша не касайся», — по крайней мере, *rebus sic stantibus*.

За последние недели самым тщательным и добросовестным образом вдумывался в наши советские дела, читал литературу 17 съезда и т. д. И пришел к заключению, что **сталинская революция в основном удалась. Перелом совершился**, худшее позади, и теперь пойдет улучшение. Этот год был решающим для сельского хозяйства. Помог урожай, но сыграли роль и МТС с их политотделами. Конкретно дают себя знать и плоды индустриализации; их ощущаешь уже руками.

Я думаю, что современная советская политика идет как раз навстречу Вашим справедливым желаниям: порядок принуждения постепенно **видоизменяется**, создается новая система хозяйственных стимулов. Начинают улучшаться условия жизни и оплаты труда, — конечно, очень медленно и постепенно; но важен самый **пункт перелома**. «Струна», натянутая до предела, начинает отпускаться; дай Бог мне в этом не ошибиться! Не случайно возвращение **Бухарина** к активной работе (редактор Известий!). Не случайны покаяния **Раковского**¹⁴² и **Сосновского**¹⁴³, людей весьма крепких. Сталинская линия не только принуждает, но начинает и **убеждать**. В частности, лозунг «зажиточности» — не пустые слова.

Еще на годы останется миллионная армия рабов (лишенцев); по[-]видимому, это, к сожалению, так. Государство все еще не в силах обойтись без нее. Это ужасно, но это не может изменить наших с Вами оценок: мы не меньшевики и не доктринеры либерализма. Это ужасно, но... это один процент (*maximum*^a) населения, веками привыкшего к деспотизму. Рабский труд оказывается вполне производительным. Но допустим

^a Наибольшее предельное количество (лат.).

даже, что эта жестокость излишня; все же не она должна стоять в центре нашего анализа.

Прочтите статью Югова в № 3 [«]Соц. Вестника[»]. Автора нельзя заподозрить в симпатиях к Сталину. Однако, он констатирует «прогресс... во всех основных отраслях сельского хозяйства... происходящий главным образом благодаря факторам производственным и аграрно-техническим». А в № 10 Бюллетеня Прокоповича¹⁴⁴ читаем, что «в 1933 приостановлено катастрофическое сокращение животноводства». Вы знаете, что 17 съезд объявил транспорт и животноводство двумя участками, требующими сосредоточенного внимания всех сил страны.

Итак, дорогой Г[ригорий] Н[икифорович], я прихожу к заключению, что нужно **окончательно** снять специфические «устряловские» лозунги эпохи нэпа. В области внешней политики наша взяла: Сталин — типичный национал-большевик. В области внутренней политики удастся этатизировать все народное хозяйство: назовем это социализмом, дело не в словах. Так или иначе, **страна крепнет**, и, быть может, прав американец Фишер: «On ne peut plus douter que l'URSS fera un sérieux effort, au cours de la quatrième décade de ce siècle, pour devenir la plus grand puissance a la surface du globe, comparable sculement aux Etats-Unis» (L'Europe Nouvelle, [№]821)[.]^a

Посылаю Вам только что написанную статейку о Милюкове (хотя и не хотел сначала касаться этой темы, но частое упоминание наших имен вместе заставляет прервать молчание); не знаю, удастся ли ее напечатать в здешней газете: редактор боится, по обстоятельству места, таких тем. Но я ее пошлю и е-[вразийца]м, и Т[.]Ш[.], через Горчакова (Лидин) перешлю и в [«]Посл[едние] Новости[»]; сообщу также и советским кругам. В ней впервые со всей резкостью констатирую собственную переориентировку в изложенном выше духе. Надо иметь решимость двигаться; верю, что движусь по верному направлению. Прежде, чем решиться, очень много думал. Е[.]Е[.] стоит на совсем другой позиции — откровенно смотрит в **непримиримые эмигранты**. Мне очень грустен разрыв с ним, но... amicus Plato etc^b. Сейчас засяду за статью «17 съезд»¹⁴⁵, в коей попытаюсь изложить свою точку зрения более обстоятельно.

Я очень Вас прошу серьезно обдумать это мое письмо и сообщить Ваше мнение. Считаете ли Вы уместным снять окончательно в нашей публицистике мотив «спуска на тормозах»¹⁴⁶ и проч. — и как Вы относитесь к нашей размолвке с Е[.]Е[.], призывающим меня **открыто порвать с СССР** — во имя наших старых «перерожденческих»¹⁴⁷ установок. Крепко жму руку, пишете,

Ваш Устрялов

^a Никто больше не может сомневаться в том, что СССР оказался серьезно напряжен, вот уже четвертый десяток лет этого столетия, ради распространения более высокого влияния на поверхности планеты, сопоставимого только с Соединенными Штатами (Новая Европа. [№] 821)[.] (фр.).

^b Amicus Plato, set magis amica (est) veritas — Платон — друг, но истина еще больший друг (слова, приписываемые Аристотелю) (лат.).

№ 44

2 апреля 1934 г.

Дорогой Гр[игорий] Н[икифорович].

Сейчас получил Ваше письмо от 15 марта. От всей души спасибо за доброе ко мне отношение, сквозящее во всем этом письме. Спасибо и за ясную постановку вопроса, за совет.

Я считаю, я знаю, что Вы **абсолютно** правы: «Север»¹⁴⁸ связан с безусловнейшей аскезой, и при том она, «аскеза», — еще, пожалуй, *minimum*. Это несомненно, и я отдаю себе в том полный отчет. Сейчас мне весьма легко (психологически, идейно) признать *finis*^a нашей старой нзповской установки, — если нужно, даже ее ошибочность. Готов признать также обязательность руководства генлинии, политической дисциплины. Но гораздо труднее отречься от всякой самостоятельности в сфере «историсофской», в области больших социально-научных синтезов, прогнозов и проч. Но и это **нужно**, если поворачиваешься лицом к Северу: идеократия, как известно, есть государство с обязательным не только политическим, но и общим, всяческим мирозерцанием. Да, я это знаю — и теоретически, и практически. И очень хорошо, что Вы с исключительной четкостью оживляете это сознание.

Это время живу сплошь в атмосфере соответствующих размышлений. В прошлом году, признаюсь, будь выбор, — я выбрал бы — Юг¹⁴⁹. Но теперь, в нынешнем, даже если не будет такого положения, когда элементарное требование долга исключает возможность выбора (так было, напр.[.] с А[ндреем(?)] Х[рисонфовичем(?)] К[.]), — я склоняюсь к Северу. Во всяком случае, свою миграцию я определю согласованием с надлежащей инстанцией, и в этом отношении уже предпринимаю первые, предварительные, пока еще ничем не связывающие шаги. Если события — общие, или относящиеся ко мне лично (Библи[отека(?)]) — не будут «форсировать темпы» — время еще есть. Но ориентировку — Вы правы — нужно выбирать уже сейчас. «Сегодня» (рижск[ая])¹⁵⁰ и вообще отрыв от гражданства — для меня исключается. Мыслимы три варианта: либо прямое возвращение, либо нечто вроде «Пешех[онов¹⁵¹]]» в одной из европ[ейских] стран, либо некоторая после ликвидации дороги задержка здесь, по той или другой уважительной или легальной причине. Во всех трех вариантах — контакт с «инстанцией» (к-о), за последние месяцы у меня налаживающийся. Пожалуй, лично я предпочел бы второй вариант, — во[-]первых, потому, что все-таки смерть хочется после здешнего захолустья посмотреть на мир, и, во[-]вторых, потому, что гос. дисциплина при этом втором варианте все-таки, пожалуй, будет более легко переносима, нежели при первом. Я надеюсь, что затем легче будет перейти и к первому варианту — через второй: каждый год теперь немало значит, да и сам я буду тренироваться в аскезе. Ну, поживем — увидим.

Калина был встречен помпезно на границе — почетным военным караулом. В Чите громадная демонстрация приветствовала его, и старик говорил речь, прерываемую рыданиями (рассказывал, как на допросе

^a Конец (лат.).

его били по щекам). В Москве — то же самое. Умное оказательство в адрес местной спецовой публики.

В мае уезжает в Москву Скиталец¹⁵². Специальным постановлением правительства ему возвращен его дом в Крыму, приняты к изданию его сочинения и отведены две комнаты в центре Москвы. Здесь оказывается всякая помощь по переезду. Разумеется, очень растроган. Большую роль в этом деле сыграл местный консул Славуцкий, весьма разумный, интеллигентный и лично прямо обаятельный человек.

Хоть Вы и разочаровываете меня в Европе, все же перспектива взглянуть на Париж, Рим etc не перестает меня соблазнять. Дело ведь не только в «идейном разброде», а и в «святых камнях», памятниках, до коих я всегда был охотник, в первоклассной все же культуре, от которой тут мы так постыдно отвыкли. Недавно Institut International de Philosophie du Droit et de Sociologie Juridique¹⁵³ почтил меня на своем междунар[одном] конгрессе в Париже выбором в действит[ельные] члены (по рекомендации проф. Гурвича¹⁵⁴, выдающегося философа). Через год состоится новый конгресс, и членам предлагается представить доклады на тему «право и другие формы соц. жизни». С каким бы удовольствием принял я участие на этом конгрессе! И, право, казалось бы — без нарушения всякой госдисциплины (по кр[айней] мере, здешняя советская газетка не без гордости даже сообщила о моем избрании, а разл[ичные] наши нотабли поздравляли меня!). Да и взять хотя бы вот эту евраз[ийскую] и утвержд[енскую] молодежь. Казалось бы, общение с ней, под углом зрения вовлечения ее в советскую орбиту, — отнюдь не должно бы считаться делом, недостойным советского гражданина. И... но, конечно, знаю, что можно по этому поводу сказать предостерегающего и разочаровывающего!..

«Желание рождает мысль» — быть может, поэтому в тех же случаях Калины, Скитальца, еще в кое-каких симптомах и личных впечатлениях (довольно характерных) все стараешься уловить первые намеки на первые ласточки, имеющие возвестить некую[,] хотя бы и скромную[,] политическую «весну». Многого не требуется — хотя бы вернулся режим эпохи нэпа, — конечно, без самого нэпа. Если социализм наш консолидируется, условия жизни несколько улучшатся, — люди должны же подобреть! Конечно, вот сроков не уловишь, — длительны русские сроки! Ну, всего лучшего, крепко жму руку, еще раз спасибо за дружеское отношение, — очень оно мне ценно.

Привет всем Вашим.

Ваш Устрялов

№ 45

28 июня 1934 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

От Вас давно — ни строчки. Последней вестью была открытка из Реймса¹⁵⁵ — и ни слова. Дошло ли до Вас мое письмо от 12 (кажется) мая с разными соображениями? Очень бы хотелось знать В[ашу] точку зрения.

За это время пришло два письма от Т[.]Ш. Бываете ли у них в клубе?

У нас последний месяц ушел на тяжкий кризис факультета, закончившийся его разгромом. Опишу Вам эту грустную историю, — при случае, передайте ее Н.Н.Алекс[ееву(?)]: мне хочется, чтобы зарубежные академические круги были информированы. Несомненно, их попытаются наши местные мерзавцы информировать по своему.

Вам нечего рассказывать историю факультета, — она Вам хорошо известна. Хорошо знаете Вы и то, как мы с Рязановским отстаивали перед кем следует наших эмигрантских коллег, во имя «академической идеи», и как заботливо охраняли факультет от вторжения площадной политики — слева.

За последние годы положение изменилось. От субсидии дорожка отказалась после захвата ф-[акультет]а китайцами в 1929, факультет самоокупается (я получил 25 дол[ларов] местных в месяц!), и только администрация содержится «казной» (за счет маньчжурской доли школьных сумм). Деканом состоит Никифоров, а заместителем его «наш» Трифонов. Было установлено джентльменское соглашение об академическом облике учреждения, обязательности коллегиального решения дел и т.д. Качественное превосходство преподават[ельских] сил — на нашей, советской стороне, но количественное за последний год, благодаря большому числу второст[епенных] преподавателей (в частности, кит[айского] языка) — у эмигрантов. Но на это мы не обращали внимания.

Однако, за посл[едний] год Гинс¹⁵⁶ и Никифоров стали систематически нарушать наше джентльм[енское] соглашение и допускать вторжение дешевой правой политики на ф-[акультет], ставя нас в крайне-фальшивое положение. Мы протестовали, но тщетно. Мало по малу у них просто созрел план нас выжить, как неудобных ныне людей, и превратить ф-[акультет] в боевое эмигрантское заведение, несерьезное по существу, но хлесткое по форме. Они рассчитывали, что вместе с тем удастся добиться и увеличения субсидии от властей.

Финал разыгрался 31 мая на праздновании 15[-]летнего юбилея факультета. Опасаясь лишнего шума, совет профессоров решил ознаменовать юбилей тихой, домашней «чашкой чая». Но, вопреки этому решению, Гинс и Никифоров решили сделать этот праздник «актом», раззвонили о нем в газетах и пригласили на него разных эмигрантских «деятелей» во главе с худ[ожником] Рерихом¹⁵⁷, сейчас здесь шумящим. Я просил этого не делать, предупреждал, но встретил только суровый отпор, что окончательно убедился, что налицо — провокация. Тогда мы с Сетн[ицким] заявили, что если праздник будет проведен помпезно (в стиле «эмигрантского торжества», как писали газеты), вопреки решению сов[етских(?)] пр-в, мы уйдем с факультета. «Неужели, — говорил я Никифорову, — пятнадцатилетняя совместная работа не значит ничего в Ваших глазах, и Вы готовы от нас отделаться ради дешевых прихотей... (неразборчиво)..?»... Но очевидно, наш симбиоз, действительно, стал уже слишком противоестественен.

Праздник был проведен с выступлением Рериха (?!), и на другой день, 1 июня, мы с Сетницким подали заявления об отставке. Три

недели Рязанова и др. советские коллеги пытались урегулировать вопрос, но тщетно. Из прилагаемой вырезки Вы видите, что наша «платформа» была ультра-умеренной, но эмигрантская профессура (Гинс, Никифоров, Энгельфельд и Эсперов — и 10 мамелюков, внутренне чуждых самому духу факультета) отклонила ее, и тогда все советские преподаватели ушли. Факультет опустел. Они хотят, правда, выписать из Парижа Тимошева¹⁵⁸ и из Берлина Ижболдина¹⁵⁹ на наши места, и надеются, что власти дадут им на это деньги. Ну, посмотрим. Признаться, было очень тяжело и горько расставаться с родным делом — да еще чувствуешь себя выгнанным людьми, которых в течение ряда лет приходилось горячо отстаивать ради того же родного дела!..

C'est la vie. Жму руку, пишете.

Устрялов

№ 46

11 августа 1934 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Получил Ваше письмо (от 15 июня) и очень порадовался ему: долго от Вас не было ни строчки.

На днях послал Вам «Наше время»¹⁶⁰. После долгих раздумий все-таки решился итти, так сказать, «своим путем», который, быть может, в известных отношениях и нецелесообразен, но... la plus belle fille^a, как известно, ne peut donner que ce qu'elle a^b. На иное, «большее» я пока оказываюсь фатально неспособен.

Ваши советы не лишены логичности, но, по[-]видимому, у нас различные интеллектуальные темпераменты. Ваш волонтаризм ведь тоже не лишен опасностей. Помните, как два года тому назад Вы решительно убеждали меня писать явно и резко **антисталинскую** статью («с партией против Сталина»); что было бы, послушайся я Вас тогда! Так и теперь: Ваша мысль чересчур смела и прямолинейна. Такое «сознание» не соответствует нашему «бытию», которое не изменить поспешными, резкими решениями, рискующими показаться лицемерием.

Вы пишете, что «обывателя из меня не выйдет»: но тогда зачем же сразу и до тла убивать в себе «Устрялова», — и, в сущности, кому это нужно? Советской «карьеры» этим не создашь, а себя сломаешь.

Если правда, что «в моей фактической лойяльности никто не сомневается» — это как раз и есть то, чего мне пока достаточно. А в сфере идеологии в подлежащих слоях происходят такие трансформации^c, что отказываться авансом от идеологической самостоятельности — просто мне не под силу. И даже если с личной (узко личной) точки зрения тут я совершаю ошибку, то, пожалуй, еще большей ошибкой было бы увлечение такой личной точкой зрения: двум смертям не бывать.

Отсюда и «Наше время», где я, как ни в чем не бывало, излагаю свои раздумья и мысли, каковы они есть на самом деле. Не нравятся? —

^a Более прекрасная девушка (фр.).

^b Не может не увлечь за собой (фр.).

Ну, что ж поделаешь, очень жаль, такова, очевидно, трагедия моего «бытия» и «сознания» — многих раздражать и мало кому нравиться. Но насильно мил не будешь.

Эволюция сознания должна быть органичной, — иначе выйдет ерунда, никому ненужная.

Да, если государство придет и скажет мне: «молчи, такой-сякой, или, еще лучше, пиши, что я тебе приказываю», — тогда я послушаюсь, замолчу и даже, насколько хватит сил, может быть, попробую написать, что прикажут (хотя не ручаюсь, что напишу). Но пока государство мне этого не говорит, — почему же мне не писать о том, что лежит на душе, — в полной уверенности, что этим государству не принесится никакого вреда (скорее, уж польза?).

В этом духе понятны, законны и «переговоры», о коих Вы пишете и которые в какой-то мере даже имеют место. Но «предложить» больше, «предложить душу» ... зачем? Пожалуй, государство скажет: «незачем мне твоя душа, раз ты мне так охотно ее суешь!»

Простите за эти мысли вслух. Они бессвязны... быть может, отчасти потому, что защищаться мне приходится теперь больше с другой стороны и в другую сторону. Так Е[.]Е[.] в полном бешенстве от [«]Нашего времени[»] и кричит об окончательной капитуляции, о том, что я бегу за партбилетом, и т.д. в этом роде.

В сов. кругах недовольны термином «советский социализм» и духом нац[иональной] ограниченности, не говоря уже, конечно, об [«]идеализме» и проч. жупелах.

В Харбине книжку продавать пока не буду — товар исключительно экспортный. Если где-либо попадутся Вам о ней заметки, — не отложите прислать^а вырезки. Ну, пока, всего лучшего, крепко жму руку, привет семье.

Устрялов

Устругов уехал в Москву. И что-то хворает и хнычет. Наши проводят лето в Бариме, езжу туда и я.

* Ср. возрождение «родины»; отчего не возродится и «Богу» — еще лет через пять или десять? До чего сейчас **звучит** наш национал-большевизм! Отчего же не начать проталкивать идеализм в систему сов. культуры?!

№ 47

7 сентября 1934 г.

Дорогой Гр[игорий] Н[икифорович].

Получил Ваше письмо из Швейцарии (от 21/VIII), спасибо. Опять оно посвящено жгучему вопросу «что делать», мучающему одинаково нас обоих.

^а Так в тексте.

Снова и снова думаю я о Ваших мыслях. И окончательно прихожу к выводу: в основном, Вы **правы**, «процесс» Вы оцениваете верно. Правы и насчет роли интересов, и насчет никчемности колебаний колеблющейся эмиграции, и насчет национально-организующей значимости режима. И **неправы** — в конкретных советах Ваших по моему адресу.

В самом деле, **зачем** мне отказываться от права и возможности свободных суждений на политические темы и от самых этих суждений? «Мечтать у нас не запрещено, товарищи»¹⁶¹. Ни своей публицистикой, ни скромной своей спецовой работой (кстати, библиотеку на днях снова открыли, и я опять при деле) я не приношу никакого вреда своему государству, и не перестая быть «совсем гражданином». Если будет нужно, постараюсь «исполнить долг» гражданина, как и другие.

Что же мне прикажете делать? Отказаться от «оригинальных» мыслей во имя «центрального шаблона»? Кому это нужно? — Право же, никому. Молчать? — Намолчаться всегда успеем, почему же не «поднять голос», когда не хочется молчать?

Ведь, в сущности, я пишу по содержанию то же самое, что утверждаете Вы: в России «режим и народ сейчас одно целое», «защита территории организована этим режимом с наибольшей возможной для нас эффективностью» и т.д. Это — «объективная истина», и сказать — по своему — ее следует. С.А.Хотч. советовал же «фиксировать для истории современность»: почему же, в самом деле, не пытаться это делать?

Но — мои «ереси»? Но это же понятие относительное. Вот сегодня узаконили «родину», а завтра, глядишь, реабилитируют и «Бога». Почему же, в форме безусловно невинной, доброжелательной, [«]философической», не поднимать проблем **завтрашнего дня**?

«Но — скажете — это небезопасно лично для Вас». Ну, Вам хорошо известно, что опасности по нынешним временам нас подстерегают решительно на каждом шагу, и подчас попадаешь в пасть беде именно тогда, когда хочешь ее избежать. Тут нужен некоторый запас фатализма. В 1920 я бухнул в сменовеховский колокол, совершенно не заглядывая в книгу грядущих моих **личных** судеб. «И ничего, живем». Правда, теперь поотяжелели немножко, годы давят, — но ведь, пожалуй, с другой стороны это лишнее основание не обременять себя мыслями о личном будущем: жизнь-то, как это ни грустно, — в прошлом. Чего ж бояться?..

Ну, опасность слопает. Это будет досадно... и глуповато, ибо «вины за собой не чувствую». Но разве не может она слопать и при иной повадке, рекомендуемой Вами?

Если бы я мог рассчитывать на какую-либо практическую деятельность большого государственного масштаба, — тогда, быть может, стоило бы ради нее жертвовать маленькими радостями свободных суждений. Но абсолютно очевидно, что такая карьера, *rebus sic stantibus*, для меня исключена. И раз так, раз в перспективе — не более, чем та же «библиотека», тот же «архив», — право, нет смысла как-то переламывать себя.

Я не понимаю, почему Вы считаете мою позицию «межеумочной». У меня нет колебаний колеблющейся эмиграции, и Вы сами знаете, что в моей «служебной», т.е. практически-жизненной лояльности советской власти никто (и она сама) не сомневается. И в этом отношении позиция моя вполне и всецело **определенная**. Вы хотите от меня чего-то большего и требуете от меня того, чего не требует сама власть.

Независимо от того, останусь ли я еще некоторое время за границей, или в близкие месяцы уеду в СССР, — менять образ поведения не чувствую себя в силах, да и не вижу серьезных оснований. «Покаяние» статьи «После 17 съезда»¹⁶², органически пережитое мной, почитаю достаточным и определенным. Быть может, Вы правы, и потребуются дальнейшие шаги по этому пути, но для них, очевидно, нужно будет переехать границу, либо выждать новых внутр. перемен.

Здесьнее положение сейчас достаточно напряженное. Вот когда линии рисуются действительно четко, рубежи ясны! Быть может, живи Вы здесь, Вы видели бы тесную спайку практической работы и общей опасности, — и не переоценивали бы тех теоретических принципиальных разномыслий (б[ыть] м[ожет] в ином плане и весьма существенных), которые отделяют меня от «центрального шаблона»: они не мешают мне быть «гражданином».

Тут уже кончены межумочные симбиозы прежней поры, и советская колония обособлена. Липовые граждане переменили паспорта, атмосфера «чиста, как перед боем». Впрочем, позволительно еще надеяться, что — этот «бой» нас минет!

После 10 1/2 месячного перерыва Библиотека вновь открыта, и я снова — в ее знаменитом директорском кресле. Грустно — без юрфаковских лекций. Единственная «арена» — японский институт, где читаю по[-]прежнему.

Признаться, очень хотелось бы побывать в Европе, и Ваши письма то из Парижа, то из Испании, то из Бельгии, то из Швейцарии пробуждают подчас некоторую тень зависти!!

Большое спасибо за Ваши советы и соображения: они заставляют усиленно шевелить мозгами. В дан[ном] случае, и «полемизируя» с Вами, я знаю, что в какой-то доле Ваши мысли нужно учесть и «прियाть». Крепко жму руку.

Ваш Устрялов

P.S. Прилагаю ради курьеза перевод забавнейшей заметки местной яп[онской] газеты. Стиль, вероятно, напомнит Вам блаженные харбинские времена!!

№ 48

28 сентября 1934 г.

Дорогой Гр[игорий] Ник[ифорович].

За последние дни как будто намечается поворот к мирному разрешению вопроса о дороге. Если сделка состоится, это будет, вероятно, означать отсрочку столкновения и временное улучшение местной

ситуации. Но, с другой стороны, вплотную пододвинется ликвидация харбинского периода жизни... хотя бы и банкетом!

На всякий случай я решил привести в порядок свой личный архив — наиболее интересную переписку, дневниковые записи. Приступаю к снятию копий в четырех экземплярах и к некоторой элементарной обработке материала. Уже сейчас вижу, что переписка со сменовеховцами ([неразборчиво], Бобр[ищевым]-Пушкиным¹⁶³, [неразборчиво] и Лежневым) представляет собою кое-какой уже «исторический» интерес. Пожалуй даже ее можно было бы опубликовать с комментариями. Но пока — просто приведу это в порядок.

По этому поводу у меня к Вам — просьба: не могли бы Вы выяснить, нет ли в Париже какого-либо учреждения, куда было бы можно передать подобные документы на изв[естных] условиях; в сущности, мое условие одно — не считать их доступными для публичного обозрения до моего разрешения (либо, скажем, в течение 20 что ли лет). В Праге есть чешский нац[иональный] архив, и я надеюсь пристроить туда один экземпляр документов. А другой не прочь был бы отослать в Париж (на хранение).

Другой вопрос. Нельзя ли было бы продвинуть отрывки (что ли) «Нашего времени» в переводе куда-нибудь во французскую прессу? Или дать статью или рецензию? У меня была мысль перевести «Пути синтеза»¹⁶⁴ и еще что-нибудь на франц[узский] язык. Но здесь нет хорошего переводчика, а посылать в Пекин дорого и хлопотно. Штирнер берется перевести на немецкий, но теперь это наименее подходящий язык. Т.[-]Ш[.] что-то давно не пишет. Если увидите его, спросите, нельзя ли что тут сделать. Мне кажется, кое-какие мотивы книжки годятся и для иностранной аудитории. Но не знаю отсюда ни журнала, ни каналов... «Plans^a»?

Получил Ваше письмо от 9 сент[ября]. Возможно, что Вы правы и что катастрофа неизбежна. Я не принадлежу в этом вопросе к большим оптимистам. Питаю лишь **надежду**, что ближайший год пройдет благополучно, а там видно будет. Но положение таково, что уверенности в благополучном исходе быть, конечно, не может. И прямо боишься доверять информации последних дней о мирном сговоре, ...не говоря уже о том, что эта информация вызывает весьма сложные чувства: Россия **уходит** из Маньчжурии... И личная судьба — темна и непроглядна.

Здесь до сих пор «Наше время» не может пройти через цензуру, и не продается. Писать статей тоже нельзя. Публичные лекции для меня также недоступны (verboden^b). На Юрфаке не читаю. Сами понимаете, что все это не способствует нормальному функционированию серого вещества. Затеял было работу о диалектическом материализме (книгу или большую статью), но не знаю, получится ли что. Пожалуй, едва ли: трудно будет работать, а тем более печататься под занавес. Посмотрим!

Как-то недавно играли в бридж: Миленко, Медведев, Бутов, Барбаш. Все минется, один бридж останется... а впрочем неизвестно, останется ли и он!..

^a Планы (нем.).

^b Запрещено (нем.).

Штирнер месяц провел в Циндао, вернулся загоревшим и даже словно повеселевшим. Бутов уехал в Дайрен, все возится с своим пузырем (камни!); Витю отправили в Америку. Е[.]Е[.] что-то стал явно сдавать физически, не может пить, что особенно его удручает, и дошел до ижицы ультра-пессимистического мирозерцания. Трифонов бьется в тяжелой нужде, но придерживается мажорного оптимизма; между прочим, вполне поддерживает тезисы Ваших последних писем и шлет Вам привет. Так вот и живем — перед шапочным разбором...

Привет Вашим.

Ваш Устрялов

P.S. Достаньте первые четыре книжки журнала «Новый мир»¹⁶⁵ за этот год (особенно пп. 3 и 4) и прочтите там статью нашего старого приятеля Лежнева «Записка современника»!!!

№ 49

27 октября 1934 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Последние дни сплошь находился, можно сказать, в духовном общении с Вами: перечитывал Ваши письма за многие годы! И должен сказать, что испытывал при этом чувство самого живейшего и даже подчас взволнованного интереса. И не только потому, что — минувшее проходит предо мною, — но и потому также, что многие из наших вопросов, сомнений, дружеских споров — историей еще не разрешены, и доселе нас мучат. Должен Вам сказать, что письма Ваши весьма яркие, весьма показательны для психологии целого слоя людей (и людей, заслуживающих внимания: мыслящих), «репрезентативны», и поэтому сугубо ценны. Сама импульсивность Ваша в этой перспективе — плюс, а не минус, ибо она вскрывает контроверзы нашей психики, нашего сознания. Сохранилась у меня довольно много копий (вполне точных) и моих писем к Вам (в особенности, в последние годы я перед отправкой «идеологических» писем старался их копировать себе в архив), — тем живее впечатление переписки. Видно, как в эпоху Николая I¹⁶⁶, общественной мысли суждено у нас биться в значительной мере подспудно, — на то и эпоха идеократий! Я уже препарировал переписку свою с Лежневым и Сувчинским, сейчас заканчивается приведение в порядок переписки со сменовеховцами (Кл[ючниковым(?)]¹⁶⁷, Пот[ехиным]¹⁶⁸, Бобр[ищевым]-П[ушкиным]), а потом перейдем к нашей с Вами. Машинистка (абсолютно надежный человек) переписывает (при мне) в четырех экземплярах (разум[еется], все чисто личное — исключается). Конечно, пришлю Вам экземпляр. Но если бы Вы смогли найти надежное учреждение, куда можно было бы положить эти документы на сохранение, — я бы прислал Вам по экземпляру и других переписок, — я уже писал Вам об этом в прошлом письме, на которое еще нет ответа.

Пришло Ваше письмо от 30/IX. Рад, что Вы поняли и одобрили мою «линию» последнего времени и еще более рад, что книжка моя, в основном, Вам понравилась. Но теперь, с своей стороны, крепко задумываюсь над Вашими советами последнего времени. Да, придется

учесть многое и сделать нужные выводы. Насчет запретности «мечтаний вслух» в наши дни Вы правы, насколько дело касается внутрирубежной жизни. Но за рубежом мечтания в известных рамках, пожалуй, еще допустимы и **без отрыва от родной среды**. Положение очень сложное и очень тонкое. Постараюсь найти наиболее умный выход, не ошибиться а... это теперь так легко!

Читали ли Вы отзыв «Млад[оросской(?)] Искры» о [«]Нашем времени[»]? Черты какие, — их похвалы мне менее всего полезны и приятны. Конечно, статья — подгасовочная, цитаты подобраны крайне тенденциозно... но все же это подлинные цитаты! Ладно, пусть их стадо читает мою книжку!

От Т.[-]Ш. давно нет ни строчки. Весною он обещал к осени — выявить лицо с надеждающей патриотической ясностью. Жду этого — и даже не без нетерпения. Сейчас это было бы уместно и можно было бы попытаться это использовать. Глупо, что навстречу слухам об оппозиции эмигрантская молодежь не нашла в себе сил и мудрости поднять... хотя бы надлежащий шум!

Здесь пока сравнительно тихо. Лично я думаю, что дорогу в течение зимы продадут, и даже заключил об этом пари с Штирнером на бутылку лучшего красного вина: утверждаю, что сделка будет заключена **до 1 марта 1935 года**. Он же (как и многие) утверждает, что все это маневры, и дороги не продадут. Посмотрим.

Относительно Вашей мысли о монографии «русское влияние и русская политика на Д[альнем]В[остоке]» говорил с Е[.]Е[.] и еще кое с кем. Е[.]Е[.] продолжает пребывать в прострации, ушел с дороги (по существу — «дезертировал») и сейчас оформляет уход. Говорит, что писать такую монографию трудно и будто бы даже ни к чему. Что касается меня, то дальневосточные темы были до сих пор мне довольно чужды; однако, подумаю. Сейчас занят вот этим архивом (см. выше), службой, и немного — диаматом. Монография о диалектике (Платон¹⁶⁹ — Гегель — Маркс¹⁷⁰ — Ленин — наше время) — тема соблазнительная и очень живая. Но, пожалуй, не хватит пороха. Впрочем, все будет зависеть от ситуации.

Ну, всего лучшего, не забывайте и, пока можно, напишите письма — мне и... для какого-нибудь русского Лекотра грядущих дней.

Привет А[.]Л[.] и детям.

Ваш Устрялов

№ 50

Харбин

24 ноября 1934 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Последние недели как-то выбили из привычной колеи, всколыхнули сознание, и в результате происходит, так сказать, непосредственное переключение всей жизненной установки.

Нелепая история с книгой не ликвидирована и я продолжаю состоять под полицейским следствием. Было два допроса, и на втором мне было объявлено, что книга признана вредной, все найденные экземпляры конфискуются, и на территории Маньчжу-Ди-Го¹⁷¹ впредь не

должно появляться ни одного ее экземпляра. Я, разумеется, принял это заявление к руководству и обязался, буде получу из Шанхая хотя бы один экземпляр, немедленно принимать соответствующие меры. И так, видите, какой я опасный автор!

Значительно существенней вопрос об общей местной обстановке. Не исключена возможность, что в течение ближайших двух месяцев договор о продаже КВЖД будет подписан (хотя, нужно сказать, много препятствий еще остается). По[-]видимому, после его подписания пройдут несколько месяцев, пока нам придется отсюда сматываться (если, в отношении меня лично, «Наше время» не сократит срока). Но ясно — уже и сейчас пора «держат светильники зажженными».

Вот тут и встала практически и вплотную перед сознанием основная тема нашей переписки последнего времени. Я думаю, Вы поймете мое решение (см. пред[ыдущее] письмо) и согласитесь с ним, — тем более, что оно всецело в русле Ваших советов. Возможно, что злополучная моя книжка в свете этого решения была **тактической** ошибкой, но — кто знает, — быть может, ей суждено оказаться чем-то вроде лебединой моей песни, как публициста? И я не жалею ничуть, что ее пропел... введя в соблазн местную полицию.

Впрочем, даже и тактически — еще трудно сказать. Прилагаю отрывки статьи Бухарина, — характерно, что кличка «классовый враг» уже в ней не маячит, как прежде. И отраднo, что одиозные «Пути синтеза» не заслонили в глазах вождей тезисов первой политической статьи «После 17 съезда».

В документе ярко оттенена Ваша мысль о государственной дисциплине, обязательной для всех, — «дисциплине труда и дисциплине идеи». Вместе с тем повторен мотив вышеупомянутой статьи: да, в основных конкретно-исторических вопросах я теперь не расхожусь с генеральной линией. Что касается общефилософских и философско-исторических воззрений, то, все еще расходясь в этой области с господствующей установкой, я сознаю необходимость воздержаться от внешних манифестаций своих ересей, если это нужно.

И главное — оргвывод: казак на север держит путь!

Это решено, и лишь ожидает ратификации. Харбинский период кончается: пятнадцать лет! Есть чем их вспомнить. Целая жизненная полоса, в которой было немало хорошего, эра жизненного полдня. Вот теперь подвожу бумажно-идеологические итоги, дабы сдать их в какой-либо более или менее солидный архив...

Смотрю на будущее — сами поймете — без наивных иллюзий, но с твердой готовностью к работе и к аскезе, с отраднoм сознанием последовательного вывода... а, главное, — домой!..

Сулит ли этот милый, родной дом еще порцию жизни, или тянешься туда, как сказочный странник, на вечный покой, — в конце концов «все благо». В Вашем последнем письме Вы очень чутко, мне кажется, отметили, что пессимизм — это убыль, исчезновение любви, маскировка душевной опустошенности. Да здравствует же оптимистический фатализм — пусть не элементарный, не наивный, а умудренный опытом веры, любви и — страдания тоже... Крепко жму руку.

Ваш Устрялов

13 ноября 1934 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Сейчас получил Ваше письмо от 28/X, спасибо. На днях послал Вам не лишнюю интереса вырезку из яп[онской] газеты. Получили ль? На конверте я забыл проставить номер дома.

Информация газеты, в основном[,] верна. Конечно, по инициативе милых наших соотечественников, — меня вызывали в полицию, допрашивали, а дома в это же время произвели тщательный обыск, разумеется, не давший ничего. Обвинили в «нелегальном» распространении книги «Наше время», которую, кстати сказать, я здесь абсолютно не распространял, а лишь представил через книжные магазины два экземпляра в цензуру. Опять же обвиняют в печатании этой книги здесь, — когда она печаталась в Шанхае, подобно брошюре «На новом этапе», — только теперь из любезности, которую тогда мне оказали Вы, оказал И.С.Зефирю. В прессе поднялся невероятный вой, и под занавес я опять стал героем местного дня. Противно донельзя — с души воротит. Ну, впрочем, — не привыкать...

Жребий брошен.¹⁷² То, что Вы мне советовали последнее время, я наконец сделал, — очень этому рад. Буду ждать результата. Фирма извещена по телефону.

Как-то сразу легче стало на душе, почувствовал какую-то опору. В основном, сделал именно так, как Вы рекомендовали, — с некоторыми отклонениями, которые не имеют существенного значения. Проявил полную искренность и надлежащую в т[аких(?)] случаях серьезность. Должен сказать, что встретил полнейшее понимание со стороны контрагента. Конкретно же получил ответ, что дело будет решать сам хозяин, — никому из доверенных фирмы решение не под силу. Должен еще раз от души поблагодарить Вас за Ваши письма: они всегда мне много давали и доселе дают. Ими проверяешь себя.

Все еще нахожусь в атмосфере нашей долголетней переписки, которую перепечатывает ныне моя машинистка. Не знаю сейчас, каким образом переслать Вам один ее экземпляр, когда она будет кончена печатанием. Боюсь гибели в пути.

Вы все-таки зря так низко цените в сегодняшнем письме наши думы, искания и воззрения: ведь, в сущности, последующие (вполне правильные) Ваши рассуждения о родине и ее трепете — тоже думы и воззрения... Из них ведь, в конце концов, в знач[ительной] степени и состоит сама **жизнь!**

Отпраздновали 7 ноября. В нынешнем году праздник был радостен, как в наши с Вами золотые годы, — говорю это с достаточной объективностью. Рост страны, улучшение условий жизни — бесспорный факт. Часто приходится видеться с приезжающими оттуда. Общий голос — реальнейшее улучшение. Это видно, [неразборчиво] даже и по корреспонденции [«]Соц. Вестника[»]. Очень много интересного рассказывает вернувшийся из Москвы и Ленинграда Устругов. Общий отзыв: жить стало легче во всех отношениях.

Так или иначе, весной, нужно надеяться, завершится нынешняя полоса жизни — и всей семьей вернемся во свояси. Психологически все мы уже отрываемся от местной жизни, ставшей соверш[енно] невыносимой, и начинаем жить — на родине.

Крепко жму руку — **пишите по обычному адресу.**

Ваш Устрялов

№ 52

Харбин

25 декабря 1934 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Спасибо за письмо (от 6/ХІІ) и за поздравление, пришедшее как раз вовремя (6-19 дек[абря]). Прекрасно понимаю и надлежащим образом оцениваю также Ваши «наставления». Да, это так, но и это, конечно, — никакая «гарантия»... Передайте привет и благодарность А.Л.-е; меня очень тронуло ее участие.

Объективно говоря, трагические события последних недель не лишены смысла и согласуются с общей закономерностью процесса. История отмечает многих людей первой главы, превратившихся в отработанный пар. Но, разумеется, все это куда спокойнее наблюдать из прекрасного далека во времени и пространстве. Диалектика процесса жестка и беспощадна ко всем, кто ее не раскусил на той или на другой ее стадии. И для таких оступившихся нет забвения или прощения:

Напрасно плачешь, призывая,
О том, что любит не тебя...

Она порою и впрямь кажется капризной, как Кармен, эта безжалостная диалектика, но на самом деле есть в ней и своя идея, и своя страсть, есть и **законы** этой страсти, опаляющей, как пламя. Что же делать, если эти законы глухи к плачам и призывам?..

Теперь Вы, несомненно, уже знаете, что ни Л.А., ни А.А. ни при чем в этой трагедии. Первый благополучно вернулся сюда после своей поездки, а второй уже давно как умер где-то в Минусинске¹⁷³. Вообще, спецовские круги и интеллигенция на этот раз, как видно, остались в стороне от очередного пароксизма. Напротив, они словно еще теснее прижались к государственной власти с ее политической линией, и газеты на видных местах печатают резолюции академиков, ученых, писателей, подчеркивая общий фронт всей интеллигенции и власти.

Понятна психология остатков сокрушенной оппозиции, психология отчаяния, психологическая паника революционеров вчерашнего дня. Мудрено ведь, в самом деле, разобраться в клубке, включающем в себя и социализм, и родину, и мировую революцию, и единый фронт, и Лигу наций! То одни путаются, то другие. При этом «аминь» подчас оказывается более одиозен, нежели «долой», и кивающая голова может во благовремени слететь шустрее качаемой. Замечательное время!

У меня пока никаких новостей. Глупое дело с книгой в состоянии анабиоза. Сама книга запрещена, следствие не прекращено, но вот уже

месяц как меня не трогают. Оборвана и травля в прессе. Не знаю, почему это.

Никаких вестей и от хозяина. В местном масштабе после события (беседы) заметно улучшилось отношение, это отрадно.

Списался с Калугой, куда в случае переезда сразу направляю семью. Мать¹⁷⁴ моя ответила восторженным письмом в духе «ныне отпускае-ши», и считает дни, в надежде увидиться. Брат тоже очень рад и сообщает, что разместить семью в Калуге вполне возможно. А там видно будет.

Продолжаю работать над архивом письменного стола и памяти. Уже около тысячи страниц перепечатано, осталось еще примерно столько же. Дописывая незаписанное, мастерю примечания, дабы итоговую черту провести, по возможности, с сознанием полноты зафиксированного. Так бывает перед...

Перед новой жизнью? Перед вторым рождением? — Но во всяком случае,

на старости я сызнова живу...

После колита, в сущности, не думал даже возвратиться к жизни, — а теперь вот видите, сколько энергии и суетни! Что же, spiro — spero^a!

Недавно послал Вам — окольно — первую половину нашей с Вами переписки, перепечатанной на машинке. Получите — известите. Сообщите пожалуйста Т[.]Ш[.] адрес, по коему Вы мне пишете, пусть и он им пользуется при случае. На днях я послал ему письмо. К стати, пусть в их издании (на рус[ском] языке) они меня не перепечатывают. Рецензии — пожалуйста, но лучше с критикой за «чрезмерное, мол, соглашательство». Если можете **осторожно и деликатно** сказать об этом Т[.]Ш[.], буду Вам благодарен. Но непременно так, чтобы не вышло обиды. Иначе лучше не надо.

Ваш Устрялов

№ 53

Харбин

19 января 1935 г.

Дорогой Гр[игорий] Н[икифорович].

Пришло Ваше письмо от 1/1, пробыв в дороге несколько дольше, чем следует. Предшествующие письма тоже получил, и ответил Вам на них письмом от 25 декабря.

Фирма пока молчит, но и вопрос был поставлен таким образом, что скорого ответа и не требовалось. Длится status quo. Впрочем, сюда ожидается в скором времени один из ответственных доверенных, и есть основания предполагать, что он привезет немало небезынтересных весточек. Разумеется, осложнения в делах, о коих Вы пишете, значительно осложняют и всевозможные личные ауспиции. Да, по Блоку¹⁷⁵, —

Всюду беда и утраты, —

Что же нас ждет впереди?..

Здесь положение достаточно неопределенное, полосатое. Сейчас опять поползли отовсюду слухи об ухудшении обстановки. Токийская

^a Жить — надеяться (лат.).

канитель неистощима и блефоспособность обеих сторон заслуживает положительно восхищения. Порою начинает казаться, что у японцев действительно нет серьезного желания купить дорогу, — хотя я все еще пытаюсь защищать свое предсказание, что к весне этот вопрос будет разрешен.

За последние недели упорно говорят о монгольских планах Японии. Здесь вновь восходит звезда... кого бы Вы думали? — атамана Семенова¹⁷⁶!

Узнаю коней ретивых...

Конь достаточно объезженный, надежный и поскачет, несомненно, всюду, куда только его направит старый хозяин. В боевой эмиграции — снова боевое оживление. Об атамане шумят и фашисты, и легитимисты...

— и было мне, мои друзья,
и *атаманисто*, и тошно!

Да, тошнотворно все это до желудочных колик, но — что же прикажете делать, такова дальневосточная политика: даже и наметавшийся глаз не всегда тут горазд отличить реальности от блефа, ибо блеф здесь реальность, и гегелев Исторический Дух на этом участке работает мелкими остротами *par excellence*... как бы только они в конце концов не обернулись новой дракой пирующих богов!.. Вот уж в самом деле раскутились, проклятые, — просто удержу нет, хоть пожарных вызывай с брандспойтом... да и пожарные пьяны!

«Совр[еменные] Зап[иски]», конечно, читал. Статья Керенского производит отвратительнейшее впечатление, и Вы правы в ее оценке: собственную гниль эти господа переносят на выздоравливающую страну. И факты стилизованы, и суждения — очень дурного тона.

Правильно оцениваете Вы и российские события. Революция, вступившая в конструктивную свою фазу, вызывает к себе бессильную ярость негативных революционеров первой эпохи и, в свою очередь, расправляется с ними. Даже те из них, кто не точил в прямом смысле ножа, расхаживали по Москве живой иронией и оппозицией. Реакция генлинии жестка, — но будем надеяться, что этот жесткий удар будет в то же время и коротким. Тогда его целесообразность — вне сомнения.

Еще два слова о местной ситуации. Как будто объективных оснований для серьезного конфликта ныне и нет, — вероятность войны уменьшилась. Но подготовка к войне не прекращается все же ни на минуту.

Недавно пришлось слышать (от источника, заслуживающего внимания), что летом можно ожидать устремления японцев на Сев. Китай. Лично мне это направление казалось бы более естественным, нежели другое. Однако, за самое последнее время, повторяю, оживились иные толки: возможно, что они — «стимулятивны», как, помните, «без козыря» в бридж. Во всяком случае, едва ли у крикунов много шансов выиграть партию. Будем же верить, что недалеко время, когда и мы сможем крикнуть: «Дубль!..».

Крепко жму руку, с Новым годом. Привет семье.

Ваш Устрялов

№ 54

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Посылаю Вам копию письма Т.-Ш. Надеюсь, согласитесь с изложенными в нем соображениями? При случае, поддержите!

От Вас давно ни строчки. Возможно, что это шалости местных архангелов, коим ныне — рай да и только. Пишите.

Фирма молчит. Это уже — не случайно!

Устрялов

Харбин

16 февраля 1935 г.^а

Многоуважаемый Юрий Алексеевич.

Хочу поделиться с Вами впечатлением от №5 «Завтра», недавно мною полученного (спасибо!). Номер очень интересный, содержательный, явственно и четко выражающий облик Пореволуционного Клуба. Отрадно, что Ваша позиция ныне не оставляет и тени сомнения в смысле патриотизма и не имеет ничего общего ни с каким пораженчеством. Журналом осознана также установка действительно **пореволюционная**, т. е. имманентная революции, точнее — проявлена искренняя воля к такой установке. Учтена революционная динамика. Почувствован тонус наличной советской действительности и, в основном, вдумчиво оценен. Все это очень радует в книжке.

Но хотелось бы отметить и сомнения, ею вызываемые. Сомнения, — не со стороны, а с того же берега.

Мне кажется, прежде всего, что журнал дает неправильную оценку сменовеховской идеологии. Быть может, внешняя, историческая судьба сменовеховства располагает, даже подстрекает к отмежеванию от него. Это линия малого сопротивления. Но, пожалуй, можно было бы мужественно преодолеть ее соблазн. Справедливость требует признать, что первым по времени и сильнейшим по вызванному резонансу носителем национал-большевистской идеи было все-таки именно сменовеховское движение. Неверно, что смена вех была односторонней и немой Каноссой¹⁷⁷. Когда я писал в начале 1922 года, что «наш путь в Каноссу укорачивается благодаря встречному движению самой Каноссы»[(¹)], — я формулировал центральный тезис смены вех, ныне, тринадцать лет спустя лишь повторенный редакционным предисловием Вашего журнала. Думается, не следовало, повторяя этот тезис, безоговорочно отмахиваться от его авторов (говорю не о себе, а именно о сменовеховстве).

Сменовеховцы «бесследно» растворили себя в атмосфере родной страны. Но кто знает, — быть может, в нынешней мажорной национализации Октября (кстати тоже ведь старая — 1925 — с[и]мв[олич.] формула!) своеобразно претворен и наш идейный импульс, химически всосавшийся в тело и душу революции! Ошибаясь во многом, мы в главном не ошиблись; теперь это ясно, как день.

^а Надпись на самой копии.

В этой связи худо, прямо безвкусно звучат крепкие слова И.Ильинской по адресу возвращенцев: «лакеи», «холопы», «покаявшиеся прихвостни». Тут явно не изжита белая, махрово эмигрантская психология. Тут полное непонимание сложного воздуха революции и ... ущерб любви к реальной, настоящей, а не фантастической родине.

Грешно и вместе с тем политически близоруко, просто неумно пореволюционерам бросать бранные слова по адресу людей, едущих на родину и тем самым, разумеется, принимающим на себя нелегкое бремя государственной дисциплины, обязательной для всех граждан. «Хочу быть с моим народом, — разделить его судьбу, и итти вперед вместе с ним» — вот психология возвращенства.

На днях мне рассказывал знакомый иностранец любопытную сценку, свидетелем которой он был:

Встречаются в одном из портовых европейских городов два старых русских моряка: один приехал на советском корабле, другой — эмигрант. Последний упрекает первого: как ему не стыдно служить большевикам, быть холопом и покаявшимся прихвостнем. Тот отвечает:

— Лучше быть холопом своей страны, нежели лакеем в европейских барах.

Должен прибавить, что симпатии рассказывающего мне эту сценку иностранца (человека квалифицированно интеллигентного, — профессор) были всецело на стороне советского моряка...

С своей стороны, я вовсе не хочу в чем-либо упрекать пореволюционных **невозвращенцев** и отлично понимаю их личный статус (сам я как раз никогда не был энтузиастом скорострельного возвращения — и в особенности для политических идеологов). Но пусть же и невозвращенцы воздержатся от дешевых нападок на тех, кто ценит советское гражданство и готов добиваться его хотя бы и дорогой ценой; с точки зрения действительно пореволюционной, **нельзя осуждать** возвращенцев. Нужно помнить, что акт возвращения есть не что иное, как готовность оторванных от своего государства людей разделить вместе со всем населением страны выпавшую на его долю судьбу, с ее повинностями и тяготами. Если упрекать в холопстве возвращенцев, то тогда уже нужно — будучи логичным — бросать тот же упрек и **всему населению СССР** (что и делают твердолобые белогвардейцы). Пусть люди «Завтра» честно и бесстрашно продумают эту проблему до конца. Иначе они все зовут себя пореволюционерами.

Дальше. Журнал упорно противопоставляет «великий русский народ» советскому госкапитализму, «бездушной и тупой коммунистической всеильной бюрократии». Мне кажется, не следует злоупотреблять этим противопоставлением. Великая стройка наших дней есть, несомненно, дело великого русского народа, **но — народа, организованного и направленного ведущим партийным строем**. Ком. бюрократия плоховата, но без нее не обойтись, и вряд ли стоит на новый лад заводить антибюрократическую погудку наших дореволюционных либералов. Да, партия мучила и мучит народ, но без этих мук, разумеется, не было бы и материала для пореволюционного пафоса, — не было бы ни пятилеток, ни социальной правды, ни национальной силы, которыми он, этот пафос, теперь вдохновляется. В статье

А.Зигона правильно утверждает глубокая **народность** коммунистической партии и советского правящего слоя (стр. 22), что, впрочем, не мешает автору на следующей же странице беспричинно «отвергнуть» идею примирения с наличной властью. Странное ослепление! Старинная интеллигентская одержимость «ледяным ознобом абстракции»! Неужели не очевидно, что, при всех ее пороках, лишь компартия может сейчас руководить процессом переделки страны? Само собою разумеется, что меняется страна — меняется и компартия, и «приятие» наличной власти меньше всего означает отречение от революционной динамики. Напротив!

Сюда непосредственно относится и вопрос об «идеологии». Я хорошо понимаю желание усвоить курс «наперерез» пути революции, прыгать разом в завтрашний или послезавтрашний день. Пусть зарубежные пореволюционеры смотрят вперед и продумывают грядущее. Но пусть они все-таки помнят, что завтрашний день в значительной мере обусловлен и насыщен сегодняшним, истинно «великим». Опять-таки очень правильно Ильинская говорит о «людях, закалившихся в суровой школе марксистского материализма». Но, как и Зигон, она не желает сделать вывода из этой истины. Преодоление этих «догм» будет происходить — и уже частично происходит — на их собственной почве. Но «школа» — въедлива. И сами символы, слова, знамена — не будут свергнуты, да и не должны быть свергнуты: не следует забывать, что они — **пластичны**. Киреевский¹⁷⁸ некогда говорил о силе, которой «намагнитили» Иверскую икону («доску») вековые молитвы верующих. Можно сказать, что наш «марксизм» приобретает аналогичную живую силу, поскольку именно под его флагом творится новый мир, возрождается наша страна тяжкими путями страданий, лишений и героизма. Следует помнить эту сторону дела, обрушиваясь на «мертвящие формулы». Иначе заветной «встречи молодых» не произойдет, пожалуй, еще очень долго. В одном из Ваших последних писем Вы весьма удачно обозначили Ваше отношение к советской идеократии, как «доброжелательно-преобразовательное». К сожалению, оно далеко не везде выдержано журналом.

И, наконец, последнее замечание. Должен сознаться, что я считаю совершенно неудачным лозунг «солидаризм». В самом деле, к чему эта многовидная марка, затасканная всеми буржуазными барахолками? Право, она меньше всего к лицу заправским пореволюционерам, — предоставьте уж ее политическим контрабандистам, либо мелкотравчатым эклектикам, вроде здешнего г.Гинса. Иначе опять-таки, при всей волюнтаристической устремленности в новый мир революции, люди «Завтра», сами того не замечая, погрязнут во вчерашнем дне...

Зачем отказываться от лозунгов, имманентных революционной диалектике? В этом отношении «бесклассовое общество» — прекрасный стяг! И чем, в сущности, плох «социализм»? Вот где удобнее поле встречи, и именно оно подлежит всевозможной обработке и орнаментировке.

Ну, кажется, главное написал. Я предназначаю эти беглые заметки для Вас и Ваших ближайших друзей, — а не для печати. Простите, что откровенно, не смазывая и не смягчая углы, скорее, их заостряя, —

высказал свои сомнения и возражения: быть может, они кое в чем окажутся Вам небесполезны. Конечно, я учитывал не только сознание Вашей среды, но и ее бытие. Тем более прошу считать это мое письмо — частным и доверительным.

От души желаю успеха Клубу и Вашим дальнейшим печатным выступлениям.

Крепко жму руку.

P.S. По Вашему примеру, отправляю настоящее письмо дважды.

* См. «Под знаком [революции]»¹⁷⁹, статья «Смысл *встречи*»¹⁸⁰, стр. 95.

№ 55

Харбин

19 марта 1935 г.

Дорогой Гр[игорий] Н[икифорович].

От Вас целую вечность — ни строчки. В чем дело? Если писали, — значит, виною — независимые от нас обстоятельства; мы теперь здесь всецело в их власти. Пишите на E[.]E[.] и ТЦ, — был бы рад на прощанье получить от Вас весточку.

На прощанье! Да, по[-]видимому, через месяц уедем! Уже всецело погружены в предотъездные хлопоты — ликвидация пятнадцатилетнего харбинского периода.

Хотелось бы написать многое, но не могу «по понятным причинам». Возможно, что уедем и раньше, — думали сначала в середине апреля, но возможно, что задержимся. Дети кончают занятия в школе к 1 мая, да и собраться надо. Крепко жму руку, всем вашим привет.

Ваш Устрялов

Ответ пришел в форме краткого разрешения.

P.S. Попросите Т[рубецкого(?)] снять все признаки моего сотрудничества в их организ[ации]. Над[еюсь] он не взыщет.

№ 56

26 февраля 1935 г.

Любопытная полемика Федотов — Руднев¹⁸¹ — Вишняк¹⁸² в последнем (57[-]м) номере [«]Современных Записок[»]. О «родине» в СССР. В чем, мол, дело?

Федотов построил свою статью из двух тезисов: 1) «Самое характерное для нашего времени — это победа национальной идеи в России» и 2) «Национализм сегодня, как коммунизм вчера, сделался одним из самых ярких выражений сатанинских сил, господствующих в мире».

Таким образом, и факт национализации Октября признан, и антибольшевизм сохранен. Большевики — интернационалисты: агу их, предатели! Большевики стали патриотами: все равно агу их, сатанинские националисты! Каков фортель? Каков трюк?

Однако, естественно, что первый тезис федотовской статьи оказался опасным, и люди, ограждающие пути к эмигрантским душам, встрепенулись. Естественно, что беднягу Федотова заподозрили в — устряловщине. И Руднев, и Вишняк отмечают этот уклон (см. стр. 337 и 415). Правда, Федотов «осуждает советский империализм[»] в то время как «безраздельный автор» соответствующей [«]легенды» Устрялов — его приветствует. Но важно, что Федотов изображает нынешнюю советскую действительность — «в ключе, очень близком Устрялову и сменовеховцам».

Конечно, это так; добро пожаловать, новый единомышленник! А насчет Ваших оговорок — поговорим.

Дело в том, что Федотов отнюдь не отрицает ни национальной идеи, ни любви к родине. Он ополчается только на «нового идола», на национализм. Отвергая интернационализм и национализм, он утверждает народность и вселенскость.

Отлично. Но что же тогда ему не нравится в советском патриотизме? — Этого как-то нельзя понять. Как раз для советской концепции родины характерно наличие момента «вселенскости», лишаящего ее ненавистного Федотову жала, одиума эгоцентризма. Именно в советском патриотизме логически и психологически сочетаются народность и вселенскость. Как упустить это из виду?

А главное, как не радоваться появлению патриотических красок на советской палитре? Как не стыдно русскому культурному патриоту брюзжать по поводу воскресения родины в СССР! Г-[осподи]н Федотов, извольте ли видеть, готов «оказать снисхождение для молодого советского национализма». Оказать снисхождение!..

И уже вовсе странно звучит его напоминание, что Россия — «государство народов», а потому де национализм в ней сугобо опасен. Меньше всего эта истина нова для СССР, и советскому национализму такая опасность угрожает в минимальной мере. Впрочем, это, по[-]видимому, понимает и сам автор, обращая свое напоминание и в адрес «национальной эмиграции», даже прежде всего в ее адрес.

Так в чем же дело? К чему этот брюзжащий тон, позволяющий Рудневым и Вишнякам отмежевывать Федотова от Устрялова? Что это: — тактика, поскольку автор — эмигрант и говорит в эмигрантской среде? Но стоит ли ради этого вывертываться наизнанку?

Однако, советский национализм вульгарен и груб. Он чуждается ценностей духовной культуры исторической России, он решительно атеистичен. И хотя советский атеизм все-таки честнее эмигрантской эксплуатации имени Божия (стр. 410), — нельзя им увлекаться. Впрочем, теперь «не только земля, но и русская культура получила амнистию, — частичную, конечно»: воскресают классики литературы! Победители склоняются перед русской литературой.

Верно. Так еще раз: к чему же минорный тон? Идет радостный процесс всестороннего возрождения родной страны, подлинного ее обновления, — а в сторонке стоит умный, многое понимающий человек и строит кислую мину: ему все мало! Ему и то не так, и это не то. Кто же он: не то несносный сноб, не то безнадежный брюзга. В обоих случаях, личность неприятная и раздражающая.

Как не видеть, что и атеизм советский имеет условный, правда, но тем не менее почтенный смысл: он в корне ликвидирует ту «корыстную эксплуатацию имени Божия», которая справедливо вызывает негодование автора. И если восстановлена родина, то и вера, обновленная, преображенная, — будет утверждена в своих правах. Разве диамат не призван возродить философский идеал-реализм? А там — уже рукой подать до системы религиозной культуры...

Бросьте же хныкать, други, бросьте пожимать плечами — и ниц перед мудростью истории, перед величием нашей России!..

№ 57

Харбин

6 апреля 1935 г.

Дорогой Гр[игорий] Ник[ифорович].

Получил Ваше письмо от 17/III, спасибо.

Уезжаем скоро, — в последней декаде апреля или в первой декаде мая. Едем всей семьей — прямо в Москву.

Токийское соглашение обеспечило мне 15 тысяч золотых рублей заштатных. Продал дом за 7 тысяч иен. Итого получилась бы возможность жизни за границей лет около десяти!

Но нужно же в такие решительные минуты иметь мужество подчиняться логике идеи. Общие знакомые считают, что я сошел с ума, — с обывательской точки зрения они б[ыть] м[ожет] правы. Когда меня спрашивают, для чего я так поступаю, я отвечаю:

— Для биографии.

Впрочем, шутки в сторону. Вы поймете меня лучше других. Тут не только своеобразный долг чести (абсолютно бескорыстный и не рассчитанный на то, чтобы кто-то «понял и оценил»), — тут и собачья тоска по дому, и усталость от перманентной двусмыслицы нашего заграничного бытия. Будь же, что будет, чему следует быть!

Вы уже не успеете ответить по получении этого письма. Перед отъездом я напишу еще. Не знаю доселе, получили ли Вы первую часть нашей переписки? Вторая доселе у меня. Я передам ее E[.]E[.] с просьбой переслать Вам, когда это будет возможно.

Крепко жму руку, привет Вашим. Если что имеете написать, пишите на T[араса]B[асильевича] или E[.]E[.], может быть еще успеете нас захватить!

Ваш Устрялов

№ 58

Харбин

22 апреля 1935 г.

Дорогой Гр[игорий] Ник[ифорович].

Получил Ваши письма от 1 и 2 апреля. Большое спасибо за теплые пожелания: они мне тем более дороги, что продиктованы мыслями и настроениями, выношенными и, можно сказать, выстраданными нами совместно, за долгие годы нашего духовного общения. Да, Вы безусловно правы: путь эмиграции (хотя бы даже и с советским паспортом в

кармане) был бы не только срывом всей моей политической линии, идейным банкротством, но и источником неизбежных личных мучений, жестокой внутренней опустошенности. Возвращение на родину воспринимаю я не только как непререкаемый **долг чести**, но и как живую **радость**, пусть осложненную некоторой естественной взволнованностью. И в харбинской полузагранице постоянно осаждали меня в эти годы приступы тоски по родине, по родной природе, по Москве, по обстановке детства и юности, по работе и жизни в русской среде.

Тем не менее буду я вспоминать не без чувства благодарности эти полтора харбинских десятилетия. Не говоря уже о том, что было немало хорошего и счастливого, так сказать, в обывательском, личном плане нашего харбинского житья, — также и в смысле духовной деятельности эти годы не прошли бесплодно. Наши искания и блуждания были исторически предметны, субъективно искренни и объективно осмысленны. **Нужно** было пройти через них — тем плодотворнее жизненный путь и тем значительнее, зреее акт последнего выбора.

Возвращение фактически было возможно и раньше, но психологически и идеологически оно оставалось затруднительным[,] пока круг идей моего национал-большевизма не был изжит диалектикой революции, пока генеральная линия, преодолев тенденции перерожденческого термидора, не заложила реально хозяйственных основ советского социализма — с одной стороны, и не вступила на путь положительной государственной внешней политики — с другой. Да, теперь исчезает смысл «самостоятельной» политической линии, противопоставляемой государственному курсу, и возвращение становится уже не только фактически возможным, но и принципиально необходимым. Возвращение — для надлежащей работы под знаком и в пределах правительственной политики, возрождающей и перестраивающей страну. Предоставление своих сил в распоряжение государства. Это, можно сказать, — имманентный и естественный вывод «устряловщины», ее последний, завершающий акт, осуществляющий и вместе с тем упраздняющий ее.

Опять-таки Вы в глубочайшей степени правы насчет смирения ума и последовательного отказа от «корыстных» и суетных индивидуалистических мыслей. Ту самую «политическую аскезу», о которой я так много писал, ныне буду применять к себе. Но если прежде в этом лозунге аскезы слышалась некоторая двусмысленность (сомнения в генеральной линии), то теперь она пропадает. Ибо **в основном и главном** нет уже речи о сомнении, неверии, послушании со стиснутыми зубами, — а есть живое и сознательное, активное приобщение к государству. Если это даже и своеобразный акт самосожжения, то в духе евангельского афоризма: потерявший душу свою найдет ее.

С этим идейным процессом совпало течение внешних событий. Кончилась служба на КВЖД, создававшая мне положение советского спеца за границей. Были шипы в этой десятилетней спецовой работе, но в основном пожаловаться не могу: отношение ко мне государства было корректным и достойным.

И вот теперь здесь, в Маньчжурии, происходит своего рода «голосование ногами», плебисцит, *mutatis mutandis*, вроде саарского. Совет-

ские служащие КВЖД имеют полную возможность свободного выбора: ехать на родину или оставаться за границей. Нам официально объявлено, что никто нас насильно домой не тянет и, независимо от нашей путевки, нам обеспечены все наши обильные «заштатные» деньги. Все это так.

Но совершенно очевидно, что морально-политически советское государство заинтересовано в наибольшем проценте возвращающихся: это вопрос престижа, — и недаром враги хлопочут об обратном, стараясь всеми средствами увеличить количество невозвращенцев. При таких условиях, — ясен долг лояльного советского гражданина, сколько бы ни пыталась шкурническая софистика его затемнить.

По отношению ко мне этот долг повелевает сугубо. В некотором роде я, как Вы знаете, — фигура символическая, репрезентативная. Недаром и в советском, и в антисоветском лагерях сейчас живо интересуются моим решением. И ясно, что это решение должно быть принято лишь по мотивам строго идейным: *position oblige*^a. При других условиях, не скрою, я предпочел бы вернуться в Россию кружным путем, через океаны, тропики и Европу, — такое путешествие издавна было заветной моей мечтой. К зиме все равно я был бы уже в Москве. Однако, сейчас и чувствую, и знаю, что даже и такой вариант возвращения — неудобен. В наличном плебисците голосование мое должно быть абсолютно четким, безукоризненным и демонстративным, свободным от каких бы то ни было экивоков.

Но что ждет меня там, за рубежом, на родине? — Вопрос интересный, но не имеющий отношения к здешнему моему выбору, — ибо долг, как известно, повелевает безусловно и не связан с представлением о награде или каре. Он бескорыстен в высокой мере. Как бы государство ни отнеслось ко мне, я обязан ему повиноваться, — и теперь более, чем когда-либо.

Разумеется, было бы наивно ожидать или требовать полного доверия к себе со стороны вождей советского государства. Разумеется, меня не могут встретить иначе, как настороженно. Иллюзии здесь неуместны. Доверие нужно заслужить. И в этом отношении, добрая моя воля — налицо.

Государство ныне строится, как в годы Петра¹⁸³, суровыми и жесткими методами, подчас на костях и слезах. В своей публицистике я осознавал этот процесс, уясняя его смысл и неоднократно призывал понять и оправдать его. Тем настоятельнее необходимость сделать из этих ответственных призывов не только логический, но, когда нужно, и жизненный вывод. Ежели государству понадобятся и мои собственные «кости», — что же делать, нельзя ему в них отказывать.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что тут не только вопрос приличия, достоинства, долга. Нет, тут также неудержимое, радостное, обостренное долгой разлукой тяготение к родной земле, — как Вы пишете, — «к воздуху, цветам, краскам, климату», к душевно-телесному облику родины. Иначе говоря, тут не только долг, но и любовь. И

^a Положение обязывает (фр.).

против союза этих двух сил, — Вы сами понимаете, — не могут устоять никакие другие.

Итак, крепко, крепко жму Вашу руку, и еще раз спасибо за теплые строки Ваших последних писем. Горячий привет А.Л-е, Люсе и всем Вашим.

Ваш Устрялов

Собираемся уезжать отсюда числа 10 мая. Едем прямо в Москву. Семья немедленно же отправится в Калугу, где предполагает прожить лето на даче вместе с родными.

№ 59

Харбин

11 мая 1935 г.

Дорогой Гр[игорий] Ник[ифорович].

Посылаю Вам листок своего дневника (от 26/II), посвященный статье Ф[едотова] в посл[еднем] № «Совр[еменных] Зап[исок]». При случае, можете ему его показать. Это, можно сказать, последние брызги моей мысли за границей — перед окончательным и всецелым приобщением к родной стихии. Там, разумеется, я уже не позволю себе даже и в дневниковых записях отклоняться от системы идей, обязательных для всех...

Никак не можем уехать! Происходит заминка с эвакуацией — из-за споров по расчетам с нами... Уедем с первым же эшелоном. Крепко жму руку, привет семье.

№ 60

Харбин

19 мая 1935 г.

Дорогой Г[ригорий] Н[икифорович].

Сегодня уезжаем в Москву. Хочется еще раз проститься с Вами — из Харбина. Будем надеяться, что еще встретимся — если не лично, так письменно!

Едем в поезде б[ывшего] Управл[яющего] Дорогою Рудого, — вместе с ним. С нами же едут Рагозины, Сетницкие и др.

Крепко, крепко жму Вашу руку и желаю всего лучшего. Привет семье. Наши кланяются.

Ваш Устрялов

РГАЛИ. Фонд Г.Н.Дикого. Подлинники.

Примечания

⁹⁵ Мицуи — финансово-промышленная группа Японии, ведущая в угледобыче, производстве удобрений, синтетических волокон и алюминия, морских перевозках.

⁹⁶ Мицубиси — финансово-промышленная монополистическая группа Японии, ведущая в машиностроении, нефтепереработке, нефтяной и стеклянной промышленности, страховом деле.

⁹⁷ Маньчжоу-Го (Маньчжурское государство) — в 1932—1945 гг. марионеточное государство, созданное Японией.

- ⁹⁸ Правильно: Сунгари — река в Маньчжурии, на которой находится Харбин, правый приток Амура. 1870 км, площадь бассейна 524 т. км.
- ⁹⁹ *Сологуб (Тетерников) Ф.К.* (1863—1927) — писатель.
- ¹⁰⁰ «Красная Новь» — ежемесячный московский литературно-художественный и научно-публицистический журнал (1921—1942). В 1921—1927 гг. главным редактором журнала был А.К.Воронский.
- ¹⁰¹ *Пастернак Б.Л.* (1890—1960) — поэт.
- ¹⁰² *Кайзерлинг Г.* (1880—1946) — немецкий писатель и философ-иррационалист.
- ¹⁰³ Фонтанка — река в южной части С.-Петербурга.
- ¹⁰⁴ *Людия Григорьевна Эпштейн-Дикая* — дочь Г.Н.Дикого, ученица Н.В.Устрялова.
- ¹⁰⁵ *Марков Н.Е.* (1886 — после 1931) — один из лидеров «Союза русского народа», председатель Совета объединенного дворянства, во главе фракции крайне правых в 3-й и 4-й Государственных думах. Эмигрант.
- ¹⁰⁶ См. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич.
- ¹⁰⁷ «Вехи» — «Сборник статей о русской интеллигенции» (Москва, 1909). Участвовали: Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, П.Б.Струве, С.Л.Франк, М.О.Гершензон, А.С.Изгоев и Б.А.Кистяковский.
- ¹⁰⁸ *Державин Г.Р.* (1743—1816) — поэт, государственный деятель.
- ¹⁰⁹ *Пушкин А.С.* (1799—1837) — великий поэт.
- ¹¹⁰ *Федотов Г.П.* (1886—1951) — религиозный мыслитель, историк, публицист.
- ¹¹¹ Миелома (лат.) или миеломная болезнь, дифференцирующаяся опухоль системы крови, разновидность хронического лейкоза. Ее частота составляет 1:100 000 населения в год, одинаково поражает мужчин и женщин.
- ¹¹² Столыпинская (П.А.Столыпина) аграрная реформа крестьянского наделного землевладения в России. Разрешение выхода из крестьянской общины на хутора и отруба, укрепление Крестьянского банка, принудительное землеустройство и усиление переселенческой политики были направлены на ликвидацию крестьянского мелкоземелья, интенсификацию хозяйственной деятельности на основе частной собственности на землю, увеличение товарности крестьянских хозяйств.
- ¹¹³ *Фон-Папен Франц* (1879—1969) — глава правительства Германии в июле—ноябре 1932 г., в 1933—1934 гг. вице-канцлер.
- ¹¹⁴ «Моей борьбы» (нем.).
- ¹¹⁵ «Современные Записки» — русский культурно-политический и литературный журнал (1920—1940, Париж). Среди редакторов — М.В.Вишняк, И.И.Фондаминский.
- ¹¹⁶ Каперцы (каперсы) — почки нераспустившихся цветков колючего полукустарника капариса (капорцев), растущего на Кавказе и в Средней Азии.
- ¹¹⁷ Версальский мирный договор 1919 г. Подписан в Версале 28 июня державами-победительницами и Германией. Условия договора были выработаны на Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. Не был ратифицирован США.
- ¹¹⁸ *Есенин С.А.* (1895—1925) — поэт.
- ¹¹⁹ См. *Л.Г.Эпштейн-Дикая*.
- ¹²⁰ «The Times» — ежедневная английская газета (Лондон, с 1785 г.).
- ¹²¹ Из стихотворения Есенина «Русь уходящая» (1924).
- ¹²² *Кугель А.Р.* (1864—1928) — русский литературный и театральный критик, драматург, режиссер. В 1897—1918 гг. редактор журнала «Театр и искусство». Основатель (1908) и руководитель театра «Кривое зеркало».

¹²³ «Россия (У окна вагона)». Харбин, Типография КВЖД, 1926 г. В этой книге Н.В.Устрялов описывает путешествие в Москву из Харбина и обратно, состоявшееся летом 1925 г. в качестве советского спеца.

¹²⁴ Гонконг (кит. Сянган) — английское название города-порта на Юго-Востоке Китая на о. Сянган и п-ове Цзюлун. До 1 июля 1997 г. принадлежал Великобритании.

¹²⁵ Правильно: Тяги (?).

¹²⁶ Шолохов М.А. (1905—1984) — писатель, академик АН СССР (1939), лауреат Нобелевской премии (1965), Герой Социалистического Труда (1967, 1980). Роману «Поднятая целина» (1932—1960) в 1960 г. была присуждена Ленинская премия.

¹²⁷ Апполон — бабочка семейства парусников. Встречается преимущественно в горных районах Европы, Кавказа и Западной Сибири.

¹²⁸ Правильно: Циндао — город-порт в Восточном Китае, на южном побережье Шаньдунского п-ова (залив Желтого моря).

¹²⁹ Наполеон I (Бонапарт) (1769—1821) — император Франции (1804—1814, 1815).

¹³⁰ Литвинов (Валлах) М. (Макс) М. (1876—1951) — государственный деятель, с 1918 г. — член коллегии Наркоминдела, в 1921 г. — полпред в Эстонии, с 1921 г. — зам. наркома иностранных дел, в 1930—1939 гг. — нарком иностранных дел СССР. В 1941—1943 гг. — зам. наркома иностранных дел, посол в США.

¹³¹ Гиппиус З.Н. (1869—1945) — поэт, писательница, жена Д.Мережковского.

¹³² Слова из басни И.А.Крылова (1769—1844) «Волк и ягненок».

¹³³ Ср. «Россия мало-помалу, с великими трудностями, разоренная, нищая, но великая и прекрасная в своем жертвенном подвиге, — «возвращается к нормальной жизни». (Н.В.Устрялов. «Сумерки революции (К четырехлетию юбилею)», «Новости Жизни», 7 ноября 1921 г.).

¹³⁴ «О советской нации» — статья Н.В.Устрялова, впервые напечатана 24 мая 1931 г. в тяньцзиньской газете «Утро», летом 1933 г. была переработана и вошла в сборники статей «От НЭПА к советскому социализму» и «Наше время» (Шанхай, 1934).

¹³⁵ Эррио Эдуард (1872—1957) — французский государственный деятель, писатель, радикальный социалист. В 1932 г., будучи премьер-министром Франции, подписал договор о ненападении с СССР.

¹³⁶ «Бесклассовое общество» — статья предназначалась Н.В.Устряловым для напечатания в харбинской газете 7 ноября 1932 г., в конце 1933 г. подверглась некоторой переработке. Впервые напечатана в сборнике «От НЭПА к советскому социализму» (Шанхай, 1934).

¹³⁷ Правильно: Синьцзян — провинция на Северо-Западе Китая, 1,6 млн км. В 1955 г. была преобразована в Синьцзян-Уйгурский автономный район.

¹³⁸ Троя (Илион) — древний город на Северо-Западе Малой Азии. Около 1260 г. до н. э. была осаждена ахейцами во главе с царем Микен-Агамемноном, взята и разрушена.

¹³⁹ В Учебном Отделе КВЖД Н.В.Устрялов работал с конца февраля 1925 г.

¹⁴⁰ Пилсудский Ю. (1867—1935) — польский государственный деятель, маршал (1920), один из лидеров Польской социалистической партии, во время 1-й мировой войны командовал польским легионом, воевавшим против России. В 1919—1922 гг. — «начальник» государства, после 1926 г. — диктатор (военный министр, премьер-министр).

¹⁴¹ «Проблемы марксизма» — философский и общественно-экономический журнал (1928—1934), издавался в Ленинграде и Москве (1931—1932). Орган Ленинградского НИИ марксизма (с 1930 г. — Ленинградского отделения Ком. академии).

142 Раковский Х.Г. (1873—1941) — политический деятель, дипломат, друг Троцкого. С 1923 г. полпред в Великобритании, в 1925—1927 гг. — посол СССР во Франции. Репрессирован, реабилитирован.

143 Сосновский А.С. — ведущий журналист газеты «Правда».

144 Прокопович С.Н. (1871—1955) — экономист и статистик. В 1922 г. выслан из России, основал в Берлине Экономический кабинет для изучения Советского Союза, выпускавший соответствующие исследовательские издания.

145 См. статью «После 17 съезда».

146 Ср. «Начинается "спуск на тормозах" от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей, — революционные вожди сами признаются в этом. Тяжелая операция, — но дай ей Бог успеха!» (Н.В.Устрялов. «Путь Термидора» // «Новости Жизни», июнь 1921 г.).

147 См.: Н.В.Устрялов. «Перерождение большевизма» // «Новости Жизни», 6 апреля 1921 г.

148 Т. е. СССР.

149 Т. е. эмиграцию.

150 «Сегодня» — русская «независимая демократическая» ежедневная газета (Рига, 1919—1936). Среди редакторов — П.М.Пицкий.

151 Пешехонов А.В. (1867—1933) — экономист, лидер партии народных социалистов, министр Временного правительства, затем член Союза Возрождения России, позднее сотрудник Украинского статистического управления. Выслан из советской России, советник торгпредства в Латвии. Правительство СССР разрешило похоронить Пешехонова в Ленинграде согласно его завещанию.

152 Скиталец (Петров) С.Г. (1869—1941) — писатель.

153 Международный Институт Философии Права и Правовой Социологии (фр.).

154 Гурвич Г.Д. (1894—1965) — юрист, социолог.

155 Реймс — город на Северо-Востоке Франции между реками Марна и Эна.

156 Г(у)инс Г.К. (1887—1972) — юрист, политолог, профессор Харбинского Юридического факультета, позднее переехал в США.

157 Правильно: Рёрх Н.К. (1874—1947) — живописец, театральный художник, археолог, путешественник, писатель. Член «Мира искусства». С 1920-х гг. жил в Индии, в 1934—1935 гг. вместе с сыном совершил экспедиции в Китай и Монголию.

158 Правильно: Тимашев Н.С. (1886—1970) — социолог, преподавал в Праге.

159 Ижболдин Б.С. — юрист и экономист, жил в Германии.

160 «Наше время» — сборник статей Н.В.Устрялова (Шанхай, 1934). Включал в себя политические статьи и очерки философии эпохи.

161 Слова, сказанные Сталиным на 14-м съезде партии в 1925 г. и обращенные к Устрялову (Собр. соч. Т. 7. С. 342).

162 «После 17 съезда» — статья, написанная Н.В.Устряловым в мае 1934 г. (с эпиграфом из Ленина «Из России непозволительной будет Россия социалистическая») и вошедшая в сборники статей «От НЭПа к советскому социализму» и «Наше время» (Шанхай, 1934).

163 Бобрщев-Пушкин А.В. — адвокат и публицист, товарищ председателя партии октябристов, участник сборника «Смена вех» (Прага, 1921), «левый» сменовеховец. Печатался в Праге, позднее вернулся в Россию.

164 «Пути Синтеза» (К познанию нашей эпохи) — статья, написанная Н.В.Устряловым в январе 1934 г. и вошедшая в сборник статей «Наше время» (Шанхай, 1934). Сам Устрялов относил ее к своему циклу «Очерки философии эпохи».

165 «Новый мир» — ежемесячный литературный журнал, основан в 1925 г. в Москве.

¹⁶⁶ *Николай I* (1796—1855) — российский император с 1825 г., почетный член Петербургской АН (1826).

¹⁶⁷ *Ключников Ю.В.* — писатель, кадет, соратник Н.В.Устрялова и сторонник Колчака, один из авторов сборника «Смена вех» (Прага, 1921). Вместе с Потехиным основал в Берлине ежедневную газету «Накануне» (1922—1924), курируемую и субсидируемую И.В.Сталиным. 10 марта 1925 г. выступал на диспуте «О судьбах русской интеллигенции».

¹⁶⁸ *Потехин Ю.Н.* — кадет, вместе с Устряловым и Ключниковым издавал в начале 1918 г. в Москве еженедельник «Накануне», участник сборника «Смена вех» (Прага, 1921). Вместе с Ключниковым основал в Берлине ежедневную газету «Накануне» (1922—1924), курируемую и субсидируемую И.В.Сталиным. 6 апреля 1924 г. выступал на диспуте «Будущее интеллигенции» в Политехническом музее.

¹⁶⁹ *Платон* (428 или 427—348 или 347 до н. э.) — древне-греческий философ-диалектик, ученик Сократа, основал в Афинах школу.

¹⁷⁰ *Маркс К.* (1818—1883) — мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма. С 1842 г. редактировал «Рейнскую газету», в 1848—1849 гг. — «Новую рейнскую газету».

¹⁷¹ См. Маньчжоу-Го.

¹⁷² Слова, приписываемые Юлию Цезарю, которые он произнес при переходе Рубикона, вопреки запрещению сената.

¹⁷³ Минусинск — город на реке Енисей, недалеко от Шушенского.

¹⁷⁴ Устрялова Юлия Петровна.

¹⁷⁵ *Блок А.А.* (1880—1921) — поэт-символист.

¹⁷⁶ *Семенов Г.М.* (1890—1946) — один из руководителей антибольшевистского движения в Забайкалье, генерал-лейтенант (1919). В 1917 г. организовал вооруженное выступление в Забайкалье, в 1918 г. установил там военную диктатуру. В 1919 г. объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. С января 1920 г. преемник Колчака на «Российской восточной окраине». С 1921 г. эмигрант, руководил деятельностью белоэмигрантов на Дальнем Востоке. В 1945 г. захвачен советскими войсками и казнен.

¹⁷⁷ *Каносса* — замок в Северной Италии, где в 1077 г. император Священной Римской империи Генрих IV вымаливал прощение у папы Григория VII. «Идти в Каноссу» — согласиться на унижительную капитуляцию.

¹⁷⁸ *Киреевский И.В.* (1806—1856) — российский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из основоположников славянофильства.

¹⁷⁹ «Под знаком революции» — сборник статей Н.В.Устрялова (Харбин, 1925, 1927). Состоял из 2-х разделов: «Национал-большевизм» и «Русские думы».

¹⁸⁰ «Смысл встречи» (Небольшевистская интеллигенция и советская власть) — статья Н.В.Устрялова из сборника «Под знаком революции» (Харбин, 1927), впервые опубликована 12 февраля 1922 г. в харбинской газете «Новости Жизни».

¹⁸¹ *Руднев В.В.* (1879—1940) — соредактор эсеровского журнала «Современные записки» (Париж, 1920—1940).

¹⁸² *Вишняк М.В.* (1883—1974) — журналист, ответственный секретарь журнала «Современные записки».

¹⁸³ *Петр Великий* (1672—1725) — император России (1721—1725).

«КУЛЬТУРНЫЕ ЛЮДИ СОЗНАТЕЛЬНО УЧИТЫВАЮТ ПРОШЛОЕ»

Из записных книжек А.А.Богданова

Александр Александрович Богданов (1873—1928) — один из выдающихся и оригинальных мыслителей XX века. Его творческое наследие велико. В него входят серьезные теоретические труды, такие как «Эмпириомонизм», «Тектология», книги и статьи по теории и истории культуры, фантастические романы «Красная звезда» и «Инженер Мэнни», лишь недавно опубликованная полемическая работа «Десятилетие отлучения от марксизма».

За последние годы после многолетнего замалчивания имени Богданова все эти произведения были переизданы и изданы. Самым последним сборником его работ и документов стала трехтомная публикация под общим заголовком «Неизвестный Богданов».

Состоялись две международные конференции памяти Богданова. Его наследие плодотворно изучают Джон Биггарт (Великобритания), Зеновия Сочор, Линн Мэлли и Абрахам Яссур (США), Юта Шерер (Франция), Даниэла Стелла (Италия), Габриэла Горцка (ФРГ) и другие зарубежные ученые.

Но есть одна составная часть богдановского архива, к которой исследователи только-только прикоснулись. Это записные книжки Богданова — своеобразный исторический источник, проливающий свет не только на творческую лабораторию автора записей, но и на его внутренний мир, историю его необыкновенной жизни. В самом деле, чего только нет в этих записях, сделанных разными карандашами и чернилами, — выписок из научной литературы, статистических сведений, философских и иных размышлений, воспоминаний, гипотез и т. д. В этих записях, также как и в других трудах, Богданов предстает во весь свой гигантский рост мыслителя и незаурядного участника, современника событий первой четверти XX столетия.

Обращают на себя внимание два заголовка к этим записям, данные самим автором: «К мем.» и «К ром.» — т. е. к мемуарам и к роману. Из них совершенно очевидно, что Богданов собирался писать воспоминания и еще один, третий роман. Жаль, что ему не удалось осуществить этот замысел. Но и то, что осталось в записных книжках, красноречиво свидетельствует о широте богдановского мышления, его неукротимой фантазии, критическом отношении к событиям Октября 1917 г. и последующих лет.

Данная публикация из записных книжек Богданова — не первая. Наиболее подробно отрывки из этой части богдановского архива впервые были воспроизведены П.А.Плютто в двух его работах: «Время и люди (из архива А.А.Богданова)» (Социологические исследования, 1992, № 11) и «Вопросы философии и анализ эпохи в записных книжках А.А.Богданова» (Australian Slavonic and East European Studies, 1994, vol. 8, № 1). Эти публикации, разумеется, весьма важны, но они не исчерпывают все богатство записных книжек Богданова. Публикация П.А.Плютто точно отражает ее заглавие —

подготовителя и комментатора больше всего интересовали философские взгляды Богданова и его анализ эпохи, в которой он жил и работал.

Данная публикация из фонда 259 РЦХИДНИ не повторяет предыдущих, за исключением некоторых документов, что специально оговорено. Все документы воспроизводятся в том порядке, в каком они хранятся в деле, с указанием соответствующих листов. Слова, подчеркнутые автором, выделены курсивом, авторские сокращения по возможности раскрыты.

Публикацию подготовил доктор исторических наук Ю.П.ШАРАПОВ.

К ром[ану]

Красная Шапочка был великий вождь.
Однажды без зонтика он попал под дождь —
И облезла красная краска.
Так кончается сказка (л. 20).

К ром[ану]

«Наша политика, — говорил он, — должна быть столь же бесчестной и бесстыдной, как политика наших противников, ибо иначе за ними остается преимущество отравленного оружия»¹⁾ (л. 21).

Основная характеристика Л[енина]: одна половина соц[иали]зма в Герм[ании] (военно-гос[ударственный] к[апитали]зм, другая — в России (Сов[етский]строй). «Соц[иализм] — это учет». Средняя плата квалиф[ицированного] рабочего²⁾ (л. 21).

К мем[уарам]

Они в политике признавали принципы готтентотства, престиж офиц[иальной] лжи (л. 21об.)

К ром[ану]

Для мещанки «своб[одная] любовь» значит — проституция. Почему? П[отому] ч[то] в ее жалком опыте это единственная вещь, с к[отор]ой она может сопоставить непонятную для нее идею, — такова нынешняя критика.

Темные люди, к[отор]ым учиться надо (л. 22).

К мем[уарам]

Изречение В.П.Милютина на заседании Комм[унистической] Ак[адемии] 15 мая 1926: «у нас в Ак[адемии] всего два крупных философа — Деборин³⁾ и Аксельрод»⁴⁾ (л. 22об.)

К ром[ану]

В борьбе за новую культуру его положение определялось так: «Один за всех — и все против одного» (л. 22об.).

К мем[уарам]

Хоть внешность может быть и не без лоску,
Душа сера.

Чужие мысли он хватает

И в мертвые их формы превращает.

(Разгадка: 1) карандаш; 2) философ из Инст[итута] Кр[асной] Пр[офессуры]) (л. 23).

К мем[уарам]

Задача эпохи была: достигнуть приличного уровня культуры и стремиться к высокому *тилу* культуры (л. 23 об.).

К ром[ану]

Этих двух он ненавидел: единственно возможная для природного характера форма, в которой выражается искреннее уважение (л. 23).

К ром[ану]

Принцип — специально искоренять тех, у кого заимствуешь — тактически очень правильный в той фазе, пока демагогия вполне сохраняет свою силу. Но по мере того как масса осознает действительные отношения, в ней должна развиваться тенденция воспринимать его как определенно-подлый, и тогда даже его прежние применения могут получать реально-отрицат[ельное] значение (л. 24).

К мем[уарам]

Троцкий⁵ об «абстрактности» моей теории пролет[арской] культуры. Да, я в этой теории *абстрагировался* от нынешней отсталости пролет[ари]ата, от милитаристических искажений его идеологии, от всей грязи его пеленок⁶) (л. 25).

К ром[ану]

Две мудрости: обывательская и революц[ионная]. Первая принимает ч[елове]ка, как существо *живое*, вторая — как *творческое*. П[ерв]ая избежит страдания и смерти вообще; для в[тор]ой страдания м[огут] быть лишь злом. Если переход к 1-ой, к[отор]ый означает *смерть* творческого сущ[ест]ва, соединенную с необходимостью потом еще созерцать свой труп (л. 25).

К ром[ану]

«Одним из неперенных признаков реакции является развитие сикофантства, т.е. апелляции к власти в борьбе общих идей» (л. 25).

К ром[ану]

Великие люди пигмейского племени (л. 25об.).

К мем[уарам]

Из стих[отворения] рабочего Фунтикова:

«Тебя спасать? Спасайся сам,
А зря не прися к небесам»

(ответ бога на молитву рабочего) (л. 25об.).

К ром[ану]

То, что является неизбежным аморализмом у диктатора, у малых сих является просто подлостью (л. 25об.).

К мем[уарам]

Тренированные на злобу в полемике, на резвость в цитировании, эти юные герои весьма годятся для того, чтобы править, но не для того, чтобы творить (л. 26).

К ром[ану]

Конечно, так идиотски организованное государство, какое тогда описывал, не могло бы сущ[ествов]ать. В этом наш герой был прав. Но его оппонент был политик и умел быть правым по-иному: он понимал, что в случае надобности можно устраивать все как раз наоборот⁷⁾ (л. 26об.).

К ром[ану]

Если бы возле Наполеона стоял человек, далекий от честолюбия, но способный в некоторых вещах видеть лучше его, вообще того же умственного калибра — Наполеон не мог бы сыграть полностью своей роли. Ошибки диктатора священны, но они таковы только до тех пор, пока никто не может увидеть их раньше его самого. Иначе его величие рассеивается⁸⁾ (л. 28).

К мем[уарам]

Ничем нельзя изменить того факта, что в 17-м мной было сказано — вы можете устроить не социализм, а только в[оенный] к[оммуни]зм; и в 21-м было признано — у нас был только в[оенный] к[оммуни]зм, а не с[оциали]зм⁹⁾ (л. 28).

К мем[уарам]

Для двадцатого века, с его разгромом старых схоластич[еских] понятий, эта философия совершенно идиотская. Но там, где требуется вера, всего удобнее именно абсурдная и бессодержательная система¹⁰⁾ (л. 28).

К мем[уарам]

Стремление милитаристов осолдатить и оказармить всю нацию до детского возраста (л. 29).

К мем[уарам]

«Я готов на всякую подлость для дела». Логический шаг; я сам существую для дела; что делаю для себя, то косвенно делаю для дела. Поэтому если я сделаю подлость и для себя, это в конечном счете тоже для дела.

Затем подлость — метод становится привычкой, и рано или поздно делается открытие: «а ведь я подлец». И после этого всякие задержки отпадают: не все ли равно? (л. 30об.).

К ром[ану]

Смесь бюрократич[еской] культуры с идеологией первонач[ального] накопл[ения] — в XX веке (л.35об.).

Мемуар[ы]

Оба были правы объективно — в разном масштабе. В национально-партийном Б. являлся вредным революционером, подрывающим основы; в общечеловеческом — представителем высшего типа культуры (л. 36об.).

Варварство

И такова рептильность азиатской души, что профессора не стыдились цитировать его в подкрепление физических и биологических теорий¹¹⁾ (л. 37).

То, что надо осознать: полудикари XX века, полные пережитков стадности и стадной жестокости, умственного рабства, умственной лени и готтентотства.

[!]

С 1883 г. ([год смерти] Маркса) человечество пережило несколько веков. Электрич[еский] свет проник туда, где горела лучина; нефть стала пружиной миров[ой] экономики и политики. Создались автомобили и стали в Амер[ике] экипажами для рабочих; завоеван воздушный океан аэронавтами, подводные суда насчитываются тысячами. Индустриальный к[апитализм] сменился финансовым, и этот успех пережил крушение мировой войны. Возник, расцвел и пришел к глубокому крушению II Инт[ернационал]. В передовых странах 8 час[овой] раб[очий] день и госуд[арственная] помощь безработным, превосходящая заработок рабочих в отсталых странах. На заводах Форда¹² минимальная плата неквалифиц[ированного] рабочего вдвое > чем жалование академика отсталых стран. Революция прошла через всю Россию, охватила Китай, Индию; монархии остались кое-где жалкими пережитками. Беспровол[очные] X-лучи, радио (л. 38об.).

К мемуарам

Трусость, как характерная психологич[еская] черта послевоенной эпохи¹³⁾ (л.39).

К мемуарам

Роль в авторитарной полемике принципа «и дьявол может творить чудеса» (л. 41).

Дилемма

Одно из двух: или он принимает старую культуру, методы других классов — и вместе с тем подчиненное положение; или он создает свою культуру, свои методы, подчиняет им свои организаторские силы, откуда бы они ни пришли — а тогда, как господин хода вещей, выполняет свою историческую миссию (л. 42).

Из романа

Ненависть Р. к нашему герою была естественным раздражением мертвеца, которого пришли хоронить.

Ненависть L. — ненавистью шахматиста к самостоятельно движущейся фигуре, ходов которой он не может учесть.

Ненависть S и s — обычная злоба малых против большого, шаблонов против творца, обывателей против рев[олюционе]ра¹⁴) (л. 46об.).

Бывает ведь и так, что идеология творчества становится идеологией застоя и самодовольства, идеология соц[иальных] борцов — идеологией подавляющей солдатчины¹⁵) (л. 46об.).

Подавление А.Б. авторитетами Каутск[ого]¹⁶ и ... Р.Люкс[ембург]¹⁷. Оратор и публицист — наверное, изумилась, попав в подавл[яющего] научно-фил[ософского]-авт[орите]та (л. 76).

Наши бурж[уазные] политич[еские] деятели очень похожи в больш[инстве] на бесстыдников. Им ничего не стоит на кратк[ом] протяж[ении] времени переходить от «друзей слова» к «врагам слова», от голосования за военно-полев[ые] суды и за Азефа¹⁸ к публ[ичной] скорби о господстве реакции. Но надо же от них отличаться. Это классов[ое] треб[ование]. Они — политики; если вы тоже, где принцип классов[ости]?

Если у них отсутствие последовательности и стыда назыв[ается] «реализм», то нам нужна иная терминология, новые понятия (л. 77об.).

Налетела и прошла гроза. Самое время для общих вопросов. Разобраться во многом — нужна общая точка зрения. Пока жили от пустяка до пустяка — ее не требовалось (л. 79об.).

Дикари живут бессознательной традицией и настоящим моментом. Культурные люди сознательно учитывают прошлое (л. 80).

Могучие методы, великие плодотворные идеи они превратили в варварские шаблоны и детский лепет (л. 80об.).

Вы имеете твердую и непреложную догму. Но когда пришли события, каких не было при ее возникновении, тогда оказалось, что вы разбрелись (л. 81об.).

Сколько лет повторяются одни и те же ошибки. «Зачем поминать старое?». Отрицание опыта — в интересах тех, кто не в силах ничему научиться. Обломовщина под покровом мягкосердечия (л. 83).

Застывание догмы порождает авторитарное право. Ил[ьин]?¹⁹⁾ (л. 84об.).

Этим прекраснодушным субъектам я заранее отвечаю: идиоты! Надо знать и понять старое, чтобы не проделывать снова и снова глупостей, которыми оно переполнено. Мы и так побили все рекорды... (л. 85).

Раствор старого марксизма в невежественной азиатчине (л. 86об.).

Ни мы, ни они — не марксисты. Но мы — немногие, идущие сознат[ельно] или бессознат[ельно] по новому пути, и они, сотня доктринеров, упершихся в могилу Маркса, в данный момент — одинаково ничтожные величины перед потоком мировой культуры. Вопрос в том, где жизнеспособн[ый] зародыш, где недокончивший умирание труп, где разгорающаяся искра, где потухающие угли. И вот разница: мы знаем, в чем мы не марксисты, и объясняем почему. Мы говорим: марксизм не довел до конца своих тенденций, не сделал всех выводов ни в смысле соц[иального] монизма (происхождение идеол[огии]), ни в смысле классового противополож[ного] (все области культуры), ни в смысле универс[ального] монизма (всеобщ[ая] орг[анизационная] точка зр[ения]).

Они же, расходясь с марксизмом, не смеют даже сказать этого, фарисейски заявляют о непогрешимости своего писания и не только, замалчивают свои противоречия с ним, но даже подделывают его, как католицизм — изложение библии (л. 87—87об.).

Война показала, что мировые вопросы суть вопросы культуры (л. 88).

Я расскажу историю своей борьбы за обновление, п[отому] ч[то] эта история — могучий аргумент в пользу моих идей.

Так не борются против заблуждения. Так борются только против ненавистной истины (л. 89об.).

Горькое замечание адвоката об утрате уважения к обвиняемым, моральный уровень которых за эти годы так понизился (л. 90).

Русские идеологи — плоть от плоти крестьянского, отсталого, суеверного народа. И они отлучают законно (как Синод — Толстого²⁰⁾ (л. 91об.).

К теории интуиции

Возможность интуитивного познания *предполагает* теорию всеобщей подстановки, ибо предполагает доступность «внутренней стороны» вещей (л. 93).

Если вы не захотите и не сумеете выработать своих лучших методов, из вечных учеников стать мастерами, кузнецами своего дела и

своей судьбы — не ожидайте ничего, кроме поражений... Ведь, против вас стоят *взрослые бойцы* (л. 95).

Мою культурную программу р[усск]ие не признают *своей*, когда она *дойдет* до них. До сих пор инт[еллиген]ции удавалось единодушным криком не допускать этого. Ибо для них она — сплошная обида. Новая культура не в их духе, и принижает их культурный капитал (л. 95).

Либералы усвоили из Маркса, что их роль заключается в предательстве демократии, и постоянно ищут случая предать, — до сих пор все на свою голову. Политику они понимают, как искусство выгодно изменять (л. 95).

Истина = организованность в сфере опыта; добро = орг[анизованно]сть в сф[ере] действия; красота = орг[анизованно]сть в сфере эмоцион[альной] (л. 95об.).

Некультурность — это, прежде всего, неуважение к труду и организации. «На всякий случай дешевле всего — время». Эпизод с выпуском тома. Отношение к рукописям в наших редакциях (л. 95об.).

Поставить каждого на его настоящее место (л. 97об.).

Реакция: исчезла та строгость к себе, к[отор]ая есть *объективность* (л. 99об.).

Метод загробных интервью (л. 100).

Элементы предательства есть во всяком политиканстве и дипломатии (л. 100).

Вера в абсолютную истину не гарантирует себе верности истине. История католицизма с его обманами — параллель (л. 100об.).

На что они рассчитывают? Очевидно, на то, что другую сторону не услышат, и неправда станет надолго *как бы* правдой (л. 102об.).

Окружен рыцарями без страха, но с большим упреком (л. 103).

Поряд[очному] ч[еловеку] можно доверять п[отому], ч[то] если он завтра и переменит сегод[няшние] взгляды, то это произойдет, во-1) по чисто идейным мотивам, во-2) кинжала в спину он по этому случаю не всадит. Ренегат не надежен (л. 107).

Кульг грубой силы (Ильин и пр.) (л. 108).

Мсть насилием — открытое сознание в идейном поражении (л. 111).

РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 26. Л. 20—111. Рукопись. Автограф.

Примечания

¹ Впервые опубликовано П.А.Плюто в журнале «Социологические исследования» (1992, № 11. С. 140). Затем в сборнике «Australian Slavonic and East European Studies» (1994, vol. 8, № 1. P. 61).

² Там же.

³ *Милютин В.П.* (1884—1938) — литератор, экономист, автор работ по экономике.

⁴ *Деборин А.М.* (1881—1963) — философ, академик, автор работ по истории социально-политических учений нового времени и истории философии марксизма.

⁵ *Аксельрод Л.И.* (1868—1946) — философ и литературовед, в 1921—1923 гг. преподавала в Институте красной профессуры.

⁶ *Троцкий Л.Д.* (1879—1940) — политический деятель первой половины XX в.

⁷ Впервые опубликовано в австралийском сборнике. С. 60.

⁸ Там же. С. 58. *Наполеон Бонапарт* (1769—1821) — французский государственный деятель, полководец.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Там же. С. 56. Речь идет о цитировании работы В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

¹² *Форд Г.* (1863—1943) — американский промышленник, один из основателей автомобильной промышленности США.

¹³ Впервые опубликовано в австралийском сборнике. С. 58.

¹⁴ Там же. С. 59. Р. — Плеханов, Л. — Ленин.

¹⁵ Впервые опубликовано в журнале «Социологические исследования» (1992. № 11, С. 138), также в австралийском сборнике. С. 59.

¹⁶ *Каутский К.* (1854—1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала.

¹⁷ *Люксембург Р.* (1871—1919) — деятель немецкого, польского и международного рабочего движения.

¹⁸ *Азеф Е.В.* (1869—1918) — один из лидеров партии эсеров, провокатор.

¹⁹ В рукописи: «Ил.». Как видно из контекста, Богданов имел ввиду Ленина. Вот что писал об этом П.А.Плютто: «В скрытой или открытой форме Ленин фигурирует во многих записях книжек: вновь и вновь Богданов должен был мысленно возвращаться к «нему» в своих социофилософских изысканиях, анализе авторитарности и авторитетов» (Социологические исследования. 1992. № 11. С. 138).

²⁰ *Толстой Л.Н.* (1828—1910) — писатель.

«РОССИЯ БЫСТРО ДВИЖЕТСЯ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ БАНКРОТСТВУ»

Записка С.Ф.Шарапова великому князю
Александру Михайловичу. 1895 г.

Сергей Федорович Шарапов (1855—1911) был одной из самых заметных фигур общественного движения конца XIX — начала XX века. Близко сойдясь с И.С.Аксаковым в конце 70-х годов, он встал на позиции славянофильства, и с тех пор все его работы можно рассматривать как развитие славянофильской теории. Он не только активно печатался в различных изданиях, но и сам издавал газеты «Русское дело», «Русский труд», «Пахарь». Вполне патриотические по своему направлению, они повторили судьбу многих начинаний И.С.Аксакова — министерство внутренних дел после нескольких предупреждений закрывало эти издания одно за другим.

С.Ф.Шарапов занимался различными вопросами, в том числе и финансовыми. Тем более, что, как это видно из представленного ниже документа, находясь на службе в министерстве финансов, он участвовал в разработке проекта Торгового и Промышленного банка, основной целью которого должно было стать кредитование отечественной промышленности.

После прихода в министерство финансов С.Ю.Витте¹ основной упор это ведомство сделало на привлечение иностранных капиталов, так что пребывание С.Ф.Шарапова на службе стало бесполезным и невозможным, поскольку не совпадало с его убеждениями. К тому же реформа денежной системы и переход к золотому обращению дали ему богатую пищу для полемики. Сторонник приоритетного развития сельского хозяйства, одной из основных экспортных отраслей России, в котором была занята подавляющая часть населения, он обрушился с резкой критикой на мероприятия министерства финансов, которые, как он считал, разоряли и без того нищих крестьян.

Особенно острой полемика была в 1895—1896 годах, когда проводились основные мероприятия денежной реформы. И именно к этому времени относится записка, поданная С.Ф.Шараповым на имя великого князя Александра Михайловича². Вызвана она была появлением в Париже книги И.Ф.Циона «Господин Витте и русские финансы». В ней не просто критиковалась позиция министра финансов в вопросе о введении золотой валюты. И.Ф.Цион поведал читателям о злоупотреблениях в министерстве и заключении многочисленных невыгодных для казны договоров и контрактов.

¹ Витте С.Ю. (1849—1915) — министр финансов (1892—1903), председатель Совета Министров России (1903—1906).

² Александр Михайлович (Сандро) (1866—1933) — великий князь, внук Николая I, двоюродный брат императора Александра III. Председатель совета по делам торгового мореплавания (1900). Главноуправляющий торгового мореплавания и портами (1902—1905).

Записка была адресована великому князю не случайно. С.Ф.Шарапов, конечно же, знал о личной неприязни Сандро к Витте и постарался заручиться его поддержкой перед Николаем II, к которому собирался обратиться с изложением собственных взглядов на русские финансы. Расчет Шарапова оправдался. Александр Михайлович стал благоволить к нему и его «партии», став главным козырем в борьбе с всесильным министром. Правда, открыто, публично выступить против Витте великий князь смог лишь в 1899 году. В марте под председательством Николая II прошло заседание особо приближенных лиц, на котором обсуждались первые результаты финансовой реформы. Витте тогда сумел удержаться, но горячее выступление Александра Михайловича не прошло даром, поскольку с этого времени влияние министра финансов на императора стало явно ослабевать.

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук М.Ю.КОНЯГИН.

Март 1895 г.

Ваше Императорское Высочество.

Давно занимаясь экономическими и финансовыми вопросами нашего отечества, я приемлю смелость представить на благоусмотрение Ваше настоящие строки, вызванные появившеюся у нас книгою Циона «Mr. Witte et les finances russes»¹. Книга эта предназначена, к несчастью, не столько к тому, чтобы выставить в истинном свете деятельность нынешнего Министра Финансов, сколько к тому, чтобы поколебать заграничные русский государственный кредит. Эта цель может быть ею в некоторой степени достигнута, не смотря на то, что г. Цион приложил все усилия, чтобы возбудить недоверие читателя к его, по большей части верным фактическим разоблачениям.

Только эта мелкая и личная злоба обойденного подачкою еврея вызвала г. Витте на весьма странное и рискованное решение — вместо всяких объяснений передать самую книгу на суд читателя. Г. Витте рассчитывал очевидно на то, что во-первых, публика вообще невежественна в вопросах финансовых, и потому сама не будет в состоянии разобраться в исчислениях и разоблачениях г. Циона, а во-вторых, не поверит ему ввиду слишком очевидных личных его целей приемов.

Нет никакого сомнения, что этот удар, нанесенный Министром Финансов г. Циону, имел в первую минуту блестящий эффект, тем более, что вся русская печать (как и в большинстве иностранная) стала заведомо на сторону г. Витте². Но спокойное и внимательное чтение книги, переполненной выписками из официальных отчетов и статей, мастерски освещенными фактами злоупотреблений и спекуляций, не может, в конце концов, не привести читателя к тому заключению, что хотя автор и клеветник, и шантажист, но большинство его указаний вполне верно и деятельность г. Витте предосудительна³.

Для тех же, кто ближе знаком с этою деятельностью, становится очевидным с первой же страницы книги, что г. Циону известны и

доступны лишь самые незначительные из злоупотреблений финансового ведомства и что о наиболее преступных и уже заведомо угрожающих нашему отечеству фактах он не имеет точных сведений.

Прочитав внимательно всю книгу, и, насколько было возможно, проверив ее положения, я приемлю смелость представить личные мои выводы.

Основная мысль книги, высказанная довольно прозрачно, именно, что пока переход русских государственных бумаг во Францию совершался при посредстве г. Циона, он был для Франции чуть не благодеянием, а когда г. Циона отстранили, стал «покушением на французские сбережения» — эта основная мысль, высказываемая с особенным озлоблением и настойчивостью, смешна, ослабляет книгу и отталкивает читателя.

Упреки, обращаемые автором к г. Витте, и обвинения в государственном социализме, радикализме и нигилизме за то, что Министр Финансов отстаивал общину, неотчуждаемость наделов и принял широкие основания для народного кредита при реформе Государственного Банка — по меньшей мере, неосновательны и имеют в виду не столько русских читателей книги г. Циона, сколько французские денежные и биржевые классы, как огня боящиеся социализма. Никакого социализма г. Витте здесь не проявляет, равно и никакой личной инициативы, так как все мероприятия в области земледелия, промышленности и торговли и вообще народного хозяйства переданы им почти сполна его сотрудникам гг. Антоновичу⁴, Ковалевскому⁵, Цитовичу⁶, Максимову⁷ и другим. Г. Витте оставил за собою лишь непосредственное заведывание чисто финансовыми операциями государства и в этой области обвинения г. Циона, не смотря на их неполноту, являются весьма тяжкими.

Эти обвинения сводятся к двум пунктам:

1. Уничтожение всякого серьезного контроля над финансовыми и банковыми операциями Министерства Финансов, при совершенно произвольном характере этих операций и заведомо подложных росписях и балансах.

2. Широко развитая спекуляция, сопровождающая все чисто финансовые операции г. Витте. Образование синдиката с Ротштейном во главе, дружественного г. Витте, пользующегося его покровительством и действующего в ущерб интересам государственной казны.

Обвиняя г. Витте в упразднении Совета Кредитных установлений, указывая, что нынешнему Министру Финансов нужна полная свобода и безответственность в самых крупных финансовых операциях государства, г. Цион совершенно прав. Г. Витте постарался поставить дело так, что Контроль над операциями Государственного Банка стал явно невозможным, равным образом, как и над всякими финансовыми «соглашениями», сопровождающими выпуск займов, выкуп железных дорог, образование новых частных компаний и т. п. Ни одна из этих мер не рассматривается, да и не может рассматриваться по существу, ибо основывается не на точных цифровых данных, а на спекулятивно-коммерческих соображениях г. Витте. Пример выкупа дорог Главного Общества приводимый г. Ционом, хотя представляет самую бледную из

финансовых операций Министра, дает ясное представление об образе его действий. Комитет Министров и Департамент Экономии Государственного Совета могли с некоторой компетентностью обсудить условия выкупа этих дорог на основании точных условий по концессии, но они решительно не могли быть компетентными в оценке частного соглашения г. Витте с акционерами Главного Общества через посредство синдиката Ротштейн и К^о.

Равным образом означенному соединенному присутствию Комитета Министров и Департамента Экономии пришлось без всякой проверки, молча, согласиться с увеличением более чем вдвое строительного капитала Общества Рязанско-Уральской жел. дороги, основываясь единственно на голословном утверждении г. Витте, что это увеличение не связано ни с какими злоупотреблениями и произошло главным образом вследствие требований самого правительства, не имевшихся в виду при составлении первоначальных расценок.

Очевидно, что высшему в Империи учреждению, призванному к проверке и утверждению финансовых операций Министерства Финансов, ничего не оставалось более, как, выразив некоторое неодобрение образу действий Министра, утвердить его меры, тем более, что деньги были уже выданы Обществу.

Совершенно также беспомощны и бессильны контролирующие правительственные высшие инстанции и при рассмотрении всех других финансовых мероприятий г. Витте. Государственный Совет лишен всякой возможности проверить верность цифр и расчетов Государственной росписи, или проникнуть в тайны бухгалтерских комбинаций Государственного Банка и Государственного Казначейства. Г. Цион утверждает совершенно верно и доказывает весьма вескими данными, что заключение росписей является чистейшей игрою цифр, которые по произволу переставляются справа налево и обратно, изображая государственное хозяйство в том виде, как угодно г. Витте. При существующем порядке никакая проверка этих цифр и комбинаций невозможна, и, при благосклонном молчании Государственного Контроля, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР лишен возможности иметь какие-либо верные сведения о положении государственной казны.

К сказанному я лично мог бы добавить соображения, по-видимому г. Циону неизвестные. Никто, даже сам Министр Финансов, не в состоянии поручиться, что опубликованное количество процентных бумаг, кредитных денежных знаков и золота соответствует действительному количеству обращающихся этих ценностей. В бытность мою делопроизводителем комиссии под председательством Тов. Министра Антоновича о реформе выкупных учреждений был поднят вопрос о точном исчислении, во что обошелся правительству выкуп крестьянских наделов. При этом оказалось, что не только точно, но даже приблизительного учета этой операции сделать невозможно по двум причинам: 1) в виде совершенно хаотического состояния отчетности Государственного Банка, и 2) вследствие того, что количество действительно выпущенных в обращение Государственных процентных бумаг не соответствует количеству их показанному в книгах, причем разница едва ли может быть определена.

Хотя эти удивительные факты, подробности коих ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО можете усмотреть в печатных записках представленных гг. Антоновичем и Петлиным относятся еще к временам ближайших предшественников г. Витте, но можно смело сказать, что за время управления русскими финансами гг. Вышнеградского и Витте порядок этот, если и изменился, то не к лучшему, ибо с тех пор не только не сделано никаких улучшений в счетоводстве Государственного Банка, но уничтожены и последние остатки, и самая возможность контроля над его операциями.

Для тех, кто хотя несколько знаком с формами взаимных отношений Министерства Финансов, Государственного Банка и Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, отнюдь не праздными являются следующие вопросы:

1. То ли количество кредитных билетов находится в обращении, какое показывается в отчетах Государственного Банка?

Уже из одного того соображения, что при бюджете свыше миллиарда рублей, при наших огромных расстояниях и медленности оборотов, при слабом развитии кредита и отсутствии всякого частного расчетного средства, миллиарда будто бы курсирующих знаков совершенно недостаточно, ибо значительная его часть должна быть всегда связанною в учреждениях Государственного Казначейства, явствует, что кредитных билетов должно обращаться гораздо более миллиарда рублей.

Какая именно цифра обращается — при нынешней системе контроля никем с достоверностью установлено быть не может.

Какую достоверность имеют публикуемые в отчетах Банка сведения о количестве находящихся в обращении Кредитных билетов, легко оценить по одному факту взятому наудачу. За последовавшим недавно окончанием обмена старых кредитных билетов на новые, в доход казны должна была поступить вся сумма денежных знаков, уничтожившихся различными способами в руках публики без предъявления к обмену. За два почти десятилетия обращения старых знаков количество сгоревших, затонувших, или иначе истребленных денег не может быть менее нескольких миллионов рублей. Между тем эта сумма нигде (ни в отчетах Банка) ни в отчетах Банка ни в Государственной росписи не показана и по всей вероятности даже не может быть определена.

2. То ли количество процентных бумаг кредитных и металлических находится в обращении, какое показано в отчетах?

И на этот вопрос ответа быть не может, или вернее, может быть лишь отрицательный ответ, в виде, как сказанного выше, так и произвольной и хаотической отчетности Государственного Банка. Если возможен такой факт, что Государственный Банк выпускает в обращение считающиеся погашенными 56 млн рублей в процентных бумагах на основании подложного доклада Министру, это случайное открытие бросает тень на всю отчетность Банка по операциям выпуска и реализации государственных долговых обязательств и заставляет предполагать, что это учреждение прибегало к аналогичным приемам не раз, ибо хаотическое состояние его отчетности, указанное в комиссии

Антоновича кн. Н.И.Шаховским, относится не к одной лишь выкупной операции.

3. Какое количество драгоценных металлов действительно составляет собственность государственной казны?

На основании публикуемых отчетов нет никакой возможности установить нашу металлическую наличность даже в том лишь смысле, сколько фактически лежит золота в подвалах казны и у заграничных ее агентов. Определить же, чье это золото и какими доказательствами или расчетами оно связано, нет ни малейшей возможности.

Операция в южно-американском вкусе приводимая в конце I главы книги г. Циона, исключение из актива Гос. Банка на 100 млн руб. золота и передача этого золота Казначейству, вполне подтверждающаяся разбором балансов Банка от 1 и 8 марта 1893 г. доказывает это, а так как подобные операции повторялись многократно и с той же беззастенчивостью, то это обстоятельство устраняет всякую возможность установить юридическую принадлежность золота и следовательно, определить и самое его количество в собственности казны.

В силу же своеобразных порядков Банка и отсутствия над ним фактического постороннего контроля, невозможно решить вопроса и об абсолютном количестве металла в кладовых Банка.

Из сказанного не трудно заключить, что все наши росписи, все финансовые предположения и исчисления и вообще все наше финансовое хозяйство являются в высокой степени фантастическими, ибо для них не хватает самых элементарных фактических данных; без коренной проверки эти основания установлены быть не могут. Фантастичность эта доходит до самого откровенного цинизма. Г.Цион передает рассказ Суворина⁸ о посещении им г. Витте, тогда еще директором департамента у г. Вышнеградского и о наивных признаниях г. Витте, что все наши бюджетные остатки достигаются лишь ловкою перестановкою цифр справа налево и обратно. Рассказ этот г. Сувориным не только не был опровергнут, но неоднократно подтверждался в частных разговорах.

Приняв все это в соображение, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО простите резкость сделанной мною характеристики нашего финансового хозяйства, его данных и приемов. Смею полагать, что слово — «фантастические» — термин еще слишком мягкий... Таков единственный, возможный ответ на первое обвинение г. Циона. То, что он указывает в частности исследуя ту или другую цифру отчетности г. Витте, то необходимо обобщить гораздо шире и признать, что, не имея правильного финансового хозяйства и чуть не ежедневно обременяя свою казну новыми и новыми платежами по долгам, Россия быстро движется к государственному Банкротству.

Второе обвинение в спекуляции гораздо тяжелее. Явно биржевый спекулятивный характер приняло наше государственное хозяйство уже давно, начиная с первых лет царствования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, но никогда спекуляция государственными средствами не доходила до такого наивного бесстыдства, как во времена гг. Вышнеградского и Витте. Этим господам принадлежит честь открытия нового упрощенного и усовершенствованного приложения спекуляции к Государственным Финансовым операциям.

Если прежде концессионный способ постройки железных дорог при всем своем безобразии все же давал возможность при добром желании правительства раскрывать злоупотребления (комиссия бар. Шернвалля, деятельность де-Скроховского по Главному Обществу), то при системе начатой г. Вышнеградским и усовершенствованной г. Витте, самая возможность раскрытия злоупотреблений исключается.

Дело совершается с глазу на глаз между министром финансов и представителями того или другого Биржевого синдиката с одной стороны, и представителями общества железной дороги с другой. Никто не посвящается в тайну помещения по такой-то цене того или другого займа, никто не может проверить выгоды того или другого кабинетного «соглашения», по которому десятки миллионов, добытые посредством Государственного займа вручаются строителям даже без приблизительных расценочных ведомостей постройки. И в то время, как другим ведомствам хладнокровно отказывают в десятках тысяч рублей на вопиющие нужды русской культуры, сводя всю их деятельность на канцелярскую переписку и преподание добрых советов, десятки миллионов исключительно на основании личного усмотрения г. Витте вручаются на покрытие перерасходов строителям железной дороги, полезность коей является иногда сомнительною.

И при этом как основное правило всякой подобной постройки, — исключение государственного железнодорожного контроля от всякого в ней участия единственно на том основании, что заведывание этим делом случайно находится в честных и неподкупных руках.

Постройка дорог: Московско-Казанской, Рязанско-Уральской, образование Юго-Восточного Общества, выкуп дорог Главного Общества, Донецкой, Юго-западных, Риго-Двинской, бесконечные конверсии и новые займы — вот огромный ряд самых невероятных спекуляций, в результате коих — никакой прибыли для культуры страны, увеличение государственного долга на миллиарды и нажива целого класса Биржевиков и хищников, плотную стеной окружившего г. Витте и его недавно умершего предшественника⁹.

И в добавок ко всему, как необходимый спутник этого биржевого разврата — всеобщее понижение нравственного уровня и в правительстве и в обществе; г. Цион смотрит до известной степени еще в розовые очки, когда говорит о противодействии г-ну Витте со стороны Комитета Министров и Государственного Совета. Это противодействие если и выражается на словах, то на деле его давно нет, ибо уже давно г. Витте сумел монополизировать в своих руках самую деспотическую власть, став почти диктатором России. Довольно ему заявить «нет денег» чтобы остановить самонужнейшее мероприятие других ведомств, а так как борьба с всемогущим Министром невозможна, то чтобы добиться чего-нибудь, другим правительственным ведомствам необходимо не только не становиться в оппозицию г. Витте, но поддерживать его и молчать в виде самых прискорбных фактов.

И вот мало-помалу г. Витте наложил свою руку на все отправления Государственного организма, овладел всею экономической политикой страны, парализовал самостоятельную деятельность всех ведомств, имеющих отношение к производительным силам России, заглушил

всякий независимый голос и этим самым, заняв центральное положение в государстве, сосредоточив в своем кабинете все нити и пружины государственного управления, сделал себя почти несменяемым. Кто решится принять наследство г. Витте, полное всяких неожиданностей и тайн? Кто захочет принять на себя его огромную нравственную ответственность при невозможности разобраться в хаосе и лжи нашего финансового хозяйства, давно уже расстроенного и окончательно запутанного гг. Вышнеградским и Витте?

И вот, с ловкою настойчивостью проводится та мысль, что г. Витте заменить некем и что его удаление грозит чуть ли не остановкою всей государственной машины. В самом деле, в эту минуту никто, кроме г. Витте и его ближайших окружающих не знает истинного положения государственных средств России, никто, кроме него не в состоянии разобраться в огромной затянувшей ее сети долгов и спекуляций.

Таково становится всеобщее ощущение и никто не видит выхода из этого положения. Печать молчит. Она или терроризована г. Витте или им закуплена. Никто не осмеливается делать разоблачений, наоборот, органы печати друг перед другом стараются петь молебны г. Витте и его системе, приглашают покровительствуемых им или прямо на его службе состоящих сотрудников по финансовым вопросам и те из всех сил стараются напустить туману в глаза русскому Обществу и правительству, утверждая, что мероприятия г. Витте бескорыстны, и гениальны, и спасительны для России, прославляя его и его чиновников, как провозвестников какой-то новой деловой Эры в русской истории, тогда как в действительности это Эра величайшего политического разврата и хищничества.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО! Еще не оправившаяся от бедствия 1891 года наша родина переживает страшный земледельческий кризис, совершенно истощающий силы русского народа и разоряющий всю трудящуюся Россию. Совпадение этого несчастья с Биржевою спекулятивною и заведомо хищническою финансовою политикою г. Витте грозит России великими катастрофами. Вместо облегчения народного труда, вместо честного и бескорыстного государственного воздействия на пользу страны, мы видим лишь постоянно растущие налоги, постоянно выпускаемые новые займы, для расплаты по которым у нашей измученной и больной родины нет более никаких средств, постоянные спекуляции на ее горе и нищету. При такой системе вовсе не так далек момент, когда наши средства окажутся окончательно исчерпанными и наступит государственное банкротство. Нам во что бы то ни стало необходим выход, необходимо приведение в порядок и наших материальных средств, ослабленных долгим хищничеством, и нашего Государственного строя насквозь парализованного неслыханным самовластием г. Витте и малодушною податливостию некоторых его товарищей по управлению пошедших на его буксире.

Нам необходима иная, христианская, честная, открытая и ясная финансовая система, не допускающая никакой возможности кабинетных «соглашений» с хищниками и биржевиками, открытая честному и независимому от Министра Финансов Контролю, открытая во всех подробностях и понятная САМОДЕРЖАВНОМУ ГОСУДАРЮ.

Я не сторонник парламентского образа правления, а наоборот убежденнейший противник. Но будучи всеми силами души предан принципу самодержавия, я не могу допустить мысли чтобы хотя малая доля самодержавной ВЛАСТИ моего ГОСУДАРЯ узурпировалась кем бы то ни было. А такая финансовая система, при которой Государю приходится Своим Именем санкционировать распоряжения, основанные на личных соображениях, никому иному кроме Министра непонятных, никакому контролю недоступных и опирающиеся на заведомо неверных цифрах и данных, есть не что иное, как скрытая узурпация прерогатив самодержавной власти в ее самом существенном и важном проявлении. Такое явление для всех верноподданных представляет вопиющую аномалию.

Этот порядок, посягающий на самое дорогое историческое достояние России терпим далее быть не может.

Необходимо во что бы то ни стало возвратить свободу решений самодержавной власти, ныне фактически связанной в области экономической; необходимо, чтобы ГОСУДАРЬ и с ним народ знали точно, в каком положении находится государственное хозяйство России, необходимо, чтобы это хозяйство велось на честных явных и точных основаниях. В области государственного финансового хозяйства такой огромной страны как Россия, не может и не должно быть тайн. Честный Министр Финансов, не только не будет избегать над собою Контроля, не только не будет стремиться втайне от остального правительства домогаться именных указов и ВЫСОЧАЙШИХ попечений [...] только [...] заведомо компрометирующих священное имя Государя, но на оборот, презирая все биржевые спекуляции, не входя ни в какие подозрительные соглашения, будет стремиться внести как можно больше света в свою деятельность, вызвать как можно более полную и подробную проверку своих предположений и действий. Государству по самому его существу не нужны подозрительные банкиры, синдикаты и посредники, как не нужна никакая коммерческая тайна и биржевая игра. Наконец, вступая на эту дорогу, государство не может не быть в конце концов обкраденным, ибо искушение слишком велико, люди не ангелы, а ГОСУДАРЬ не стокий аргус и помимо серьезного от Его имени контроля при необходимости доверять только данной личности, ничем не защищен от обмана.

Насущнейшая неотложная величайшей важности задача дня для России закончить вредный и позорный период биржевого финансового хозяйства, приведшего нашу государственную казну и народное хозяйство в их нынешнее печальное положение. Эта задача сама собою распадается на три части:

1. Выяснение настоящего положения государственных средств.
2. Установление твердого, независимого и открытого контроля над всеми операциями в области финансовой и народнохозяйственной, и
3. Установление здоровой, ясной и открытой финансовой программы, вполне свободной от всяких биржевых комбинаций, «тайных соглашений» и иных недостойных государственной власти приемов.

Приемлю смелость излагая в особом труде очерк этой искомой финансовой системы, представить здесь ВАШЕМУ ИМПЕРАТОР-

СКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ мои посильные предположения по первым двум пунктам.

В виду, того, что было изложено выше, является насущно и безотлагательно необходимым проверить и при том не по банковским (весьма сомнительным) отчетам, но фактически:

- а) Количество находящихся в обращении кредитных билетов.
- б) Количество процентных государственных бумаг всех выпусков.
- в) Количество золота и серебра в действительном владении казны.

Точная проверка Кредитных знаков и процентных бумаг не может быть произведена иначе, как посредством всеобщего обмена таковых на вновь выпущенные знаки и бумаги, при чем самое печатание новых образцов должно быть произведено с полною гарантией в точности выпускаемого количества. Для этого нынешние приемы контроля и отчетности при передаче знаков из Экспедиции заготовления Государственных бумаг в Государственный Банк являются совершенно недостаточными.

Как единственный достоверный способ контроля над этой операцией можно предложить следующее:

Вызвать в Петербург двадцать уездных предводителей дворянства по жребию и образовать из них при участии чинов Государственного Контроля и под председательством лица безупречной честности, непосредственно назначаемого ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ, постоянную комиссию ежемесячно обновляемую пятью новыми вызываемыми также по жребию предводителями, замещающими пять выбывающих. Комиссия эта имеет установить непрерывное дежурство в Экспедиции и выработать формы надзора за ее работой совершенно достоверные. Эта же комиссия должна производить сдачу отпечатанных знаков Государственному Банку. Особая делегация Комиссии произведет фактическую проверку металлической наличности казны.

Что касается до контроля над операциями Министерства Финансов по Государственному Банку и Государственному Казначейству необходимо в возможной скорости: восстановить совершенно независимый от существующих правительственных органов под председательством лица имеющего прямой доклад у ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Им непосредственно назначаемого Совет кредитных установлений, приблизительно в следующем составе:

Государственный Контролер с заступающим его товарищем и двое высших членов контроля.

Пятеро представителей земства, избираемых по установленной между губерниями очереди губернскими земскими собраниями хотя бы и не из гласных.

Пятеро представителей дворянства, избираемых по очереди губерний на губернских дворянских собраниях.

Пятеро представителей промышленности, избираемых Мануфактурными советами городов С. Петербурга, Москвы, Иванова-Вознесенска, Варшавы и Одессы.

Пятеро представителей торговли, избираемых купеческими обществами по очереди губерний.

Специалисты, непосредственно назначаемые ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ по представлению Академии Наук.

Выборные члены совета должны оставаться в должности три года замещаясь по одному в каждой группе через год.

Совет имеет обсуждать все мероприятия в области государственного и народного кредита и производить надзор над всеми денежными операциями Министерства Финансов по Государственному Банку и Казначейству, назначая общие и частные ревизии этих и подведомственных им учреждений; он излагает свои решения в форме мнений и заключений, без коих ни одно новое распоряжение Министра Финансов, требующее санкции Верховной власти, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ представляемо быть не должно.

Заседания совета должны быть гласны и публичны, а стенографические отчеты печатаемы в «Правительственном Вестнике».

Как ни непривычен для нашего установившегося государственного обихода этот порядок, но только при нем возможно прямое и честное отношение к Государственному достоянию, удовлетворительный контроль над денежными операциями казны и полная свобода самодержавной власти в ее решениях.

Совершенно устраняя возможность всяких биржевых операций и тайных соглашений, связывая вполне руки Министру Финансов, желающему спекулировать, порядок этот ни малейшим образом не стеснит истинно талантливого финансиста, коего самые смелые проекты, лишь бы их подкладка была нравственна и основания солидны, найдут всегда понимание и сочувствие в торговых и промышленных членах совета, коим по их роду деятельности не чужды, лишь в малом виде, конечно, все роды финансовых операций.

Что касается гласности, то и сейчас министерство финансов публикует во всеобщее сведение все подробности состояния государственных финансов. Если эти данные добросовестны, то ревизия названной выше комиссии и совета ничего нового не скажет, если же, как можно предполагать, цифры официальных отчетов представляют сомнительные величины, то величайшею заслугою новых контрольных учреждений будут: выяснение перед ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ и русским народом истинного положения Государственного Хозяйства и полное обеспечение России от всякого гешефт-махерства, служащего личной наживе Хищников и в корне подтачивающего Государственные силы.

Что касается возможности обнаружения опасных и крупных злоупотреблений, из года в год прикрывающихся подложными отчетами, то нет никакого основания бояться их разоблачения. Наш государственный кредит покоится не на банкирских ловких ходах, как бы обманом привлекающих заграничных капиталистов, а на сознании, что Россия богата и могущественна, а главное, непоколебимо честна в исполнении своих обязательств. Обнаружение злоупотреблений при заслуженной каре для виновных и при твердой решимости правительства высоко поднять знамя правды и открытой искренности в денежных делах, не только не уронит, но могущественно укрепит русский государственный кредит даже в том случае, если наше финансовое хозяйство и наши государственные средства, окажутся весьма плачевными.

Когда будет все проверено и приведено в ясность, тогда будет возможно установить и ввести совершенно иную, чем ныне, финансовую

систему. Ее основания изложены мною в труде¹⁰ который имею счастье представить при сем ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ.

Сергей Шарапов

ГА РФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1901. Д. 9. Л. 2—10об. Машинопись. Подпись-автограф.

Примечания

¹ Цион И.Ф. (1842—1912) — ученый-физиолог и публицист. До 1875 года успешно занимался проблемами физиологии. Защитил диссертацию на степень доктора медицины на латинском языке в Берлинском университете. В России читал курс в Санкт-Петербургском университете, а затем занимал кафедру физиологии в Медико-хирургической Академии. Среди его учеников — И.П.Павлов. Глубоко верующий человек, монархист, он скептически относился к набравшему тогда силы дарвинизму и расходился во взглядах со своими коллегами, проповедывавшими материализм. К тому же неуживчивый характер и довольно резкие высказывания отталкивали от него даже близких ему людей. И.И.Мечников вспоминал, что «многие, знавшие его — и я в том числе, — его очень не любили за его злобный характер и неспособность стать на сколько-нибудь нравственно возвышенную точку зрения». В 1875 году после скандала в Академии, вызванном принципиальной позицией по отношению к несдавшим экзамен студентам, уехал за границу и с легкой руки М.Н.Каткова занялся журналистикой. В Париже сколотил себе небольшое состояние на биржевой игре, познакомился со многими финансистами. Имея прочные связи в этих кругах, стал незаменимым человеком для русского правительства. И.А.Вышнеградский предложил ему стать финансовым агентом и помочь в размещении русских ценных бумаг на французском рынке, а попутно — сформировать в пользу России французское общественное мнение. Он участвовал в переговорах при заключении француско-русского договора. Нисколько не умаляя собственное значение, выторговал себе чин действительного статского советника и неплохое жалование. Повздорив в очередной раз с Вышнеградским, Цион обвинил своего патрона в получении взятки, но, как оказалось, у него и самого руки оказались не совсем чистыми. В Париже и Петербурге стали распространяться слухи о получении им взятки в 500000, а потом еще 200000 от французских банкиров.

В 1895 году, уже при С.Ю.Витте, его пригласили для отчета в Петербург. Цион счел благоразумным не появляться в России, что автоматически повлекло за собой увольнение из министерства, а также лишение чина, звания, орденов и пенсии.

Оставшийся не у дел И.Ф.Цион опубликовал неприглядные для министерства финансов сведения в книге «M. Witte et les finances russes». Последовало было запрещение продавать эту книгу в России, но автор пригрозил подпольно напечатать ее в России большим тиражом. Витте уступил, но через некоторое время написал опровержение в «Journal de St.-Petersbourg», издававшейся в русской столице на французском языке. Последовала новая книга Циона — и на этом полемика как-то сама собой завершилась. Знающие финансовое дело специалисты знали о махинациях Витте гораздо больше Циона, а всем остальным было слишком сложно разобраться в нескончаемых столбцах цифр министерских отчетов.

² «Русские ведомости», например, обвинили автора в «произвольном обращении с фактами», а «Новое время» отозвалось о ней как о «пасквиле».

³ Мало кто в России обратил внимание на отчеты Государственного банка от 1 и 8 марта 1893 года. Только суворинское «Новое время» недоуменно вопрошало, куда могли уйти золото и серебро и тут же само себе ответило, что скорее всего актив банка был истрачен на обслуживание внешнего долга. И только И.Ф.Цион смог проследить, что эти деньги всплыли потом на счетах Государственного казначейства, что в финансовой практике считалось совершенно недопустимым.

⁴ Антонович А.Я. — профессор полицейского права Киевского университета. Редактор «Киевлянина» и издатель «Киевского слова». В 1892 году принимал участие в комиссии по преобразованию Государственного банка. В 1893 году назначен товарищем министра финансов, в 1896 году перешел на службу по ведомству народного просвещения членом совета министра.

⁵ Ковалевский В.И. — экономист. С 1879 по 1882 год сделал блестящую карьеру, начав со службы младшим редактором статистического отдела департамента земледелия и сельской промышленности министерства государственных имуществ и дослужившись до директора департамента торговли и мануфактур министерства финансов. Занимался устройством выставок в Нижнем Новгороде в 1894 году, русских отделов выставок в Чикаго (1892), Париже (1900), Стокгольме. Перевел несколько трудов по сельскому хозяйству, сам написал множество статей экономического содержания.

⁶ Цитович П.П. — юрист, профессор Новороссийского университета в Одессе по кафедре гражданского права. С 1880 г. — на службе в Сенате и редактор официозной газеты «Берег». В 1884 г. назначен членом совета министра финансов, принял участие в выработке нескольких законодательных актов по этому ведомству.

⁷ Максимов В.В. — юрист. С 1876 года начал работать в Киевском частном коммерческом банке. С 1885 г. — заведовал отделом комиссионно-ссудных операций Юго-западных дорог. С 1889 года начал работать непосредственно с Витте по реорганизации железнодорожных тарифов. После назначения Витте управляющим министерства путей сообщения в феврале 1892 года, стал директором департамента железнодорожных дел министерства финансов (1892–1899), а затем — председателем совета «Русского общества пароходства и торговли».

⁸ Суворин А.С. (1834–1912) — журналист, издатель влиятельной петербургской газеты «Новое время» и журнала «Исторический вестник». Председатель Литературно-художественного общества. С.Ф.Шарапов несколько лет работал заграничным корреспондентом «Нового времени», а потом много лет вел переписку с Сувориным.

⁹ Для погашения только частных долгов Харьковско-Николаевского общества железных дорог было взято из казны 500000 рублей, а всего после выкупа этих дорог в казну государственный долг увеличился на 39 млн руб. С Общества Курско-Харьковско-Орловской железной дороги было списано долгов казне на сумму 61,6 млн руб., а выкуп дорог Главного общества обошелся государству в 3572,5 млн руб. — 170,6 тыс. руб. за версту при номинальной стоимости в 40–60 тыс. руб.

¹⁰ Судя по всему, имеется ввиду написанная С.Ф.Шараповым совместно с П.В.Олем работа «Как ликвидировать золотую валюту?», вышедшая в начале 1895 года.

«НАДЛЕЖИТ... ВЕДАТЬ ВСЕ УСТАВЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ВАЖНОСТЬ ИХ»

Документы РГАДА по истории
государственной службы России. XVIII в.*

На протяжении всего XVIII в., который получил в литературе звучное имя «золотой век» российского дворянства, правительство продолжало вести политику, направленную одновременно на расширение прав и свобод дворянства и на привлечение представителей этого сословия на государственную службу и в учебные заведения.

В период правления Елизаветы Петровны сложились благоприятные условия для развития русской культуры, и прежде всего науки и образования. Указ 1744 г. «О соединении в губерниях школ в одно место и обучении в них всякого чина людей ...» облегчил доступ в училища детям из непривилегированных слоев населения. В 40—50 гг. к существовавшей с 1726 г. первой гимназии в Петербурге прибавились еще две — при Московском университете (1755) и в Казани (1758).

Императрица Елизавета Петровна пошла еще дальше навстречу пожеланиям дворянства. Шляхетских детей записывали в службу с младенчества, и в полк они являлись 16—17-летними офицерами, служили 10—12 лет, после чего возвращались в свои имения. Дворяне по-прежнему должны были служить, а уклоняющихся от службы отдавали в солдаты или матросы, однако императрица предполагала, что в будущем освободит шляхетство от обязательной государственной службы. Только манифест императора Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 апреля 1762 г. законодательно отменил для него обязательную государственную службу. Манифестом провозглашалось, что каждый дворянин волен сам определять, где, сколько ему служить и служить ли вообще. Дворяне теперь практически не несли обязанностей перед государством, но при этом они сохраняли за собой сословные привилегии, в том числе и почти исключительное право приобретать землю. В течение 1762—1763 гг. многие дворяне оставили службу. Они постепенно превращались в сельских жителей, тех помещиков, облик и быт которых хорошо известны из русской классической литературы XIX в.

Однако дворянство в России никогда не переставало стремиться к службе, получение чина всегда было его идеалом. Чин давал власть и почет, а доходы от службы нередко обеспечивали безбедную жизнь всего семейства. В манифесте законодательно была закреплена учебная повинность для дворянских детей. Родители имели возможность выбора — обучать своих детей в русских школах или дома, могли давать им образование в Европе, но никто из них «не дерзал без учения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать ...». Императрица Екатерина II подтвердила манифест Петра III и попыталась еще больше расположить к себе дворян,

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 1999. № 2.

многие из которых поддержали ее во время государственного переворота. Несомненно, венцом «золотого века» российского дворянства, кульминацией законодательного закрепления привилегированного положения благородного сословия стала «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», изданная императрицей 25 апреля 1785 г.

Жалованная грамота, автором которой была сама Екатерина II, начиналась с пространного предисловия о заслугах дворянства перед Отечеством и престолом — в давние времена и в последние годы. Упоминались ратные подвиги Румянцева и Потемкина, победы над турками и присоединение Крыма. Все это должно было убедить читателя в том, что перечисляемые далее права и привилегии дворянством заслужены. Отныне «на вечные времена и непоколебимо» провозглашалось, что дворянин может быть лишен дворянского достоинства только по решению суда, и при этом судить его будут только люди того же сословия. Грамота подтверждала дарованное манифестом Петра III право дворян служить или не служить по своему выбору, а также наниматься на службу к иностранным государям. В Жалованной грамоте Екатерина II ограничила право дворян продвигаться по служебной лестнице заочно, с детских лет, с получением воинских званий. Будущие офицеры должны были закончить какое-либо военно-учебное заведение: Инженерную школу в Москве, Морскую академию или Кадетский корпус.

Императрица Екатерина II постоянно заботилась о том, чтобы не оскудевала государственная служба родовым дворянством, и стремилась привлечь к подножию трона как можно больше талантливых и образованных дворян. Ей это, несомненно, удавалось: в историю России вошли имена братьев Орловых, Потемкина, Безбородко, Дашковой и многих других.

«Учреждения о губерниях» 1775 г. поставило вопрос об организации начального образования для детей всех сословий. На вновь учрежденный Приказ общественного призрения была возложена обязанность «попечения и надзирания об установлении и прочном основании народных школ» не только во всех городах, но и в больших слободах. Комиссия народных училищ, созданная в 1782 г., была призвана решать серьезные и важные задачи в области народного образования в России и в первую очередь задачу подготовки квалифицированных педагогических кадров для службы в школах и училищах. Для осуществления этих задач на заседании комиссии 23 мая 1783 г. было решено «открыть Главное народное училище в Петербурге, при котором содержать Учительскую семинарию, чтобы иметь всегда нарочитое число учителей в готовности, в коих ныне, а особливо для высших классов, совершенной недостаток»¹. Императрица благосклонно отнеслась к представленному докладу, и 9 июня 1783 г. последовал указ «О заведении в Петербурге Главного народного училища»². Штат семинарии состоял из директора, трех профессоров и шести учителей. Директором был назначен Янкович де Мириево, серб, который прекрасно говорил по-русски, и что важно, был православным. До этого он трудился над устройством школ в Австрии, где с 1774 г. шла широкая школьная реформа³. На три профессорских должности были приглашены адъюнкты Академии наук — известные русские ученые и педагоги, которые обеспечивали высокий уровень преподавания в целом. Студентами Главного народного училища стали лучшие слушатели духовных семинарий. Самых способных готовили к

¹ См.: Смагина Г.И. Академия наук и российская школа. СПб., 1996. С. 101.

² ПСЗ. Т. 2. № 15755. С. 938.

³ См.: Смагина Г.И. Янкович де Мириево // Исторический лексикон. XVIII в. М., 1996. С. 291—292.

работе в старших классах, остальных — в младших. Из стен Учительской семинарии за годы ее существования (1783—1803) вышло более 400 воспитанников, которые с честью несли звание учителей, а многие стали подлинным украшением отечественной науки и педагогики. Но главное, впервые в России появились учителя, прошедшие специальную подготовку.

Коллегия иностранных дел (учреждена в 1717 г.), также как и ее предшественник Посольский приказ, была главным и наиболее престижным учреждением России XVIII в. К этому времени установились дипломатические отношения с большей частью европейских государств, где были открыты русские миссии. Во главе Коллегии были назначены президент (канцлер) граф Г.И.Головкин и вице-президент (вице-канцлер) барон П.И.Шафиров. Она ведала организацией сношений с иностранными государствами, выдачей иностранных паспортов, почтовыми делами и управлением Украиной. Для решения сложных задач внешнеполитического характера требовались высококвалифицированные и высокообразованные кадры и в гораздо большем количестве, чем ранее. Чиновники Коллегии, получившие светское образование, и в большинстве своем окончившие академическую гимназию или Московский университет, разительно отличались от других служащих и являлись образцом государственных чиновников. Недаром многие из них совмещали дипломатическую службу с творческой деятельностью. Расширение состава чиновников КИД сопровождалось улучшением подготовки отечественных дипломатов⁴; с этой целью еще в первой четверти XVIII в. были учреждены должности студентов и коллегии-юнкеров. Предполагалось, что их вакансии должна была заполнять дворянская молодежь, но учились, а потом и служили в Коллегии дети подьячих и разночинцев, и даже купцов. Так, купеческий сын Федор Каржавин, мальчиком вывезенный тайно за границу, обучался в Сорбонне, а затем был взят Д.А.Голицыным в 1760-е гг. в штат Парижской миссии переводчиком⁵. В дальнейшем он стал писателем, педагогом и переводчиком. Добились успеха на писательском поприще и многие другие дипломаты; большинство из них обогатили русскую литературу переводами западноевропейской классики, другие — Д.И.Фонвизин, Я.И.Булгаков, Н.А.Львов — стали известными писателями и переводчиками. В отделении КИД-Московского архиве служили знаменитые русские историки.

Согласно «Генеральному регламенту...» (1720 г.) предусматривалось создание двух типов архивов: текущих, при учреждениях, куда по истечении трех лет должны были поступать использованные документы, и государственных, т. е. самостоятельных, подчиненных определенным ведомствам. Первый такой ведомственный архив был учрежден еще постановлением КИД от 5 августа 1724 г. при Московской конторе Коллегии. Этот архив в силу принадлежности к внешнеполитическому ведомству России и наличия в нем уникальных старинных документов имел особо важный статус среди других государственных учреждений.

В конце XVIII — начале XIX вв. коллежский архив стал заметным историко-культурным центром Москвы; сюда пришли служить выпускники Московского университета и получившие хорошее домашнее образование юноши из родовитых дворянских семей. Возглавляли архив замечательные ученые — археографы Г.Ф.Миллер, Н.Н.Бантыш-Каменский, А.Ф.Малиновский. В этот период удалось навести порядок в хранении документов, что сделало их более доступными для использования. Именно здесь начались

⁴ См.: Троицкий С.М. Русские дипломаты в середине XVIII в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 404—406.

⁵ См.: Долгова С.Р. Творческий путь Ф.В.Каржавина. Л., 1984.

первые публикации древнейших документов, хранившихся в архиве. Г.Ф.Миллер был назначен советником архива 7 марта 1766 г. Еще в Сибири он начал собирать документы для своей уникальной коллекции и в Москве продолжил занятия по собиранию документов. В настоящее время так называемые «Портфели Миллера» — одна из ценнейших коллекций РГАДА. Н.Н.Бантыш-Каменскому — выпускнику Киевской академии и Московского университета, суждено было сыграть значительную роль в истории русской исторической науки и в подготовке изданий многих книг; его сведениями пользовался просветитель Н.И.Новиков при составлении биографий для «Опыта исторического словаря о русских писателях». В октябре 1835 г. А.С.Пушкин кроме тетрадей из «пугачевского» портфеля Г.Ф.Миллера получил из МГАМИД обширную коллекцию документов по пугачевскому восстанию, собранную в 1773—1775 гг. Н.Н.Бантыш-Каменским. Высылал эти документы знаменитому поэту для изучения истории пугачевского бунта А.Ф.Малиновский. Имя историка стало известно любителям российских древностей после его участия вместе с Н.Н.Бантыш-Каменским в первом издании рукописи «Слово о полку Игореве». А.Ф.Малиновский вырастил целую плеяду «архивных юношей», некоторые из них пополнили ряды государственных учреждений и прежде всего Коллегии иностранных дел. Малиновский долгое время был и чиновником Оружейной палаты, совмещая работу архивиста и историка царских сокровищ. В 1807 г. после издания книги «Историческое описание древнего русского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося» А.Ф.Малиновский был утвержден почетным членом Оружейной палаты⁶.

Публикуемые ниже документы представляют часть архивных материалов РГАДА, которые являются источниковой базой для создания целостной картины процесса подготовки государственных служащих во второй половине XVIII в. и их деятельности. Тексты публикуются с сохранением орфографии оригиналов; слова в квадратных скобках восстановлены по смыслу.

Публикацию подготовила Н.Ю. БОЛОТИНА.

№ 17

Инструкция куратора И.И.Шувалова директору Московского университета об организации гимназий при университете

[1755 г.]

Высокоблагородному господину Московского университета директору инструкция.

Я надеюсь, что нынешнее время вы с Божиею помощью, в учрежденном милостию Ея и императорскаго величества всемилостивейшей госурадыни университете, начало гимназиев основать изволили, расписав время разных классов, часы учителям, распределяя разные покои, лутчие для дворянства по приличеству их и другие для разночинцов, оставив пристойную комнату для аудитории, несколько покоев для директорской, для библиотеки, внизу для кладовых к сохранению казны и для протчаго по изобретению вашему¹⁶.

⁶ См.: Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский // Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 176—229.

На первый случай имею честь послать к вам сию инструкцию, которую сколько первая нужда в поведении и краткость времени сделать дозволили: наблюдать извольте до получения вам регламента гимназии, которой не прежде как по основании и по обстоятельствам происхождения учений сделаны быть должен, ибо многие после обстоятельства окажут и в таком новом здесь учреждении, которых теперь увидеть и предостеречь нельзя.

1. Вам известно, что не могли за скростию набрать довольное число в гимназии обе учителей; того ради, докуда не будут все сысканы, извольте учредить, чтоб принятые учителя в обеих классах учение производили без оstonовки учащимся.

2. В гимназии учеников извольте принимать в первую дворянскую никого кроме дворян не записывать, в другую разночинцов, кроме положенных крепостных людей, разве когда какой господин захочет дать ему волю и отказаться от всякой над ним власти, как яснее о том в поданном мною в правительствующий Сенат проэкте изображено.

3. Иностранных принимать учиться на своем коште, а в записных учениках на жалованье Ея императорскаго величества дозволяется быть во всякой гимназии по пятой доли, и то тем, которых отцы вечными подданными российскими быть обязались.

4. В дворянской школе содержать пятьдесят человек на жалованье Ея императорскаго величества, в разночинской школе содержать пятьдесят; смотреть из дворян за кем меньше пятидесяти душ, также и в разночинцах смотреть кои недостаточны, и то смотреть, чтоб были люди годные; и для того смотреть способность и склонность учеников, и не прежде по приеме их в гимназию трех месяцев жалованья не определять.

5. Всяк, кто желает детей своих или порученных себе под опеку отдать для обучения, должен оных представить в университетской директории при доношении, в котором объявить ученика, его звание, лета и чему он прежде учился.

6. Для сего инспектору гимназии, или ныне кто за инспектора определен будет, иметь должно четыре списка для представления в директорию: 1. о дворянских детях на жалованье; 2. о таковых же без жалованья; 3. о разночинцах на жалованье; 4. о таковых же учащихся на своем коште, с показанием их имен прозванием, в котором году, месяце и числе приняты в гимназии.

7. Которые ученики будут на своем коште, таких по объявлению их родителей или по собственной их склонности приказать обучать тому чему они при записывании себя в гимназию объявят желательными.

8. Которые школьники будут обучаться на казенном коште, о таких поведениих прилежнейшее иметь попечение, в разсуждении их беднаго состояния; которые по большей части домов, родителей в Москве не имеют, или имевши содержать не в состоянии, таким отвести сколько можно тут оставших покоев, уважая и то, чтобы жалованья Ея императорскаго величества в большой успех производилось, ибо будучи поступки их почти всегда видимы и способность близости к ученью, наибольшей путь к желаемому предприятию

открывают. Которые же и на своем коште обучаться будут и о таковых наблюдать порядочного и добраго их поведения, чтобы они тем все соответствовать могли высочайшему Ея императорскаго величества милосердию, что на монаршем иждивении все способы имеют обучаться, к чему склонность и долг разумных людей требует, а иные и на содержание квартирю, книгами и жалованьем снабдены.

9. Определенные на жалованье школьники, не имеющие отцов, матерей и ближних надежных опекунов не должны получать себе жалованье в руки, чтоб оное не даром издержано было, а приказать вам им на оные деньги покупать в чем им нужда требовать будет; в таком случае можно и по состоянию человека то распределять.

10. При обучении учеников надобно наблюдать, чтоб разными понятиями не отягощать и не приводить их память в замешательство, а всякова по склонности во всякой науке стараться прилежно обучать, разве кто особенное понятие и склонность ко многим разным учения окажет.

11. Определенных на жалованье школьников крайне стараться, чтоб их прилежно обучать латинскому языку, оставя протчие языки, чтобы можно было чрез непродолжительное время сделать их способными к слушанию профессорских лекций, и начинать с Божиею помощию университет, которой единственно за неимением знающих латинской язык ныне начаться не может.

12. Полное число учеников на жалованье при первом случае не набирать, а оставить во всякой гимназии ваканциев по пятнадцати для тех, которые впредь явиться достойные могут.

13. Тако ж и других на своем коште учеников приохочивать, только не неволя к латинскому языку, как к необходимому основанью к происхождению в науки.

14. Из разночинской гимназии прикажите отобрать из бедных, но способных людей, приказать их обучать геометрии и французскому или немецкому языку, гистории, митологии, человек хотя семь, чтоб можно было отдать их здесь учиться художествам и сделать начало, чтоб и в Москве с Божиею помощию со временем завести было можно.

15. При записке брать со всякова ученика по три рубли. Оную сумму употреблять на мелкие университетские расходы, у определенных на жалованье на первый год ту сумму удерживать, есть ли же такие бедные будут, таких записывать и даром.

16. На каждой год быть двум произведениям из нижних классов в вышние, а из вышних в студенты. Первому быть в апреле, а другому в сентябре, для чего делать прежде произведения в классах, строгие экзамены, предназначенным к тому временем; экзамены должны быть в присутствии директора, инспектора, ректора и при учителях.

17. Не переводить из одного класса в другой, ежели кто не выучил всего того, что в оном классе положено учиться.

18. Надлежит стараться, чтоб переводы с иностранных на российской язык поправляемы были российскими теперь учителями; в верхнем латинском классе учредить на то им в некоторые дни несколь-

ко времени, чтоб знающия довольно иностранные языки знали свой совершенно и о том старались.

19. Выбрать один способ или порядок, чтоб учитель во всяком классе учение производил и не переменял бы систему учения по своей воле, и для того взять в пример лутчих гимназий в том учреждении.

20. Прилежно учащимся должны быть к их ободрению награждению в классах повышением места, в репортах писать имяна о прилежных, и о успехах, публичные опять могут быть в подарках их книгами, математическими к нужде учения инструментами по обстоятельству, что которому надобно.

21. За непристойные поступки понижать местом, сажать за особливою стол ис другими многими способами к стыду учеников учителям известные по примеру других школ, которых же поступки очень худы будут, о таких докладывать учителям директору, которых он прикажет сажать на несколько в тюрьму, не отпускать домой из классов, а иных за великие продерзости выписывать вон из списка гимназии, описываясь ко мне; малолетних штрафовать умеренными иногда побоями, только б то учителя без воли директора делать не смели. Сие разумеется о благородных; в разночинской же можно то иное переменить по рассмотрению господина директора; как одних так и других достаточных можно штрафовать деньгами за всякий день, сколько в тюрьме быть осуждены, и те деньги употреблять бедным прилежным на бумагу и на прочее. Оное предается в вашу волю.

22. В дворянской и разночинской гимназии смотреть, чтоб каждой пристойно одет был. Не позволять ходить в классы в нагольных шубах, в серых кафтанах, в лаптях и тому подобных подлых одеяниях.

23. Смотреть, чтоб учителя должность свою порядочно исправляли, учили бы всех со всякою прилежностію, не делав никому для какого интересу преимущества. В предписанные часы быть неотменно в классах, которые им от вас назначены будут.

24. Приказать себе подавать чрез месяц или менее рапорта о успехах и о состоянии учеников, которых мне содержание сообщить изволите.

25. Всякую почту о состоянии гимназиев меня уведомлять изволите, а чрез недели две обстоятельнее о происхождении в них також репорты присылать изволите.

26. Для приему и расходу денежнаго иметь две шнурованные книги за печатью университета и за рукою вашею и находящегося при вас офицера; роздачу деньгам по вашему приказанию писменному производить.

27. Выбирать внизу пристойную крепкую полату для кладовой деньгам. Приказать сделать крепкие железные двери и окошки, приставить у дверей часового, всякий день унтер-офицеру осматривать замок и печать, что и при смене капралу делать должно. Оное пишу более отдаю на вашу волю, только чтоб все предостережно было.

28. Стараться чтоб семинаристов скорей получить, отобрав от их учителей происхождения их в науках, и стараться их прилежно учить, чтоб по необходимости ими университет начать было можно.

29. Из семинарии школьников, есть ли достойные присланы будут, определить на жалованье, чтоб тем лутче они и прилежнее были.

30. Есть ли изволите усмотреть из моей инструкции что по обстоятельствам отменить должно или что прибавить, по разсуждению вашему, о том прошу ко мне отписать.

На подлинной пишет тако: куратор Иван Шувалов.

РГАДА. Ф. 17. Д. 38. Л. 22—27об. Копия.

№ 18

Рапорт директора Московского университета М.М.Хераскова¹⁷ о предоставлении экзаменационных ведомостей, с приложением ведомости об успехах студентов университета

Москва

6 июня 1764 г.

Всепресветлейшей державнейшей великой государные императрице и самодержице Всероссийской, государыне всемилостивейшей от Московского университета всеподданнейшей репорт.

Ваше императорское величество соизволило повелеть тайному советнику и куратору господину Адоурову¹⁸ подносить вашему императорскому величеству после ежегодного большого университетского экзамена ведомость о успехах каждого студента и ученика при оном университете обучающихся.

Но потому что оной господин куратор за продолжающеюся у него тяжкою болезнию никаких дел исправлять еще не в состоянии, то поручил он мне, сочиня оную ведомость, поднести вашему императорскому величеству, которую со всеподданническим моим усердием при сем репорте прилагаю по должности моей, к которой из высочайшей своей милости ваше императорское величество признавать меня соблаговолили, осмеливаюсь рекомендовать в высочайшее ваше покровительство студентов и учеников соответствующих материнскому о них призрению вашего императорского величества и отменные успехи оказавших, дабы нерадивые, возревнуя оному благополучию, лутчее старание к учению возимели, а полезные науки, которыми ваше императорское величество российское отечество украсить соблаговоляете день от дня, в наибольшую силу приходили.

Всемилолюбивейшая государыня, вашего императорского величества всеподданнейший раб Михайла Херасков.

Ведомость состоящим при императорском Московском университете студентам, кто чему с августа месяца прошлого 1763 года обучался и какия каждой оказал успехи и прилежность сего 1764 года июня по 30 число о том значит ниже сего.

А именно:

У профессоров: Иогана Фроммана

1. Илья Федоров
2. Родион Гвоздиковский
3. Василей Санковский
4. Михайла Пермской
5. Александр Раич
6. Иван Кудрин
7. Дмитрий Синковской
8. Михайла Баталзин
9. Николай Рубиновский
10. Николай Данилевский
11. Алексей Лятошевич
12. Петр Барышников
13. Григорей Крупеников
14. Иван Смирной
15. Федор Юдин
16. Федор Дьяков
17. Федор Щербовский
18. Григорей Хмельницкий
19. Василей Пустовоитов
20. Евграф Нелидов
21. Алексей Вершницкий
22. Лев Остапов
23. Харитон Чеботарев
24. Петр Лицын
25. Семен Верницеев
26. Иван Рублевский

Слушали толкование трех частей метафизики, то есть онтологию, богословию натуральную и космологию и вниманием пробовано как из сей, так и из предыдущих частей, кое они подтвердили своими ответами так что об успехах их должно иметь хорошую надежду.

У Филиппа Дилтея

1. Родион Гвоздиковский
2. Иван Доброхотов
3. Алексей Теплов

Кончил естественное и народное право и некоторую часть римского права и оказал изрядные успехи
За непристойные поступки выключены из университета

У Христиана Керштенса слушали лекции минералогическая и химию металлургическую

1. Иван Калиновской
2. Родион Гвоздиковский

Понятен и весьма прилежен, столь изрядные оказал успехи, что если еще год или два упражнятся будет в изучении металлургической и досиматической химии, то не без пользы может употреблен быть к рудным делам
Натуральный недостаток разума награждает своим прилежанием и рачением.

3. Дмитрий Синковской	Хотя также имеет недостаток.
4. Алексей Раич	Понятен, но не прилежен.
5. Михайла Баталзин	Посредствен, хотя и прилежен.
6. Иван Кудрин	Также посредствен, хотя и прилежен.
7. Николай Рубиновской	Ничего не успел, хотя и оказывает свое рачение хождением на лекции.

У Антона Барсова элоквенции

1. Василей Санковской	Прилежен и успехи его довольно известны токмо напоследок, за положенными на него в нынешней год сочинениями несколько месяцев в классы не ходил	В оном классе в нынешней годовой университетской курс, то есть с первых чисел августа прошедшаго 1763 по окончание июня месяца сего 1764 года, читаны и толкованы студентам Эрнестовы наставления реторическия два раза; Цыцероновы орации две, а именно за Манилиев закон, или определение, и за Маркелла; да Virgiliево житие и энеиды его первая книга. К переводу с латинскаго на российской и с российскаго на латинской диктовано было, с прочтанием всегда напред и с довольным изъяснением, следующее, а именно с латинского из Саллустия Югуртинской войны глава 35; из Цыцероновых писем к приятелям книги 6 письмо 13 и 14; Плиниевых писем книги 9 письмо 33; из Геллия книги 15 глав 1, книги 16 глава 2, книги 12 глава 5. С российскаго на латинской материя, взятая из Эвтропия книги 4 глава 11, да книги 5 глава 1. К собранию разобранных латинских стиран и к переводу на российской равно-
2. Харитон Чеборатев		
3. Петр Бырышников		
4. Николай Данилевской		
5. Семен Сватковской	прилежны и изрядных успехов посредственаго прилежания и успехов	
6. Иван Смирной		
7. Федор Щербовский		
8. Лев Остапов		
9. Семен Веницеев		
10. Андрей Наропинской		
11. Федор Юдин		
12. Петр Лицын		
13. Алексей Лятошевич		
14. Федор Дьяков	большую часть сего курса препроводил в обучении арифметического класса в	

гимназии, впрочем прежде того был прилежен, а ныне не столько, однако по хорошей способности своей успех оказывает довольной.

мерно с истолкованием наперед диктовано из Овидеевых писем из Понта из письма 9, его ж Фастов из книги 3, из сочинения Деонисия Петавия по несколько стихов, да семь разных латинских эпиграмм; сверх того к собственному сочинению из разных предложений заданы были студентам периоды и письма на русском и латинском языках вместе, которые переводы все сочинения каждого студента оным профессором в классе читаны с примечанием недостатков и погрешностей и с показанием способа к исправлению оных, на последок же ныне на вакацию для упражнения в переводе продиктована из Горациевых од книги 3 ода 24.

У Юлия Роста экспериментальной физики

1. Илья Федоров	Оказал прилежание, понятие и успехи, будучи ж занят многими другими делами с такою охотою, с какою бы, может быть, и хотел, исправлять своего учения не может.
2. Родион Гвоздиковской	Посредственные душевные дарования награждает большим своим прилежанием.
3. Михайла Баталзин	С меньшим, нежели как должно, речением имеют хождение на лекции, почему и успехи оказали весьма посредственные.
4. Дмитрий Синковской	
5. Иван Кудрин	
6. Николай Рубиновской	
7. Евграф Нелидов	
8. Алексей Раич	

У Рейхеля истории

1. Михайла Пермской	Коим чрез сей схоластической

2. Василий Санковской
3. Илья Федоров
4. Александр Раич
5. Михайла Баталзин
6. Николай Рубиновской
7. Иван Кудрин
8. Алексей Лятошевич
9. Дмитрий Синковской
10. Григорей Хмельницкой
11. Харитон Чеботарев
12. Петр Барышников
13. Федор Дьяков
14. Николай Данилевской
15. Василий Пустовоитов
16. Иван Смирной
17. Петр Лицын
18. Григорей Крупеников
19. Семен Веницеев
20. Евграф Нелидов
21. Алексей Вершницкий
22. Лев Остапов
23. Федор Щербовской
24. Федор Юдин

курс прочитал он, Рейхель, четыре тысячи лет древней универсальной истории и сверх того историю о Гишпании, Франции, Англии и Португалии с самого начала трех штатов до наших времен, к тому ж прибавил чрез особое разделение историческую статистику о тех государствах с объявлением принадлежащих к ним жителей, законов, титулов, орденов, формы правления, коммерции, мануфактур, доходов, сухопутных войск и флотов, и наконец, о должностях владеющих; предложил им все то что напоследок может служить для специальной истории о союзных трактатах, коммерциях и мануфактурах; об успехах же студентов его должно иметь хорошую надежду.

Директор
Михайла Херсков

РГАДА. Ф. 17. Д. 43. Л. 4—4об., 24—26об. Подлинник.

№ 19

Указ императрицы Екатерины II о порядке производства и отставки статских чинов

Санкт-Петербург

5 сентября 1765 г.

Правительствующий Сенат, учинив определение, каким образом впредь в секретари и в другие канцелярские чины в статное положение и на убыльях только места из канцелярских служителей производить надлежит, Ея императорскому величеству в докладе всеподданнейше представил следующее: 1-е в регистраторы, актуариусы, бухгалтеры и архивариусы, которые по Табели о рангах 1722-го году генваря 24 положены в ранг прапорщика, отныне коллегиям, канцеляриям и конторам по указу 1723 года июня 28 коллегиям не подчиненным, а состоящим под апелляциею Сената, по точной силе Генерального регламента 11-й главы, из канцелярских нижних служителей производить по-старшинству и достоинству самим, но единственно на вакансии в статное число, и каждого тем только чином и к настоящей должности,

против чего и губернаторам обще с губернскими канцеляриями в каждой губернии в положенные по статам же чины регистраторские и архивариусские, которые обер-офицерских рангов не имеют, производить же; 2-е. Как Генерального регламента 11-ю главою и последующими потом именными 1722 февраля 5, 1726 мая 5, 1734 января 22, 1737 октября 21 указами и должностию Сената 1722 годов апреля 27 чисел 7 пунктов, секретарей, камериров и протоколистов повелено выбирать и Сенату представлять президентам с прочими членами той коллегии, а из прочих мест, кто откуда требует, за его ж рукою и находящихся при нем товарищей по 2 и 3 человека на одно место, а из оных Сенату определять достойных; то по сему впредь в секретарские, протоколистские и камерирские чины всем коллегиям, канцеляриям и конторам не подчиненным коллегиям, тако ж и губернаторам с их товарищи представлять Сенату от себя кандидатов из своих и из других мест по согласию с командирами тех мест, из которых кто в кандидаты назначается, такову и из находящихся не у дел по 3 человека таких, которые совершенно те должности исправлять могут, и прежде ни в каких пороках и подозрениях не были, а по страстям или прихотям отнюдь не представлять, под изображенным в 11-й главе Генерального регламента штрафом; а Сенат имеет по рассмотрению своему из тех кандидатов на состоящая только убылыя места и в самые те чины, на какия вакансии представляются, производить. 3-е. Хотя по сему положению в секретари в силу именных 1724 г января 31, 1762 апреля 20, 1764 годов октября 19 чисел указов из подьяческаго чина, кои не из дворян, производиться не будут; но чтоб и дворяне, желающие продолжать статскую службу, при случае вакансии по заслугам и достоинствам в таковые ж чины и выше производимы быть могли. Того ради из малолетних дворян, самопроизвольно желающих в статскую службу, Сенату и всем коллегиям, канцеляриям и конторам, не подчиненным коллегиям, принимать и определять в нижние чины на убылыя места в статное ж число, которым жалованье получать точно такое, кто в какую должность употреблен будет, и производить в положенные по статам чины по порядку против вышеписаннаго ж, давая им по достоинству пред теми, кои не из дворян, преимущество, ибо они за состоявшимся в 1763 году декабря 15 дня Ея императорскаго величества именным высочайшим указом, юнкерами именоваться уже не будут, а что они в нижние подьячские чины в статное число употреблены будут, того им в укоризну по силе Генерального регламента 36-й главы не ставить. 4-е. Впредь, с сего времени, всем вышеписанным местам отнюдь никого не в статное число и не в точную от всех дел отставку, тако ж и не теми чинами к какой точно должности кто определяется, никого не производить и в Сенат не представлять для того, что таковых Сенат производить не будет. 5-е. Коллежских секретарей, которые из приказных чинов, а не из дворян, в судейские чины иначе не производить и не аттестовать, как таковых, кои секретарями не менее 12 лет с особливою беспорочностию и способностью к судейскому достоинству выслужили не единственно на вакансии в тех самых местах, где кто действительно служит, или в

отставку от всех дел представляется. 6-е. Состоящим в коллегиях, канцеляриях, конторах и в судном приказе, тако ж в губерниях, провинциях и городах всем вышеписанным чинам, по силе именного 1742 февраля 15 указа, к произведению в чины считаться единственно по месту, где кто свою службу отправляет. 7-е. По именному 1735-го году ноября 14 указу, велено генералитет, стаб и обер-офицеров по отставке от военной службы при определении к гражданским делам не воинскими, но статскими рангами повышать; почему отныне всех, находящихся в статской службе, и кто впредь в оную из воинских чинов вступит или из оной в отставку пожелает, а по указам чины им дать следует, таковых воинскими чинами не производить, а повышать статскими по порядку, равно как и статских чинов производить по сему ж; и августа 8 дня сего 1765 года на том докладе собственной Ея императорскаго величества рукою сысочайше подтверждено тако: БЫТЬ ПО СЕМУ. О чем из Сенату указы посланы сентября 5 дня 1765-го года.

РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 608. Л. 1—2об. Копия.

№ 20

Штат коллегии иностранных дел

Санкт-Петербург

16 май 1779 г.

Штат коллегии иностраннных дел	число людей	жалованье	
		одно- му	всем
		рубли	
Канцлер или без сего названия министр чужестранными делами управляющий, президент Коллегии иностранных дел ему жалованья столовых денег		7000 12000	7000 12000
Вице-канцлер, той Коллегии вице-президент ему жалованья столовых денег		6000 6000	6000 6000
<u>В секретной экспедиции члены Коллегии</u> тайные или действительные статские советники, из которых один ведает дела европейский, а другой азиатские	2	3000	6000
действительный статский советник при особливой должности	1	3000	3000
статский советник для французского языка	1	2000	2000
статский советник для немецкого языка	1	1500	1500
канцелярии советников в помощь двум членам, делами управляющим, и двум вышенаписанным статским советникам	4	1200	4800
надворных советников для такова же употребления	4	800	3200

обер-секретарь	1	1000	1000
секретарей осмаго класа	6	700	4200
секретарей десятаго класа	8	600	4800
на содержание переводчиков, включая и восточных языков, протоколистов, актуариусов, регистраторов, канцеляристов, студентов, толмачей и учеников восточных языков, которых определение числа и им соразмерно трудам и способности окладов слагается на рассмотрение присутствующих в коллегии			23300
Итого на секретную экспедицию			84800
В публичной экспедиции: <u>члены</u>			
действительный статский, или статский советник для установления казною и ревизования щетов	1	2000	2000
статский советник для всяких текущих дел и для переписки с другими правительствами	1	1500	1500
статский советник для управления почтовыми делами	1	1500	1500
По таковом сея экспедиции на три части разделении каждый член должен особо ведать и производить дела ему вверенныя			
<u>Канцелярские служители</u>			
<u>для казенных дел</u>			
казначей седмаго класа			
присяжных из отставных гвардии ундер-офицеров	1	600	600
секретарь	4	80	320
на содержание бухгалтера и протчих канцелярских служителей	1	500	500
<u>для текущих дел</u>			1020
секретарь			
канцелярских служителей	1	500	500
<u>для почтоваго правления</u>			2080
секретарь			
камерир для ревизования щетов	1	500	500
на канцелярских служителей	1	400	400
<u>церемониальный департамент</u>			890
обер-церемонимейстер			
церемонимейстер	1	3500	3500
секретарь	1	2000	2000
канцелярских служителей	1	600	600
Итого на публичную экспедицию и на церемониальный департамент			250
<u>В Москве в канторе</u>			18160
член статский советник			
секретарь	1	1350	1350
секретарь	1	450	450

комиссар для казенных дворов на канцелярских служителей <u>для архива</u>	1	180	180 1900
член статский советник	1	1350	1350
секретарей	2	450	900
на канцелярских служителей			2740
Итого на кантору и архив <u>для всей коллегии вообще</u>			8870
обер-офицер для салдатской команды	1	200	200
ундер-офицеров	8	50	400
салдат	50	24	1200
штаб-лекарь	1	450	450
лекарь	1	300	300
учеников лекарских	2	60	120
архитектор	1	400	400
комисар для казенных дворов на содержание квартирмейстеров, для шлюбок и сторожей	1	300	300 480
Итого			3850
На канцелярские расходы			10000
На содержание и починку здесь и в Москве ведомства коллежского дворов			2000
На отправление курьеров и снабдение канцелярских служителей обыкновенными дачами при отправле- нии их к министрам, при возвращении в отечество и при переездах из места в место			30000
Итого на расходы			42000
Всего на секретную и публичную экспедиции с церемониальным департаментом, кантору, архив, для нужных при коллегии людей и на всякия при коллегии расходы			157680
Оригинальной подписан собственною Ея император- ского величества рукою тако ЕКАТЕРИНА в Санкт- Петербурге генваря 28 дня 1779 года.			

1779-го года мая в 16 де[нь] по указу Ея императорского величества в Коллегии иностранных дел, на основании состоявавшегося той коллегии в 28 де[нь] генваря сего году стата, и последовавшего от Ея императорского величества в 5 де[нь] сего месяца о членах оной коллегии и о протчих чинах высочайшаго утверждения кому из них в секретной и публичной экспедициях, так же в Москве в канторе и в архиве тамошнем быть, а имянно: в секретной экспедиции членам действительному статскому советнику Петру Бакунину¹⁹, и действительному же статскому советнику Петру Бакунину Меньшому²⁰; при

особливой должности действительному статскому советнику Францу Эпинусу²¹, а статским советникам Ивану Кроку для немецкого языка, Якову Убрию для французского языка. Канцелярии же советникам Якову Булгакову²², Петру Сафьянникову, Григорью Полетике²³, Денис Фонвизину²⁴ и Аркадию Маркову в помощь двум вышепоказанным членам и двум тем статским советникам, а Сафьянникову особо в обер-секретарской должности; и еще надворным советникам: Ивану Грену, Ивану Страхову, Ивану Блюму и Максиму Алопеусу²⁵ для такова же употребления. А в публичной экспедиции членам для управления почтовыми делами действительному статскому советнику Льву Никитину; для управления казною и ревизования счетов статскому советнику Дмитрию Сухареву; для всяких текущих дел и переписки с другими правительствами статскому советнику Ивану Воронцову. В Москве же в канторе оной коллегии статскому советнику Андрею Набокову, а в находящемся там коллежском архиве статскому же советнику Герарду Фридриху Миллеру. Определено: для исправления коллежских дел поместить при секретной экспедиции в положенное по статусу число шести секретарей майорского ранга, находящихся при коллегии ассесоров Федора Козельского²⁶, Василья Софонова, Григорья Протопопова, Григорья Кондоиди²⁷, Николая Кондоиди и секретаря майорского ранга Николая Львова²⁸; а в число осми секретарей капитанского чина титулярных советников Якова Топоркова, Николая Никитина, Ивана Вейдемейера²⁹, Ивана Виленса и секретаря капитанского ранга Ивана Татищева³⁰, да титулярного советника Григорья Брайку, и секретарей капитанского ранга Николая Ябланского и Николая Принчишати. А на особоположенной в штат на жалованье прочим в секретной экспедиции состоящим коллежским служителям сумм оставить при оной экспедиции для исправления же коллежских дел, находящихся в переводческой должности: надворного советника Алексея Леонтьева³¹, ассесора Павла Римшу, секретаря майорского ранга Илью Муратова, секретарей Василья Рубанова³² и Василья Пастушкова, да переводчиков Петра Самасонова, Илью Шубина, протоколистов Ивана Пряслова, Михаилу Ждановского и Александра Катыгулова, переводчиков же Ивана Валца, Рудольфа Фислини, Фридриха Гофмана, Ивана Винтера, Василья Пегенполя, Иогана Ритмейера, Петра Артемьева, Вилима Фузадье, Павла Бресана, Горга Горнбурга, Осипа Моснера, Готлиба Фридриха Гана, Ивана Озерова, Александра Суморокова, Фердинанда Людвиха, Акима Даниловского; актуариусов: Никиту Акиншина, Илью Якина, Михайлу Митрофанова, Михайлу Иванова, Петра Паниратьева, Алексея Лопова, Михайлу Лопова, регистратора Ивана Глухова, актуариусов Ивана Дуниеля, Вильгельма Нотбека, Геогрия Дузу, Петра Софонова, Петра Сафьянникова, Павла Сафьянникова, регистратора, Ивана Сулимова, актуариусов Павла Бакунина, Николая Кашкина, Михайлу Вениаминова, Ивана Павлова, Дмитрия Павлова, Петра Кирьякова, Тимофея Андреевского, Романа Халчевского, Дмитрия Салтыкова, подканцеляристов Николая Кононова, Ивана Федорова, Петра Летюхина; студентов Луку Муратова, Фридриха Гофмана, Федора Гана, Василья Евангринкова, Давыда Бруна, Александра Латынина, Никласа Форделя, Карла Гоберха, китайского языка ученика Григорья Соколова; копиистов Михайлу Равича, Ивана

Иванова, Федора Митрофанова, Бориса Якина, Пимена Щепнева, Алексея Федорова. Да при оной же секретной экспедиции по силе данного Коллегии в 5 де[нь] сего месяца имянного Ея императорского величества указа оставить, находящихся в ведомстве Ея, надворного советника Александру Круту для исправления переводов, да подполковника Георгия Тира, и прапорщика Степана Алаеса для курьерских посылок и производить им преждеопределенное Ея императорского величества жалованье из вышеозначенной положенной на коллежских служителей особой суммы, а имянно: Круте и Тиру каждому по восмисот, а прапорщику Алаесу по двести по пятидесяти рублей на год. Да на той же сумме оставить и состоящих вообще при коллегии финифтяного дела мастера порутчиского ранга Михаилу Лопова, финифтяного же дела мастера Ивана Леонтовича, и того же дела ученика Петра Завьялова, да переплетчиков Артемья Федорова и Андрея Родионова, а в публичную экспедицию, составляющую три части, определить в каждую нижеследующих канцелярский служителей, а имянно: к почтовым делам в ведомство действительного статского советника Льва Никитина, в должность секретаря протоколиста Федосея Хрипунова, и в должность же камерира для ревизования щетов секретаря Фридриха Фишера, да регистратора Степана Волкова, актуариуса Петра Киреевского, канцеляриста Дмитрия Козлова, подканцеляриста Федора Пилюгина. К делам казенным, кроме присланного в коллегию при указе из правительствующаго Сената в казначеи подполковника Эрнста Данненстерна, получить в ведомство статского советника Сухарева секретаря Якова Козлова, регистратора Александра Лукина, канцеляриста Петра Морозова, подканцеляриста Александра Шафранова, копиистов Сергея Яковлева и Григорья Лошкарева. К текущим же делам в ведомство статского советника Воронцова, секретаря майорского ранга Ивана Петрова, да в должность переводческую секретаря Ивана Трефурта, актуариусов Ивана Афонасьева, Семена Дементьева, Николая Латынина; регистратора Петра Григорьева, канцеляриста Петра Соболева, копиистов Василья Королькова, Федора и Василья Комаровых, Василья Бахматова, Семена Дементьева, Ивана Летюхина, Василья Миронова и Петра Телешова.

В Москве же, в кантору оной коллегии отправить отсюда секретаря Андреяна Ждановского и с ним студента Ивана Ждановского. А находящегося там ассесора Григорья Протопопова взять к делам сюда в коллегию, как выше сказано. Протчим же, находящимся в той канторе канцелярским служителям, быть там при делах по прежнему, а именно: титулярному советнику Николаю Паунцову в должности камисарской, протоколисту Петру Галактионову, переводчикам Петру и Михайле Обресковым, и Филипу Яколеву, регистраторам Ивану Алексееву, Андрею Серебренникову, Сергею Степанову, Николаю Фролову, Семену Зорину, актуариусу Глебу Безобразову, канцеляристам Никите Касареву, Петру Волкову, подканцеляристу Алексею Тархову, копиистам Петру Почаинову, Семену Григорьеву, Петру Болшакову и Егору Никифорову, толмачам Антону Фотину, Василью Бончару и переплетчику Марке Тимофееву. А при имеющемся там коллежском архиве быть в числе положенных по статусу двух секретарей, находящимся в оном архиве, ассесорам Николаю Бантыш-Каменскому и Мартыну

Соколовскому, и там же остаться по-прежнему переводчику Алексею Малцову, протоколисту Якову Буркову, актуариусам Степану Адвиновскому, Петру Миллеру, регистраторам Михайле Фотину, Константину Иванову, и Льву Софонову, актуариусу Ивану Мерзлякину, канцеляристу Андрею Паунцову, подканцеляристу Ивану Болшакову; и о том в оную кантору и архив послать указы, приложа с стата коллежскаго для ведома копии. А с сего определения дать в казенной и протчия публичной экспедиции департаменты к сведению копии же за скрепою секретарскою.

Подлинное подписано тако.

Г[раф] Н[икита] Панин³³, граф Иван Остерман³⁴, Петр Бакунин, Петр Бакунин.

РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 55. Л. 42—48. Копия.

№ 21

Доклад Комиссии об учреждении народных училищ о необходимости создать Главное училище для подготовки специалистов

Санкт-Петербург

Июнь 1783 г.

Всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне и императрице и самодержице Всероссийской от Комиссии о учреждении народных училищ всеподданнейший доклад.

Со времени установления Комиссии о народных училищах первое старание ея было, чтобы соответственно намерениям вашего императорскаго величества предположить нравственное воспитание юношества сообразно общему благу государства и изобрести к тому достаточные способы, которыми бы сие важное дело привести в желаемое движение и дать ему на будущие времена твердое основание. Начальный к тому подвиг состоял в сочинении учебных книг по таким правилам, которыя бы всякому роду граждан могли быть равно полезны.

Таковые книги изданы уже все к первым двум классам народных училищ принадлежащая; что же касается до нужных для третьяго и четвертаго, то хотя и сии также оканчиваются, однако ж за ними нельзя несколько не промедлить потому, что до вышших наук касающиеся, как то физика, соединенная с нею история натуральная, история и география, требуют строгого просмотра, проверки и исправности.

Между сими приуготовлениями открыт уже по высочайшей вашего императорскаго величества воли новый учебный способ в заведенных в столице народных училищах, из первых двух классов состоящих и, по отменному рачению директора оных Янковича, успех в учении и во умножении учащихся приметным образом возрастает. Но сие не больше есть, как только единые начатки дела сколь по себе пространнаго, так и важнаго.

В сем виде Комиссия, распространяя распоряжения свои на третей и четвертый класс, старалася в начале о приискании способных учителей, которые бы науки свои знали твердо. Выписывала для того из

разных духовных семинарий молодых тамо обучавшихся людей, и здесь приискивала всевозможным образом, мя из большого числа лучших сделать выбор; успех однако ж в том меньшей оказался, нежели какова ожидать могла Комиссия. Ибо присланные из семинарии не имеют потребных для третьего и четвертого класса знаний, и Комиссии еще больше сведом стал сей недостаток при избрании учителей для девичьего монастыря, которых с большим старанием едва можно было найти: ибо ежели суть люди к тому способные, то они несут должности, от которых их взять неудобно, а другие лишь успеют в словесных науках, ищут и помещаются большею частию в гражданской, выгоднейшей для них, службе.

Итак, одними пособиями, каковы ныне чрез прилежность и труды директора школ Янковича происходят, и кои от других мест могла Комиссия взаимствовать, нет и не будет возможности народныя училища воздвигнуть в полной мере; поелику (как выше упомянуто), хотя теперь все почти учебныя книги и для вышших классов приходят переводом и сочинением к окончанию, следственно образ как преподавать науки уготован, но кем сие производить, таковых людей потребно много, находить же их тружно, а одно без другаго не может взять прямого течения. Недостаток сей в способных и искусных учителях чем далее больше встречается будет, как видимым образом по сим причинам степень учительскаго состояния час от часу упадает.

Для отвращения так важных в начатом деле препятствий, принимает Комиссия смелость просить ваше императорское величество всеподданнейше о дозволении завести наперед Главное народное училище, которое бы служило всем прочим образцом, и в коем обучившиеся могли бы быть потом употребляемы для заведения других оному подобных. Комиссия представляет вашему императорскому величеству сверх вышеписанных причин еще следующия.

Как Главное училище должно быть мерою всех прочих училищ, то прежде всего сию самую меру определить нужно и все части ея надеждащим образом расположить, дабы оныя в образце другим училищам служили. Ибо все таковы, со временем будущия в частях государства училища, должны быть одно другому сообразны. Итак, когда в Главном училище одинакия учебныя книги и предметы в известном и определенном содержании с прочими училищами преподаваемы быть должны; следует из того, что и приутоворяющимся в учительские должности необходимо нужно, прежде нежели они к званию своему приступят, пройти течение всех наук по определенным книгам и определенным способом учения, дабы впредь потому же и таким же образом, могли обучать других.

При Главном училище можно видеть и научиться сверх того внутреннему порядку политическаго и экономическаго правления, как то: должностям директора, надзирателя, образу сочинения таблиц, списков, известий и прочаго, порядку книгопечатания и других экономических частей, что все для соблюдения целости, связи и единообразия будущих училищ, учителям знать должно, а потому прежде всего быть надобно Главному училищу, в котором бы учителя могли на деле видеть все то, что до должностей их касаться может, дабы сообразно тому поступать,

как при вступлении своем в должность, так и при учреждении прочих главных училищ по наместничествам всея Российской империи, понеже на таковых искусившихся и расположения Главного училища видевших людей, можно будет всегда надежнее положиться при заведении новых училищ.

Не меньше важною и весьма побудительною для постановления сего Главного народного училища причиною есть еще и то, что все доселе прибывшие семинаристы и студенты, будучи здесь наставляемы в способе только преподавания учения для первых двух классов, а не имеющие достаточного в науках знания, не имеют где оное приобрести, дабы способными сделаться учителями для третьего и четвертого класса; в Главном же училище с пользою могли бы они быть наставляемы не токмо в образе преподавания, но и в самых тех науках, которых они не знают.

Для сих причин судит Комиссия быть единым средством и кроме которого нет другого к установлению народных училищ, чтобы основать здесь во-первых Главное народное училище, по поднесенному от Комиссии вашему императорскому величеству прежде сего плану, при котором бы сверх вольнообучающихся обучать и содержать на казенном иждивении не меньше ста человек для должностей учительских, набирая оных из духовных семинарий, из школ воинских команд и из добровольно к тому пожелавших, наставляя их не токмо во всех в Главном училище преподаваемых науках и введенном способе учения, но и во всем том, что до звания, поведения и свойств добраго учителя касается, дабы сим образом получив хороших и основательных учителей, дать самому заведению твердое и надежное основание. А дабы Комиссия могла тем благонадежнее положиться на употребление сих людей, то не дозволить никакому месту принимать их в другую службу без увольнения от Комиссии. Сим образом надеяться можно в два или в три года завести в государстве немалое число других главных училищ, от которых потом распространение сие будет год от года приметно умножаться.

Но как для сего Главного училища потребны в вышших классах довольно искусные люди, как то в истории, географии, физике, истории натуральной, архитектуре, механике и геометрии, каковых сыскать с воли весьма трудно, то в том разумении, что делу сему помогать должно общим трудом, да повелите всемилостивейшая государыня на первой случай употребить к тому из русских учителей или профессоров здешних Академии наук, или университета Московскаго, хотя, впрочем, Комиссия и не упустит стараться о приискании и других, на что однако ж не может положить совершенной благонадежности.

На содержание же сих учащихся для должности учительских Комиссия испрашивает ныне сумму десяти тысяч рублей, о издержании которой поднесет вашему императорскому величеству в свое время верный отчет.

А дабы приуготовиться и начать все сие благовременнее, то не угодно ли будет вашему императорскому величеству, пока в первой части города за сходную цену куплен быть может, способный для

Главанаго народного училища дом, указать отдать под оное часть здания упраздненных коллегий на Васильевскому острову.

Комиссия повергает все сие высочайшему благоусмотрению вашего императорскаго величества, имея смелость ожидать, что вы всемилостивейшая государыня призрите высочайшею милостию на дело всенародныя пользы, и пребывая в том удостоверении, что введение деятельным образом благонравия и наук для целаго народа великий империи, возвысится своими плодами и не меньше прочих благодетельных ваших для России, приложит новое безсмертие имени Первой зиждительницы того.

*Петр Заваговский*³⁵

Франц Эпинус

*Петр Пастухов*³⁶

РГАДА. Ф. 17. Д. 76. Л. 12—18об. Подлинник.

№ 22

Формулярный список юнкера Владимира Вульфа

Москва

1799 г.

Чин, имя, фамилия и должность им отправляемая, и сколько от роду лет — титулярный юнкер Владимир Вульф. Прибучается к переводам с французскаго и немецкаго языков и употребляется при переписке на белодневной выписки. От роду имеет четырнатцать лет.

Из какого звания происходит и чей сын — сын полковник лейб-гусарскаго полку и орденов Свя[то]го Владимира 3 степени и Св[ято]го Георгия 4 класса кавалера Якова Иванова сына Вульфа. Доказательствы на дворянское достоинство не предъявляет за неполучением от родителя своего.

Сколько имеет во владении мужеска полу душ людей и крестьян, в которых уездах, как имена селениев — мужеска полу людей и крестьян имеет за собой Тверской губернии Кашинскаго уезда в селе Леонтьевском с деревнями 350 душ.

Когда в службу вступил и во оной какими чинами в каких должностях и где происходил, так же не было ль каких отличных по службе деяний, и не был ли особенно кроме чинов чем награжден и в какое время. — Обучась на собственном моем иждевении немецкому и французскому языкам и другим наукам, по определению государственной Коллегии иностранных дел принят в службу к московскому сея коллегии архива 1799 году марта 14.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно. — Не был.

Не был ли в штрафах и под судом и если был, то за что именно, когда и чем дело кончено. — Не был.

К продолжению статской службы способен и к повышению чинов достоин или нет и зачем. (1. Графа не заполнена).

Не был ли в отставке с награждением чина или без онаго и когда. — Не был.

Женат ли и имеет ли детей, кого именно, коликих лет и где они находятся. — Холост.

К нему формулярному списку подписуюсь тутулярный юнкер Владимир Вульф.

РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 75. 426об. — 427. Подлинник.

№ 23

Формулярный список надворного советника А.Малиновского

Москва

1798 г.

Чин, имя, фамилия и должность им отправляемая, и сколько от роду лет. — Надворный советник Алексей Малиновский исправляет в Московской государственной Коллегии иностранных дел архиве должность секретаря. От роду имеет тридцать шесть лет.

Из какого звания происходит и чей сын. — Происходит из дворян и имеет на то свидетельство, данное ему Могилевской губернии из депутатского дворянского собрания, в копии при сем прилагается, подробнейшия же на то доказательства представлены им правительствующего Сената к герольдмейстерским делам. Сын троицкого в Москве протоирея Феодора Авксентовича.

Сколько имеет во владении мужеска полу душ людей и крестьян, в которых уездах, как имена селищем. — Московской губернии Рузского уезда в сельце Мосееве двадцать душ; Рязанской губернии Ранебургского уезда в селе Кочурах и в деревнях Пристыкиной и Безводной семдесять душ. Всего девяносто душ.

Когда в службу вступил и во оной какими чинами в каких должностях и где происходил, так же не было ль каких отличных по службе деяний. — Начал учение иностранными языкам в императорском Московском университете на собственном своем содержании 1771 года января 17. Получил из оного похвальный аттестат, записался в Межевую канцелярию 1778 октября. Был из оной уволен с аттестатом того же года ноября. Продолжил приватное учение на дому. Потом по одобрению покойного действительного статского советника Миллера в знании иностранных языков, определен государственной Коллегии иностранных дел в московский архив с чином актуариуса 1780 марта 1. Произведен переводчиком 1783 апреля 13. По указу государственной Коллегии повелено ему исправлять должность секретаря 1793 января 1. За поднесение блаженной памяти императрице Екатерине Алексеевне историческое и дипломатическое сочинение о Крыме, удостоился получить в награждение пятьсот рублей. По высочайшему имянному указу: в уважение долговременной службы, отличной приверженности и трудов в дипломатических сочинениях всемиловитейше пожалован из переводчиков в коллежские ассесоры с старшинством. В настоящем надворного советника чине пожалован по высочайшему имянному Его имп[ераторского] вел[ичества] указу 1798 декабря 20.

В походах против неприятеля и в самых сражениях был или нет и когда именно. — Не был.

Не был ли в штрафах и под судом и естли был, то за что именно, когда и чем дело кончено. — Не был.

К продолжению статской службы способен и к повышению чинов достоин или нет и зачем^а.

Не был ли в отставке с награждением чина или без онаго и когда. — При отставке из межевой канцелярии чина не получен.

Женат ли и имеет ли детей, кого именно, коликих лет и где они находятся. — Холост.

РГАДА. Ф. 180. Оп. 1. Д. 74. Л. 503об. — 504. Подлинник.

№ 24

Должностная инструкция чиновников Мастерской и Оружейной палаты

Санкт-Петербург

10 марта 1806 г.

Правила, поставляемые в особенности для Мастерской и Оружейной палаты, сверх общих, в штате придворном и в инструкции главнокомандующего над Кремлевскою экспедицею высочайше утвержденных.

1-е

Ничего не продавать и никаким вещам из палатского хранилища отпусков не чинить без особенного указа за собственноручным государя подписанием. А представляется токмо распоряжению главноначальствующаго — перемещение оных из одного места в другое, и то в том же ведении.

2-е

В хранилище палатское никому входу инако не иметь, как с позволения главноначальствующаго; и для того ключи онаго должны храниться в палате, а печать у перваго по главноначальствующем чиновника. В случае же его отсутствия или болезни у самого главноначальствующаго.

3-е

Палата, хотя и составляет с экспедицией единое ведение, но различаясь особенным родом своих дел от прочих придворных отделений, может иметь по надобностям своим сношения, так как прежде со всеми присутственными местами.

4-е

О денежном приходе и расходу, поелику палате определенная сумма входит в распоряжение экспедиции, подавать отчеты куда следует не палате, а экспедиции на правилах сумм в последнюю поступающих.

5-е

Всем и всякого звания чиновникам палаты сверх общего их попечения о сохранении во всегдашней целости сокровищ в палатском хранилище главноначальствующий распределяет каждому особенную часть и должность.

^а Графа не заполнена.

6-е

Для отыскивания палате в древности принадлежащих достопамятностей, развлеченных в другие места, сноситься палате или главноначальствующему, и таковые достопамятности, вновь отысканные, перемещаются в палатское хранилище не иначе, как с высочайшего соизволения и утверждения, о чем главноначальствующий и обязан подавать особенные доклады.

7-е

Палате позволяется, по обычаю нескольких веков в России и повсюду существующему, принимать и от частных людей добровольные подношения, состоящие в манускриптах, доставляющие нужные сведения в вещах достойных уважения или древностию или искусством; но также не иначе, как с высочайшего соизволения и утверждения, о чем равномерно главноначальствующий должен подносить особые доклады.

8-е

Имена подносящих и их подношения по изъявлении им за то монаршего благоволения имеют быть напечатаны в историческом описании палатских достопамятностей.

9-е

Должность присяжных во время публичных обзрений палатских достопамятностей наблюдать, чтоб из оных них ничто не пропадало и не повреждалось и поелику сие их служение в палате не весьма обременительно, то главноначальствующий по своему усмотрению может назначать и другие с их званием сообразные должности.

На подлинном подписано: Валуев³⁷.

На полях Л. 25 записано: «На подлинном подписано собственною Его императорского величества рукою: «тако быть по сему»».

РГАДА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 39. Л. 25—26. Копия.

№ 25

Выписка из списка, представленного при докладе главноначальствующего мастерскою и оружейною платою П.С.Валуева^а

Москва

27 ноября 1807 г.

Почетный
член
палаты
статский
советник
Малинов-
ский

Сей чиновник был первым сотрудником исторического описания, изданного ко славе царствования вашего императорского величества. Его неутомимому трудолюбию обязан я приведением сего творения в систематический порядок и обогащением онаго историческим повествованием и разными примечаниями, тут помещенными, которые

Представляется к
получению
жалованья в
звании
историографа

^а Заголовок документа.

более всего извлечены из собственных его исторических записок, составленных им в течении 27 лет его службы из разных архив и библиотек. На сочинение сего посвящал он единственно свободные часы своего отдохновения. В воздании за сей добровольный и ревностный подвиг, для поощрения к продолжению сего достославного издания, приемлю смелость всеподданнейше просить определить ему особенное жалованье по 1200 руб. в год из Государственного казначейства в качестве историографа по примеру прочих музеев в Европе, с оставлением в Московском государственной Коллегии иностранных дел архиве.

РГАДА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 39. Л. 29. Копия.

Примечания

¹⁶ Первоначально Университет располагался в доме у Воскресенских ворот, где ранее был Аптекарский приказ. Екатерина II после восшествия на престол приказала купить у князей Репниных дом для Университета на Моховой улице. В 1785 г. императрица предоставила Университету в полное распоряжение казенный дом, где была прежде Межевая канцелярия. Строеие главного корпуса было закончено в 1791 г. (Малиновский А.Ф. Указ. соч. С. 148—149).

¹⁷ *Херасков М.М.* (1733—1807), в 1755 г. поступил в штат Московского университета на должность ассессора. Более сорока лет он прослужил в университете. Официально в ведении Хераскова находилась сначала учебная часть, студенческие дела, библиотека и типография. В 1756 г. при университете возник возглавляемый Херасковым театр, а также по его инициативе начинают издаваться первые московские литературные журналы. В 1778 г. Херасков был назначен куратором Московского университета, он известен также как автор многочисленных пьес, од, басен, поэм, драм.

¹⁸ *Агодуров В.Е.* (1709—1780) — математик, писатель; первый русский ученый, получивший ученое звание. С 1762 г. — куратор Московского университета, с 1774 г. — сенатор.

¹⁹ *Бакунин П.В.* (1724—1782).

²⁰ *Бакунин П.В. (Меньшой)* (1732—1786) — тайный советник, член Коллегии иностранных дел.

²¹ *Эпинус Ф.У.* (1724—1802) — академик, член Комиссии о заведении народных училищ.

²² *Булгаков Я.И.* (1743—1809) — русский дипломат. В 1781—1789 гг. посланник в Константинополе. Добился признания Турцией присоединения Крыма к России. С 1790 г. — посланник в Варшаве.

²³ *Полетика Г.А.* (1723/1724—1784) — автор религиозных сочинений.

²⁴ *Фонвизин Д.И.* (1744 или 1745—1792) — русский писатель.

²⁵ *Алопеус М.М.* (1748—1822).

²⁶ *Козельский Ф.Я.* (род. 1734) — писатель.

²⁷ *Кондоуци Г.П.* (1754—1817) — тайный советник, сенатор.

²⁸ *Львов Н.А.* (1751—1803) — переводчик с греческого, писатель, архитектор, член кружка Г.Р.Державина.

²⁹ *Вейгемейер И.А.* (1752—1820), в службу вступил в 1767 г., тайный советник в 1800 г., правитель канцелярии Государственного Совета в 1801 г., сенатор и член Государственного Совета в 1811—1812 гг.

³⁰ *Татищев И.И.* (1743—1802), с 1764 г. в Коллегии иностранных дел, был направлен в посольство в Данциг в 1769 г., а затем в Лондон.

³¹ См. № 56.

³² *Рубан В.Г.* (1742—1795) — писатель, переводчик, издатель, историк Москвы и Петербурга.

³³ *Панин Н.И.* (1718—1783) — граф, русский государственный деятель и дипломат. С 1763 г. руководил Коллегией иностранных дел, автор конституционных проектов.

³⁴ *Остерман И.А.* (1725—1811) — граф, вице-канцлер, действительный тайный советник и президент Коллегии иностранных дел.

³⁵ *Заваговский П.В.* (1738—1812) — граф, сенатор, тайный советник, министр народного просвещения (1802—1810). Ввел либеральные университетский и цензурный уставы (1804).

³⁶ *Пастухов П.И.* (1732—1799) — сенатор, кабинет-секретарь Екатерины II.

³⁷ *Валуев П.С.* (1743—1804) — начальник Кремлевской экспедиции, главноначальствующий над Оружейной палатой.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года.
Документы. М., РОССПЭН, 1998. 863 с.

Редакторы-составители Е.Д.Орехова,
В.Т.Середа, А.С.Стыкалин

Сборник «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года» — первое в нашей стране издание документов, раскрывающее один из переломных моментов взаимоотношений Москвы с ее восточноевропейскими союзниками, конфликтов, возникающих в связи со стремлением последних «оторваться» от нее. В сборник включено около 250 документов из Архива Президента Российской Федерации, Центра хранения современной документации (бывшего архива ЦК КПСС) и Архива внешней политики Российской Федерации, большая часть которых была засекречена вплоть до настоящего времени. Для полноты картины событий привлекались как материалы архивов Венгрии, так и венгерской периодики 1956 г. Для воспроизведения событийной канвы каждый из четырех разделов издания предваряют подробные предисловия, написанные В.Т.Середой и А.С.Стыкалиным.

Документы первого раздела раскрывают содержание острого кризиса политико-экономической системы Венгрии, вызревшего после смерти Сталина, и охватывают период от марта до июля 1956 г. Официальная линия на следование советским образцам и моделям, являвшаяся в предшествующие годы орудием массивной сталинизации, теперь, в новых условиях, после XX съезда КПСС, заработала на сторонников реформ, позволив им в подтверждение своих идей ссылаться на авторитетный советский пример. Документы первого раздела дают возможность показать круг общения работавших в то время в Венгрии советских дипломатов и прежде всего посла Ю.В.Андропова. В беседах с ними венгерскую сторону представляли почти исключительно приверженцы охранительно контрреформаторской линии — партийные функционеры высшего и среднего звена, ответственные работники государственного аппарата, режиссеры культуры. Ограниченность круга общения, несомненно, сказывалась на характере получаемой посольством и поступавшей затем в Москву информации, хотя в конечном итоге восприятие советскими дипломатами развивавшихся в Венгрии процессов и их интерпретация предопределялись не кругом общения, а теми унаследованными от сталинской эпохи идеологическими стереотипами, сквозь призму которых было принято оценивать любое общественное явление (док. №№ 3, 4, 6, 7, 27, 30, 31). В Москве, вероятно, еще не было полной определенности относительно того, в какой мере идеи XX съезда КПСС (и в частности, тезис о многообразии форм перехода к социализму) должны повлиять на характер отношений со странами «народной демократии». Тем не менее в ходе своих контактов с венгерскими представителями советская сторона постепенно свыклась с мыслью о необходимости устранения как самого М.Ракоши, так и его режима в его худших, репрессивных проявлениях и открыла путь для постепенной десталинизации Венгрии. Процесс расставания со сталинизмом оказался растянутым на несколько лет и его противоречивость и непоследовательность во многом предопределили тот кризис, с которым предстояло столкнуться стране в конце 1956 г.

Сообщения более высокопоставленных представителей КПСС, выезжавших в 1956 г. в Венгрию (А.И.Минкояна и М.А.Суслова), отличались, как правило, большей умеренностью в оценке политической ситуации в стране, чем донесения посла (док. №№ 14, 33). Широко представленные в сборнике

дипломатические донесения из Будапешта (телеграммы, записи бесед и т. п.) показывают, как по мере обострения в Венгрии общественно-политического кризиса посольство на протяжении ряда месяцев последовательно формировало тот образ происходивших в Венгрии событий, который оказал решающее влияние на силовой способ разрешения венгерской проблемы.

Документы второго раздела сборника охватывают этап (от июльского пленума до октября 1956 г.), на который пришлось некоторая стабилизация обстановки, затишье в общественно-политической жизни Венгрии, сопровождаемые созданием условий для конструктивного диалога между властью и обществом. Однако реальные плоды они могли принести только при последовательном осуществлении реформаторской линии. Поскольку этого не произошло, кредит доверия к венгерской компартии был исчерпан довольно быстро. Из донесений, направляемых в Москву Ю.В. Андроповым, можно видеть, что условием нормализации положения советский посол, как и многие лидеры Венгрии, считал проведение твердой линии в отношении как беспартийных, так и реформаторски настроенных членов компартии, недовольных положением в стране. Советский посол упорно продолжал делать ставку на людей, не пользующихся поддержкой в обществе и долго сопротивлялся приходу к власти И.Надя, справедливо подозреваемого в стремлении строить социализм по-своему, «по-венгерски», а не «по-советски» (док. №№ 51, 52, 55, 56).

Вопреки активно использовавшемуся в пропагандистских целях тезису о «международном империалистическом заговоре», жертвой которого якобы стала Венгрия в 1956 г., решающую роль в развитии событий играли внутренние факторы и, прежде всего, недовольство населения медленными темпами десталинизации, экономическим положением, отсутствием полного суверенитета своей страны в сложившемся после второй мировой войны «советском блоке». Однако, как отмечают составители сборника, «как бы ни велики были внутренние факторы для того, чтобы в полной мере понять те мотивы, которые днем 23 октября вывели на улицы сотни тысяч жителей венгерской столицы, необходимо принимать во внимание и импульсы, исходившие извне» (с. 96). Таким внешнеполитическим импульсом послужили как опыт строительства социализма в Югославии, сильно идеализировавшийся венгерскими коммунистами-реформаторами, так и влияние из Польши, где в конце 1956 г. достигла своего апогея борьба за демократизацию социализма и политические реформы, сопровождавшаяся массовыми митингами.

Третий раздел сборника охватывает документы, относящиеся непосредственно к венгерскому восстанию и принятию Кремлем решения об интервенции. Весьма примечательно, что пока 23 октября в Будапеште не начались переходящие в столкновения с властями массовые демонстрации, руководство КПСС продолжало считать приоритетным «польский вопрос» (с. 322). Приведенные в издании документы — протокольные записи заседаний Президиума ЦК КПСС, записи представителей КПСС и компартий социалистических стран в Москве 24 октября — позволяют реконструировать решение о вводе советских войск в Будапешт, причем, как установили составители сборника, инициатива исходила от тогдашних венгерских руководителей (док. №№ 82, 83). «Точно известно, — отмечают составители сборника, — что на пленуме ЦР ВПГ, спешно созванном поздно вечером 23 октября и заседавшем сумбурно, в неполном составе, голосования по этому вопросу не проводилось, но и возражений против ввода советских войск никто не высказал» (с. 323).

Главной целью вступления советских войск в Будапешт была демонстрация военной силы, но это привело лишь к тому, что борьба сразу приобрела национально-освободительный характер. Ценнейший источник, показывающий положение в высших эшелонах венгерской компартии в условиях

ширившегося восстания, раскрывающий позицию советских представителей, их влияние на принятие венгерским руководством конкретных решений, в том числе по реорганизации правительства, представляют телеграммы и телефонограммы находившихся в то время в Будапеште А.И.Микояна и М.А.Суслова (док. №№ 83, 87, 93, 94, 96, 102, 105, 111, 117). Оценив на месте ситуацию, Микоян и Суслов осознали, что из прежней коммунистической элиты лишь И.Надь пользуется еще некоторым кредитом доверия населения, это обстоятельство необходимо использовать в интересах укрепления партии, а потому в сложившихся условиях сочли оправданной ставку на него в качестве премьер-министра, а Я.Кадара — на посту первого секретаря ЦК ВПГ. Вместе с тем они ошибочно рассчитывали на решающее участие самих венгров в подавлении беспорядков, будь-то силами армии или рабочих. Судя по донесениям, советские представители не вполне адекватно оценивали роль новых революционных выборных органов, не видя за действиями изолированных групп повстанцев поддержки самых широких народных масс и не понимая явно оппозиционной по отношению к прежним сталинистским структурам направленности рабочих советов.

Вначале И.Надь не протестовал против участия советских войск в наведении порядка (док. № 92), однако в его окружении все громче раздавались голоса о необходимости не только более решительного отмежевания от прежней политики, но и пересмотра отношения к вооруженным повстанцам. Осознав невозможность нормализации положения с помощью посторонней военной силы и почувствовав, что широкие массы отказывают в поддержке новому правительству, И.Надь сделал решительный шаг к сближению с повстанцами. В основе внешнеполитической концепции его правительства лежало требование национального суверенитета Венгрии, установления подлинно равноправных отношений с СССР. Происходившие без разрешения венгерской стороны передвижения советских войск спровоцировали 1 ноября правительство Надя на расторжение Венгрий Варшавского договора и одновременное обращение в ООН с просьбой о помощи в защите своего нейтралитета.

Как следует из публикуемых записей заседаний Президиума ЦК КПСС, начиная с 23 октября венгерский вопрос неизменно находился в центре внимания советского руководства. При этом прорабатывались различные варианты решения, переоценивались некоторые устоявшиеся догмы (док. №№ 100, 105, 115). Сколь ни была неприемлема для руководителей СССР в начале венгерского восстания идея о выводе советских войск из Венгрии, дальнейшее развитие событий в этой стране за считанные дни зашло настолько далеко, что такая перспектива стала восприниматься как достаточно реальная. «Более того, «венгерский вызов» со всей остротой поставил перед ними вопрос о доктринальных основах восточноевропейской политики СССР, заставив обратиться к их пересмотру» (с. 329). Записи заседаний Президиума ЦК КПСС, показывая ход обсуждения венгерского вопроса, выявляют отношение отдельных членов советского руководства к разыгравшимся в Венгрии событиям, к правительству И.Надя, результатам миссии Микояна—Суслова. Споры о том, как следует действовать в Венгрии, проходили на заседаниях Президиума 26 и 28 октября. Вначале, безусловно, доминировала идея силового решения кризиса (док. №№ 100, 105). Но как видно из записей заседаний Президиума ЦК КПСС, советские лидеры осознавали массовый характер народного движения в Венгрии, участие в нем рабочего класса. Были приняты во внимание широкий размах восстания, быстрота, с которой рухнула вся система органов власти в столице и на местах, переход части армии на сторону восставших. В сложившейся ситуации было решено проявить политическую гибкость: поддержав правительство Надя, добиться

перемирия с повстанцами, а также вывести советские войска из Будапешта в места их постоянной дислокации.

Очевидная неудача военного вмешательства не только заставляла советских лидеров искать другие, более эффективные средства разрешения венгерского кризиса, но и вплотную подводила к мысли о необходимости пересмотра всей системы отношений с восточноевропейскими странами. Однако шаг этот был явно запоздалым, слишком много факторов мешали Хрущеву и его соратникам утвердиться в принятом решении после того, как вывод советских войск из Будапешта совпал по времени с рядом актов насилия на улицах города. Как выясняется из документов, на заседании Президиума ЦК 31 октября было принято принципиальное решение о вторичном военном вмешательстве, устранении правительства И.Надя и формировании нового, полностью контролируемого Москвой. Из документов — особенно протокольной записи заседания Президиума ЦК КПСС 31 октября (док. № 125) — видно, насколько учитывались членами советского руководства и какую роль сыграли в выработке окончательного решения внешние факторы, в полной мере заявившие о себе в последние дни октября: озабоченность президента США Д.Эйзенхауэра собственной президентской кампанией, вовлеченность Великобритании и Франции в Суэцкий кризис, обеспокоенность Китая ростом антикоммунистических тенденций в Венгрии. Не в меньшей мере советских руководителей интересовала позиция Югославии, продолжавшей до известной степени дистанцироваться от социалистического лагеря. О тайной встрече Н.С.Хрущева и Г.М.Маленкова с югославскими лидерами в ночь со 2 на 3 ноября на острове Бриони имеется запись посла в СССР В.Мичуновича (док. № 149). Вопреки опасениям советских вождей, брионская встреча показала единодушие двух сторон в оценке происходящего в Венгрии. Ряд оговорок, сделанных при этом югославами с тем, чтобы подчеркнуть их «особую позицию», не подвергали сомнению их принципиальное согласие на прямое советское военное вмешательство. В качестве главы нового правительства югославской стороной был предложен Я.Кадар. Таким образом, целый комплекс внешних факторов повлиял на произошедший 31 октября поворот в политике СССР (док. № 125). Если накануне, 30 октября, на заседании Президиума ЦК КПСС возобладало, наконец, трезвое понимание, что политику по отношению к союзникам по восточноевропейскому лагерю необходимо радикальным образом перестраивать, то теперь установки кардинально изменились.

Четвертый раздел посвящен непосредственно интервенции советских войск в Венгрию и становлению режима Кадара. Военная операция с участием 17 советских дивизий, получившая условное название «Вихрь», была начата 4 ноября под общим командованием маршала И.С.Конева. С этого момента задача советских войск заключалась уже не в демонстрации силы и не в оказании помощи венгерской армии в наведении порядка, а в подавлении преданных правительству И.Надя и готовых отстаивать независимость Венгрии повстанческих отрядов и регулярных армейских частей.

О ходе боевых действий в Будапеште и провинции дают представление лаконичные сообщения министра обороны СССР маршала Г.К.Жукова, направлявшиеся в Президиум ЦК КПСС с 4 по 10 ноября — сначала 2 раза в день, а с 7 ноября ежедневно. «Наведение порядка» в Венгрии предполагало не только подавление вооруженного сопротивления, но и ликвидацию либо нейтрализацию порожденных революцией органов власти в Будапеште и провинции. Процесс передачи властных функций новому венгерскому правительству осуществлялся постепенно, заняв несколько недель. В осуществлении карательных акций правительство Я.Кадара, не имевшее под собой сколько-нибудь прочной опоры в венгерском обществе, опиралось на

поддержку советских органов безопасности, которыми руководил председатель КГБ И.А.Серов, находившийся в Венгрии с октября по декабрь 1956 г. Донесения Серова в ЦК КПСС — ценный источник, показывающий деятельность советских спецслужб (в частности, особых отделов армейских дивизий) по выявлению и арестам участников венгерского восстания, изъятию оружия, дающий представление о масштабах карательных акций в Венгрии в ноябре 1956 г. (док. №№ 189, 193, 198, 200, 204, 210, 220). Если Серов осуществлял непосредственное руководство репрессивно-карательной деятельностью, то в качестве главных политических советников Кадара выступали члены Президиума ЦК КПСС Г.М.Маленков, М.А.Суслов и секретарь ЦК КПСС А.Б.Аристов (док. №№ 191, 228). Вопреки заверениям, что они будут действовать только по указаниям Кадара, «едва ли будет преувеличением сказать, что именно Маленков и Суслов управляли Венгрией в этот непростой для нее период», — подчеркивается во введении к четвертому разделу настоящего издания (с. 563). Информация, которую представители КПСС передавали в Москву по несколько раз в неделю, дополняет представления об экономическом положении и политической обстановке в стране, раскрывает эволюцию политики Я.Кадара под давлением со стороны советских «гостей». После отъезда из Венгрии Маленкова, Суслова и Аристова в страну в декабре по просьбе Кадара прибыла большая группа партийных функционеров более низкого звена, а также хозяйственных работников, в течение ряда месяцев выступавших в качестве консультантов местных органов власти.

Представленные в четвертом разделе документы показывают эволюцию правительства Я.Кадара, которое в обстановке острой поляризации политических сил в Венгрии, непрекращающегося активного и пассивного сопротивления масс, постоянного советского давления было вынуждено отступить от многих провозглашенных им в первоначальных заявлениях обещаний, перейти от политики компромисса к более жесткому курсу (док. №№ 189, 193, 198, 206). Первые шаги правительству Кадара пришлось предпринимать в условиях почти полной изоляции от народа. О степени отчуждения между обществом и властью дает представление запись первого заседания Временного ЦК ВСРП, состоявшегося 11 ноября. Сознывая, что карательные действия советских органов способствуют дальнейшему углублению пропасти между народом и властью, венгерские лидеры неоднократно ставили перед советскими представителями вопрос о необходимости снизить масштабы репрессий. Так, в беседе с Серовым 9 ноября Кадар, жалуясь на массовый характер арестов, указал на несоответствие проводимой политики заявленному в правительственной декларации от 4 ноября обещанию не преследовать тех повстанцев, которые сложат оружие (док. № 189). Маленков, Суслов и Аристов пытались подтолкнуть Кадара к более жесткому курсу. Очевидно, что и сам Кадар после неудачи в достижении компромисса с рабочими советами все более утрачивал терпение и склонялся к более жестким мерам. Для того, чтобы проследить, как под влиянием логики внутривластной борьбы и непрекращающегося советского давления претерпела эволюцию политическая линия Кадара, сколь далеко отступил он уже в течение первых месяцев пребывания у власти от своей первоначально заявленной программы, достаточно сопоставить ряд его выступлений за ноябрь 1956 г., помещенных в настоящем издании. Известно, что октябрьские события впервые были однозначно охарактеризованы Кадаром как контрреволюционные в докладе на пленуме Временного ЦК ВСРП 2—5 декабря 1956 г. — это определение стало на долгие годы официальной установкой и оставалось в силе вплоть до конца 1980-х годов. Декабрьский пленум, решения которого были подготовлены всем предшествовавшим ходом событий, особенно отчетливо показал полную несовместимость иностранного военного присут-

вия с декларированным Кадаром в обращении к венграм от 4 ноября обещанием обеспечить независимость и суверенитет страны. И все-таки едва ли можно отрицать субъективное желание Кадара проводить по возможности более самостоятельную линию, его последовательность в стремлении к опоре на внутренние силы, расширению социальной базы правительства. Об этом свидетельствует, в первую очередь, экономическая политика кадаровского руководства. Основанная на здравом смысле, учете венгерской специфики, предоставившая некоторый простор частной инициативе в мелкой промышленности и торговле и при этом не порывавшая с основными догмами государственного социализма, экономическая политика ВСРП второй половины 1950-х — начала 1960-х годов смогла обеспечить, хотя и не без помощи извне, довольно быстрое налаживание и подъем производства, повышение материального благосостояния населения, постепенно подготовила переход к новому этапу, связанному с экономической реформой конца 1960-х годов.

Одна из тем, раскрываемых документами, представленными в четвертом разделе, связана с процессом становления ВСРП. Возникшая 1 ноября как альтернатива сталинизму в Венгрии, эта партия стала орудием частичной ресталинизации в стране. Обращение ЦК ВСРП от 6 ноября (док. № 176), объявившее о необходимости порвать с политикой и репрессивными методами клики Ракоши и столь же решительно с группой Надя, явилась платформой, на которой кадаровское руководство намеревалось объединить лояльные новому режиму силы. Несмотря на первоначальные декларации, идея защиты суверенитета не получила развития, сторонники специфического венгерского пути к социализму все более осознавали несовместимость своих планов с интересами Москвы и, соответственно, иллюзорность их осуществления.

Другая сложная проблема, затрагиваемая в разделе, связана с обстоятельствами нейтрализации правительства И.Надя. Документы свидетельствуют о дипломатических контактах между Москвой, Белградом и Будапештом с целью поисков приемлемого решения вопроса о пребывании Надя и его соратников в югославском посольстве, об акции по их захвату, закончившемуся судом с вынесением смертного приговора (док. № 185, 190, 202, 206, 207, 209). Документы позволяют проследить эволюцию отношения Кадара и его правительства к Надю по мере упрочения нового режима: от обсуждения вопроса о вовлечении Надя в правительство до уголовного его преследования.

Говоря об эволюции политики Кадара, о постепенной сдаче им первоначально заявленных позиций по целому ряду основополагающих вопросов (об оценке характера событий с 23 октября, об отношении к Надю, о многопартийности, о пребывании советских войск), надо учитывать шаткость его положения в первые месяцы. Для того, чтобы освободиться, насколько это было возможно, от советской опеки, расширить поле для политического маневра, Кадар должен был сначала делом завоевать доверие Москвы. Как явствует из материалов заседания Президиума ЦК КПСС от 6 ноября (док. № 175), где Хрущев защищал главу нового венгерского правительства от нападок Молотова, ставка на Кадара была сделана серьезно. Но, как замечает один из составителей сборника, «должны были пройти долгие годы, пока Я.Кадару политической уступкой и компромиссов, непревзойденным мастером которых он со временем стал, удалось, дав венграм максимум свобод, возможных при однопартийной коммунистической диктатуре, завоевав относительную поддержку в обществе, заставить своих соотечественников признать существующий в стране режим как наименьшее среди всех неминуемых зол на пути построения «светлого будущего» (с. 574).

СОДЕРЖАНИЕ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С.ПУШКИНА	
Великий поэт России (А.А.Чернобаев)	3
«Поплачет Русская поэзия...» Письмо купца И.Д.Баркова племяннику С.В.Баркову. 1837 г. (А.А.Преображенский)	4
Петр Бартенев о Пушкине. Из дневника 1854—1855 гг. (И.А.Смирнова)	8
Каменевская пушкиниана. 1933 г. (Л.Ф.Кадик, В.В.Крылов)	25
АРХИВ ВОЖДЕЙ	
«Я пишу как было, я никого не щажу». Неизвестная глава из воспоминаний маршала Г.К.Жукова (Ю.А.Абрамова)	38
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ	
«На мою долю выпал счастливый лотерейный билет». Отрывки из воспоминаний Е.С.Коц (И.В.Смирнова) (<i>Окончание</i>)	75
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
«Политическая эмиграция — не наш путь». Письма Н.В.Устрялова Г.Н.Дикому. 1930—1935 гг. (О.А.Воробьев) (<i>Окончание</i>)	107
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ	
«Культурные люди сознательно учитывают прошлое». Из записных книжек А.А.Богданова (Ю.П.Шарапов)	167
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ	
«Россия быстро движется к государственному банкротству». Записка С.Ф.Шарапова великому князю Александру Михайловичу. 1895 г. (М.Ю.Конягин)	176
ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ	
«Надлежит... ведать все уставы государственных и важность их». Документы РГАДА по истории государственной службы в России. XVIII в. (Н.Ю.Болотина) (<i>Окончание</i>)	189
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы (М.В.Латыш)	216

CONTENTS

ON THE 200TH ANNIVERSARY OF A.S.PUSHKIN

- Great Russian poet** (A.A.Chernobaev) 3
- «Russian poetry will be weeping away...»**. Merchant I.D.Barkov's letter to his nephew S.V.Barkov. 1837. (A.A.Preobrazhensky) 4
- Petr Bartenev about Pushkin**. From the diary of 1854—1855. (I.A.Smirnova) 8
- Kamenev's Pushkiniana**. 1933. (L.F.Kadik, V.V.Krylov) 25

LEADERS' ARCHIVES

- «I describe everything as it actually happened sparing nobody's feelings»**. Unknown chapter from Marshal G.K.Zhukov's memoirs (Iu.A.Abramova) 38

THE GREAT PATRIOTIC WAR

- «A great piece of luck fell on lot of mine»**. Fragments from E.S.Kots's memoirs (I.V.Smirnova) (*The End*) 75

RUSSIANS ABROAD

- «Exile is not our path»**. N.V.Ustrialov's letters to G.N.Dikoi. 1930—1935. (O.A.Vorobiev) (*The End*) 107

INTELLIGENTSIA AND POWER

- «Men of culture consciously take into consideration events of the past»**. From A.A.Bogdanov's notebooks (Iu.P.Sharapov) 167

ECONOMICS AND FINANCE

- «Russia is quickly moving towards state bankruptcy»**. S.F.Sharapov's memorandum to Grand Duke Alexandr Mikhailovich. 1895. (M.Iu.Koniagin) 176

FROM ANCIENT TIMES

- «Ought to have proper understanding of the state regulations and rules and comprehension of their importance»**. Documents from the Russian State Archives of Ancient Acts on the history of government service in Russia. XVIII. (N.Iu.Bolotina) (*The End*) 189

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- The Soviet Union and the Hungarian crisis of 1956. Documents** (M.V.Latysh) 216

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АБРАМОВА** Юлия Александровна — аспирант ГАСБУ
- БОЛОТИНА** Наталья Юрьевна — аспирант РАГС при Президенте РФ
- ВОРОБЬЕВ** Олег Александрович — консультант аппарата Государственной думы по делам СНГ и связям с соотечественниками
- КАДИК** Лев Феликсович — студент ИАИ РГГУ
- КОНЯГИН** Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук, директор редакционно-издательского центра
- КРЫЛОВ** Вячеслав Викторович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой архивоведения и археографии ИАИ РГГУ
- ЛАТЫШ** Михаил Витальевич — кандидат исторических наук
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ** Александр Александрович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН
- СМИРНОВА** Инга Владимировна — главный библиотекарь сектора Дом Плеханова Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки
- СМИРНОВА** Ирина Анатольевна — кандидат исторических наук, главный специалист Федеральной архивной службы России
- ЧЕРНОБАЕВ** Анатолий Александрович — доктор исторических наук, главный редактор журнала «Исторический архив»
- ШАРАПОВ** Юрий Павлович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН

Издатель: АНО Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

Компьютерная верстка *А.А.Афанасьев, А.Ю.Егоркина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 20.05.99.

Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 700 экз. Заказ № 802

129256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);

Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

ППП типография «Наука» Академиздатцентра «Наука» РАН
121009, Москва, Шубинский пер., 6.

